Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

ВТОРАЯ МИРОВАЯ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНЫ КАК ФАКТОР ПЕРЕХОДА ОТ МНОГОПОЛЯРНОГО К БИПОЛЯРНОМУ МИРУ

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им Ф. Скорины
2025

УДК 94:327(4)

Вторая мировая и Великая Отечественная войны как фактор перехода от многополярного к биполярному миру : сборник научных статей / редкол. : Н. Н. Мезга (гл. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2025. – 215 с.

ISBN 978-985-32-0123-9

Сборник включает научные статьи, которые посвящены истории международных отношений в контексте возникновения Второй мировой войны, её хода и итогов. Авторы представленных материалов прослеживают эволюцию Версальско-Вашингтонской системы, определяют изменения в расстановке сил на международной арене в результате войны, анализируют причины возникновения «холодной» войны, затрагивают проблемы современного состояния международных отношений.

Издание адресовано профессиональным историкам, педагогам, студентам и всем, кто интересуется историей.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Сборник издан при финансовой поддержке Русского дома в Гомеле.

Редакционная коллегия:

Н. Н. Мезга (главный редактор),
С. А. Черепко (заместитель главного редактора),
Е. Н. Дубровко, С. Б. Жихарев, А. М. Кротов, Д. М. Толочко

Рецензенты:

кандидат философских наук С. Н. Бордак
кандидат исторических наук С. Ф. Веремеев

ISBN 978-985-32-0123-9

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Мезга Н. Н. Предисловие…….. 5
Романов В. В. Версальские соглашения: мир или перемирие?.. 8
Корзюк А. А. Вывучэнне Парыжскай мірнай канферэнцыі ў курсе сусветнай гісторыі ў сярэдняй школе……... 16
Мязга М. М. Дыпламатычныя манеўры ў трыкутніку Масква – Варшава – Берлін у кантэксце падрыхтоўкі Генуэзскай канферэнцыі 1922 года……. 26
Родин Д. В. Проекты «новых Локарно» как механизм стабилизации Восточной Европы во второй половине 1920-х годов….. 39
Дубровко Е. Н. Польша во внешнеполитической концепции и деятельности британских лейбористов в середине 1920-х годов. 47
Брянцев М. В. Польша как вероятный противник в будущей войне (представления населения Гомельской губернии во второй половине 1920-х годов)……... 59
Бароўская В. М. Дагавор аб ненападзенні 1932 года ў савецка-польскіх адносінах 1921–1939 гадоў……. 67
Вабішчэвіч А. М. Адмова ўрада Польшчы ў 1934 годзе ад Малога Версальскага трактата і рэакцыя на яе……. 75
Хавкин Б. Л. Германские генералы и разрыв «оков Версаля»... 84
Рожкова С. Н. Советско-германское культурное взаимодействие в период Рапалло в отражении белорусской историографии…….. 94
Рожкова С. Н. Советско-германские отношения 1933–1938 годов в белорусской постсоветской историографии……... 99
Старовойтов М. И. Военнослужащие частей РККА, дислоцированных на Гомельщине и Мозырщине в межвоенный период: этносоциальный аспект…… 103
Толочко Д. М. Создание органов государственной власти в Западной Беларуси (октябрь 1939–1940 год)……. 111
Космач В. А. Начало и окончание Второй мировой войны в современной российской историографии…….. 118
Цацарын В. У. Падзеі бітвы за Дняпро на Гомельшчыне…….. 125
Елизаров С. А. Белорусская ССР 1944 года: советско-польская граница – административно-территориальное деление….. 130
Снапкоўскі У. Е. Сумесны шлях Беларусі і Украіны ў ААН: рэтраспектыўны дыскурс…… 137
Лапицкий А. С., Дубровко Е. Н. А. А. Громыко и идея создания международной организации безопасности……. 143

Авсянникова С. Н., Дубровко Е. Н. Мемориализация и примирение: роль ООН в сохранении исторической памяти в Республике Беларусь…… 149
Шумилов В. Г. Проблемы коалиционной стратегии XX века… 156
Челядинский А. А. Куба во Второй мировой войне 1939–1945 годов…… 168
Ковяко И. И. Первое послевоенное поколение германистов в Великобритании и США: per aspera ad astra……... 176
Кодин Е. В. Академические корни американской государственной русофобии: история и современность……... 183
Гавриловец Л. В. Образование ФРГ и ГДР и позиция Польши. Начало германо-польского диалога…….. 193
Величко Н. В. Демократизация и денацификация высших учебных заведений в советской зоне оккупации Германии в 1945–1948 годах……... 201
Сюй Цзявэнь, Анохина В. В. Современный Китай в борьбе за мир и глобальное партнерство: китайское видение нового миропорядка…… 209

ПРЕДИСЛОВИЕ

Время всё больше отодвигает от нас события Второй мировой и Великой Отечественной войн. В этом году мы отмечаем уже 80-летие Великой Победы. Несмотря на значительный исторический отрезок, отделяющий нас от событий той войны, актуальность её изучения не уменьшается. С дистанции прошедшего времени, через введение в научный оборот новых исторических источников исследователи раскрывают новые аспекты политических, военно-стратегических, экономических проблем войны. Всё большее внимание привлекает к себе проблема человека на войне. В условиях войны человек находился перед постоянным моральным выбором, результат которого определял его место в схватке с фашизмом. Ход Второй мировой войны и её исход показывают, что абсолютное большинство белорусского народа, народов Советского Союза, стран Антигитлеровской коалиции сделали выбор в пользу защиты своей Родиной, своего народом, своей семьи от угрозы уничтожения нацизмом и фашизмом, что и стало решающим фактором победы над ними.

В данном сборнике преобладают материалы, в которых раскрывается проблема возникновения Второй мировой войны в контексте развития системы международных отношений, выявлены изменения в расстановке сил в мире в ходе Второй мировой войны и по ее итогам. Указанная проблематика на сегодняшний день продолжает вызывать активные дискуссии среди историков. В современной историографии, в частности в российской, широко представлена точка зрения о Версальско-Вашингтонской системе международных отношений как пронизанной острыми противоречиями, что предопределило её неустойчивость и недолговечность. Данное обстоятельство стало одним из факторов, способствовавших возникновению Второй мировой войны.

В российской историографии фактически сформировалось два направления по вопросу возникновения Второй мировой войны. «Традиционалистское» направление во многом опирается на положения советской историографии. В рамках этого направления особый акцент делается на роль «политики умиротворения», на ряду с агрессивностью фашистского блока, в возникновении войны. Неудача в деле создания системы коллективной безопасности связывается с нежеланием Великобритании и Франции достичь соглашения с СССР.

«Критическое» направление российской историографии трактует «политику умиротворения» прежде всего через стремление стран Запада избежать большой войны, которую они считали ненужной и бессмысленной. В частности, Мюнхенские соглашения рассматриваются как попытка заменить Версальскую систему новым международным

порядком, в основе которого была бы концепция «пакта четырёх». При этом Мюнхен не рассматривается как точка невозврата на пути ко Второй мировой войне. Подписанные там соглашения не исключали альтернативных вариантов развития международных отношений.

Особенно острые дискуссии ведутся о советско-германском договоре о ненападении. Часть историков продолжает отстаивать тезис о вынужденном характере этого договора для СССР. Угроза «нового Мюнхена» подтолкнула советское руководство к соглашению с нацистской Германией. В качестве положительных моментов пакта отмечается включение в состав Советского Союза территорий, которые когда-то принадлежали Российской империи. Это позволило Красной Армии встретить нападение Германии на значительно более западных рубежах. Также отмечается, что пакт предотвратил соглашение западных демократий с нацистской Германией против СССР.

Представители «критического» направления исходят из того, что пакт с Германией был результатом целенаправленной политики Советского Союза по укреплению своих международных позиций. Подписание этого пакта рассматривается как реализация советской внешнеполитической стратегии, предусматривавшей подрыв позиций капитализма через мировую войну. «Критическое» направление не соглашается с тем, что включение в состав СССР ряда территорий укрепило его безопасность, так как исчезла цепочка государств, которые представляли собой буфер между ним и нацистской Германией. А то, что Красная Армия встретила противника на отодвинутых на запад границах не предотвратило её тяжелых поражений в начале войны.

Ряд нерешенных проблем присутствует в историографии, посвященной Антигитлеровской коалиции. В современной российской историографии имеются выработанные еще исследователями советской эпохи положения о высокой степени конфликтности внутри антигитлеровской коалиции, в основе которой был антисоветизм правящих кругов западных государств. Представители «критического» направления утверждают, что сотрудничество с западными государствами для советского руководства было вынужденным, и оно на протяжение всей войны не отказывалось от тактики использования межимпериалистических противоречий. Противоречия внутри Антигитлеровской коалиции обострялись по мере приближения окончания Второй мировой войны. Это стало важнейшей предпосылкой для возникновения «холодной» войны.

Во время Второй мировой войны началась трансформация системы международных отношений, результатом которого станет формирование после ее завершения двухполярного мира. Уже с 1943 г. стало очевидным, что два государства – Советский Союз и США – в послевоенное время будут явно доминировать в мире. Послевоенный

мир погрузился в состояние жесткого противостояния между двумя лагерями. Причины перехода союзников по Антигитлеровской коалиции к состоянию «холодной» войны остаются также предметом острых дискуссий между историками. Не исключение в этом плане российская историография. Одни исследователи продолжают советскую традицию и видят главную причину «холодной» войны в стремлении США к мировой гегемонии. Запад не хотел понять, что для советского руководства вопросы национальной безопасности стояли на первом месте. «Синдром 41-го года» требовал от него создать вокруг СССР своеобразное предполье обороны в виде союза дружественных государств. Ряд исследователей считает, что «холодная» война началась прежде всего вследствие политики Советского Союза, в основе которой лежало стремление к насаждению по всему миру режимов, ориентированных на идеологию марксизма-ленинизма. Это встретило активное противодействие со стороны США и их союзников, которые намеревались строить мир на либеральных ценностях, несовместимых с коммунизмом. Такое кардинальное расхождение между бывшими союзниками по Антигитлеровской коалиции и привело к «холодной» войне.

Как видим, беглый взгляд только на российскую историографию показывает, что существует большое число разнообразных проблем, связанных с изменениями в международном порядке в условиях нарастания угрозы Второй мировой войны, в годы войны, с формированием послевоенной системы международных отношений, которые вызывают серьезные дискуссии между историками. Острота дискуссий, разнообразие концепций по указанной проблематике еще больше возрастет, если мы обратимся к западной историографии. Поэтому для исторической науки чрезвычайно актуальным остается изучение истории международных отношений в контексте возникновения Второй мировой войны, её влияния на их трансформацию. Представляется, не будет ошибкой сказать, что это влияние ощущается до настоящего времени. А сама историография указанной проблемы выступает фактором, оказывающим влияние на межгосударственные отношения в современном мире. Отрицательный аспект этого влияния будет сведен к минимуму, если историки, изучающие сложные и противоречивы проблемы истории международных отношений, Второй мировой войны будут стремиться к достижению максимальной объективности на основе обращения к широкому комплексу разнообразных исторических источников и применения строго научной методологии при проведении своих исследований.

Н. Н. Мезга,
заведующий кафедрой всеобщей истории
ГГУ имени Ф. Скорины,
доктор исторических наук, профессор

УДК 94(4)"1914/19"

В. В. Романов
Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина

ВЕРСАЛЬСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ: МИР ИЛИ ПЕРЕМИРИЕ?

В статье рассматриваются некоторые особенности соглашений, разработанных в ходе Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. По мнению автора, компромиссность этих договоренностей была предопределена наличием различных подходов к послевоенному миропорядку. Обоснован вывод о том, что в развязывании Второй мировой войны виноваты не столько порочность Версальских договоренностей, сколько политические и социально-экономические условия, в которых развивался мир после подписания послевоенных соглашений.

80-летний юбилей Великой Победы позволяет в очередной раз обратиться к двум «вечным» проблемам в осмыслении феномена международных отношений: почему начинаются войны, и как они завершаются. Дихотомия «войны и мира» остается, по сути, ключевой темой большинства работ как по истории, так и по теории международных отношений. Причиной тому стал очевидный факт, что история человечества – это история непрерывных войн.

Дискуссии о природе войн и их предназначении сформировали довольно устойчивые научные направления в различных социальных науках. Велико количество различных публикаций по данной теме. Сегодня, говоря о войнах, принято акцентировать вопрос об их иррациональности или даже атавистичности, о высокой цене любых вооруженных конфликтов, об опасности каких-либо прямых столкновений между ядерными державами [1, p. 13–16]. Однако, война и в наши дни все еще сохраняет свое значение в качестве инструмента внешней политики государства. Роль войн в мировой истории определяется главным образом тем, что под влиянием т.н. «больших» (или, по классификации Карла фон Клаузевица, «тотальных») вооруженных конфликтов происходит формирование архитектуры мирового порядка: как правило, именно победители конструируют новую модель распределения власти, обеспечивают легитимность соглашений о послевоенном мироустройстве

и создают механизмы поддержания баланса сил [2, с. 20–21; 3, с. 18]. Весьма сомнительно, что в ближайшее время эта закономерность будет как-то принципиально преодолена.

Тем не менее, исторический опыт показывает, что завершать войны можно все-таки по-разному. Так, две самые кровопролитные мировые войны XX века с полным основанием можно рассматривать в качестве прямо противоположных примеров послевоенного урегулирования. Казалось бы, обе войны заканчивались однозначной победой одной из воюющих сторон: в первом случае победителем был блок Антанта, а во втором – антигитлеровская коалиция. Принципы, на которых основывались мирные соглашения в 1919 г. и в 1945 г., во многом коррелировались между собой. Однако, Версальские договоренности оказались недолговечными и уже через два десятилетия их действие прервала новая мировая война. Ялтинско-Потсдамские соглашения, напротив, продемонстрировали свою стабильность. Они заложили политико-правовую основу, сумевшую на протяжении 80 лет предотвращать какое-либо прямое вооруженное столкновение великих держав. Исходя из этого, вопрос об особенностях соглашений, завершивших две мировые войны, остается актуальной научной проблемой. Неслучайно, дискуссии на этот счет продолжаются на самых различных площадках. Зачастую к опыту этих соглашений прибегают в т.ч. и для понимания логики современных вооруженных конфликтов [4].

Версальское мироустройство с самого начала оказалось в центре острой общественно-политической полемики. Академическая составляющая этой полемики, известная как «Великие дебаты», фактически ознаменовала не только рождение, но и закрепление современной идентичности такой науки как теория международных отношений [5]. Как современники, так и историки давали зачастую диаметральные оценки договоренностям, согласованным в Версале. Суть противоречий по этому поводу точно передал английский историк Эдвард Карр в своей книге «Двадцатилетний кризис, 1919–1939», изданной накануне Второй мировой войны. Критикуя утопичность созданной после войны Лиги Наций, которая рассматривалась творцами Версальской системы (и, прежде всего, президентом США Вудро Вильсоном) ключевым инструментом нового миропорядка, Карр заключает, что такие «элегантные надстройки … должны подождать, пока не будет достигнут определенный прогресс в закладке [их] фундамента» [6, p. 239].

Изучению различных аспектов дискуссий о Версале и его наследии посвящена обширная научная литература [7, 8, 9]. Одним из ключевых сюжетов в историографии этого вопроса остается проблема

компромиссов, которые определили противоречивость послевоенных договоренностей. Как правило, именно эти компромиссы увязывались с «пороками» Версальской системы и дальнейшим ростом противоречий в международных отношениях, повлекших за собой возникновение Второй мировой войны. В этой связи многие исследователи цитируют высказывание французского фельдмаршала Фердинанда Фоша, который, комментируя послевоенные договоренности, якобы сказал, что «это не мир, это перемирие на двадцать лет» [10, p. 52]. Историческая бесспорность данного высказывания сомнительна, поскольку его цитируют лишь со ссылкой на книгу Уинстона Черчилля о Второй мировой войне, изданную в 1948 г. Тем не менее, слова, приписываемые Фошу, очень точно передают характер претензий к архитекторам Версаля, которые так и не смогли принципиально разрешить противоречия между великими европейскими державами и даже заложили под здание нового миропорядка целый ряд «мин замедленного действия», которые рано или поздно должны были взорваться [11, с. 10]. Данная логика легла в основу популярной на Западе концепции «Второй тридцатилетней войны 1914–1945 гг.», в которой две мировые войны рассматриваются как единый конфликт, а Великая война 1914–1918 гг. и Версаль оцениваются как своеобразный пролог к неизбежным событиям 1939–1945 гг. [12; 13].

На наш взгляд, указанные оценки безоговорочной порочности решений Парижской мирной конференции все же упрощают анализ развития системы международных отношений в 1920–1930-е гг. Рассматривая содержание версальских компромиссов, следует иметь в виду их историческую предопределенность. Послевоенные договоренности по ряду объективных обстоятельств должны хотя бы в какой-то мере учитывать различные (а подчас и прямо противоположные) подходы к послевоенному миропорядку.

Во-первых, ключевые державы Антанты (Великобритания, Франция, Италия, США) имели глубокие противоречия в оценках того, какими должен быть послевоенный мир. В этих противоречиях проявлялся не только традиционный для дипломатии «конфликт интересов» стран-победителей, но и своеобразный «конфликт внешнеполитических философий», разделявших главных действующих лиц конференции. Наиболее наглядное подтверждение тому – регулярное постоянное столкновение в ходе переговоров мировоззренческих позиций французского премьер-министра Жоржа Клемансо, открытого сторонника «консервативного реализма» в дипломатии, и президента США Вудро Вильсона, отстаивавшего принципы т.н. «либерального универсализма» [14].

Во-вторых, побежденные (и, прежде всего, немцы) не считали себя абсолютно проигравшей стороной. Как им не без оснований казалось, Германия в целом выдержала военное столкновение с Антантой: фактически немцы не допустили за все годы войны солдат противника на свою территорию. Более того, благодаря успешным кампаниям на востоке им удалось заключить чрезвычайно выгодные для Германии и ее союзников Брестский и Бухарестский договоры. Поэтому полное игнорирование «германского фактора» в контексте послевоенного урегулирования, опирающееся на известный лозунг «боши заплатят за все», могло бы привести к сохранению существенных противоречий в новой системе международных отношений.

В-третьих, сама западная цивилизация под влиянием Первой мировой войной оказалась перед лицом «новых вызовов», поставивших на повестку дня вопрос о дальнейшем существовании самой «капиталистической мир-системы». Речь, конечно, идет о революционной волне, начавшейся в России и захлестнувшей ряд европейских стран. Перед лицом такой угрозы западным лидерам хотелось найти общее решение того, как преодолеть революционную опасность.

В-четвертых, компромиссность договоренностей Парижской конференции была предопределена еще и тем, что в ее работе активную роль играли т.н. «малые», в т.ч. и неевропейские государства. Все они громко заявляли о своих интересах, которые зачастую противоречили намерениям великих держав и тем самым формировали новую более многовекторную конфигурацию мирного урегулирования.

Таким образом, обозначенные выше особенности политической ситуации позволяли многим тогда надеяться на то, что Парижская конференция будет нацелена на поиск общемировых интересов и взаимоприемлемых решений, в которых нашел бы свое отражение новый формат международных отношений. Показательно на этот счет суждение английского дипломата Гарольда Никольсона, подчеркнувшего в своих мемуарах эмоциональный фон настроений в Европе кануна конференции: «Мы ехали в Париж не только за тем, чтобы ликвидировать войну, но и основать новый порядок вещей в Европе. Мы готовили не просто мир, а вечный мир. Нас окружал ореол божественной миссии» [15, с. 45].

Рассмотрим некоторые противоречия, закрепленные в парижских соглашениях и оказавшие наибольшее влияние на послевоенные международные отношения.

Первое решение такого рода было принято уже в самом начале работы Парижской мирной конференции. Речь идет о резолюции, единогласно утвержденной на пленарном заседании 25 января 1919 г.,

в которой подтверждалась необходимость создания «Лиги Наций, которая содействовала бы международному сотрудничеству, обеспечивала бы выполнение принятых международных обязательств и создала бы гарантии против войны» [16, vol. 54, p. 267]. Тем самым был закреплен компромисс между «Старой Европой», рассматривавшей идею создания универсальной миротворческой организации, по образному выражению Жоржа Клемансо, всего лишь «благородной наивностью», и Соединенными Штатами Америки, которые благодаря президенту Вудро Вильсону оценивались мировым общественным мнением чуть ли не главным сторонником нового института, способного регулировать мирополитические процессы [17, p. 170-187]. Смогло ли основание Лиги Наций сформировать общепризнанный и авторитетный механизм предотвращения войны? Наверное, нет. Об этом говорит не только история Лиги Наций, но и активно критикуемая ныне деятельность Организации Объединенных Наций. Тем не менее, создание таких организаций можно и нужно рассматривать как необходимый и важнейший шаг на пути к формированию эффективной модели глобального управления единым и многополярным миром [18, p. 28–30].

Значительная часть компромиссных решений конференции была связана с различными договоренностями по вопросам национального урегулирования. Особое внимание к данным вопросам было связано с тем, что национальные противоречия, по сути, стали весьма существенными причинами Первой мировой войны и в итоге привели к кризису и распаду многонациональных империй [19, с. 382–383]. В этой связи перед творцами Версальской системы стояла непростая дилемма: как удовлетворить надежду многих народов на справедливое разрешение национальных проблем, не нарушив при этом собственных интересов. Поэтому европейские лидеры даже не желали обсуждать возможность закрепления каких-либо общих принципов в этой сфере, понимая, что провозглашение «права наций на самоопределение» приведет к неизбежному разрушению сложившихся границ по всему миру (в т.ч. краху Британской и Французской колониальных империй). Однако они не возражали против реализации данного принципа на территориях своих противников, например, для ослабления или даже развала Австро-Венгерской монархии. Активно «национальная карта» разыгрывалась державами Антанты и на пространстве бывшей Российской империи. Отдельно следует сказать о позиции президента США, который имел особую точку зрения на перспективы решения национального вопроса. Но и он, приехав в Париж для участия в мирной конференции, сумел достаточно быстро осознать невозможность абсолютного

и повсеместного применения своих представлений о национальном самоопределении. Поэтому территориальные разграничения в Европе, закрепленные послевоенными соглашениями, зачастую не учитывали многих национальных аспектов «справедливого мироустройства». Достаточно назвать передачу Италии Южного Тироля, заселенного немецко-говорящим большинством, появление «польского коридора» и т.п. Вильсон и сам, очевидно, замечал все эти дефекты урегулирования национального вопроса. Но он, скорее всего, и не пытался вникнуть во все сложности и противоречия реализации принципа самоопределения в Европе и, тем более, их преодолеть. Для него национальный вопрос был составной частью более общей концепции мирного урегулирования. Ее центром была идея Лиги Наций, которая должна была в перспективе не только исправить допущенные ошибки, но и выступить в роли гаранта национального самоопределения [20, с. 112].

Отдельно следует сказать о решениях, касающихся послевоенного статуса побежденных. С одной стороны, США и Великобритания не допустили «Карфагенского мира» с Германией. Радикальные требования Жоржа Клемансо о расчленении страны были отвергнуты союзниками по Антанте [21, p. 103]. С другой стороны, условия Версальского договора, с точки зрения немцев, все равно оказались чрезмерно жесткими. Германия потеряла ряд ключевых для страны территорий, на которых проживала немалая часть этнических немцев: Верхняя Силезия, Дансинг, т.н. «польский коридор» и др. Еще более серьезные территориальные утраты понесла Венгрия, вынужденная уступить по Трианонскому миру 2/3 своей довоенной территории с населением в 2 млн. венгров. Практически все территориальные изменения были мотивированы стремлением лидеров Парижской конференции хотя бы частично удовлетворить запросы малых европейских государств, считавших себя пострадавшими от Четверного союза. Сложнее квалифицировать те условия послевоенных соглашений, в которых речь шла либо об очевидном унижении побежденных (например, возложение моральной ответственности за войну на Германию и ее союзников), либо о чрезмерных и заведомо невыполнимых репарационных выплатах. В данном случае достигнутый компромисс следует считать скорее «сомнительным» и даже «рискованным», поскольку это привело к общественным настроениям, ставших впоследствии источником реваншизма.

Подводя итоги, можно констатировать, что послевоенные договоренности были вполне адекватны итогам войны. Это был, конечно, мир, который, как надеялись архитекторы Версаля, сможет не допустить новых войн. Однако соглашения отражали скорее дипломатические традиции XIX века. В них были слабо отражены новые реалии

начала XX века. Все разговоры о гласности и открытости решений быстро забылись в кулуарах Кэ д'Орсе. Надежды народов на справедливость нового национально-территориального устройства Европы или новой экономической системы не оправдались благодаря настойчивому стремлению победителей немедленно получить свою долю военной добычи. Тем не менее, главное детище Вильсона – Лига Наций, ставшая ключевым компромиссом Парижской конференции, – позволяла все-таки надеяться на то, что был создан необходимый механизм миротворчества, способный оперативно преодолевать новые глобальные вызовы. Однако в реальной политике 1920–1930 гг. этот механизм оказался неработоспособным: от участия в Лиге уклонилась Америка, Лига не смогла преодолеть национально-государственные противоречия между «малыми» странами, ведущие державы Лиги (Франция, Великобритания) не отказались от двойных стандартов при подходах к решению тех или иных международных проблем. Тем не менее, можно все же говорить о том, что в развязывании Второй мировой войны виноваты не столько порочность и компромиссы Версальского мира, сколько политические и социально-экономические условия, в которых развивался мир после подписания послевоенных соглашений.

Источники и литература

1. Mann, M. On Wars / M. Mann. – New Haven; London: Yale University Press, 2023. – 607 p.
2. Киссинджер, Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер. – М.: АСТ, 2015. – 512 с.
3. Фененко, А. В. Войны в структуре мировых порядков / А. В. Фененко // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2022. – № 3. – С. 13–36.
4. MacMillan, M. How Wars Don't End. Ukraine, Russia, and the Lessons of World War I / M. MacMillan // Foreign Affairs. – Vol. 102. – No. 4 (July/August 2023). – P. 52–65.
5. International Relations and the First Great Debate / ed. by B. Schmidt. – London: Routledge, 2012. – 192 p.
6. Carr, E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations / E.H. Carr. – London: MacMillan, 1946. – 247 p.
7. Романова, Е. В. Версальский мир: пролог «двадцатилетнего кризиса» или «лучший из возможных компромиссов»? (К вопросу об оценках Версальского мира в историографии) / Е. В. Романова //

Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 5. Парижская мирная конференция, 1919–1920: Взгляд из XXI в. – М.: ИВИ РАН, 2017. – С. 3–20.

8. Магадеев, И. Э. «Образы Версаля» и трансформация международных отношений в Европе после 1989–1990 гг.: взгляд западноевропейских и американских экспертов / И. Э. Магадеев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2019. – Т. 12. Вып. 3. – С. 276–292.

9. The Treaty of Versailles: A Reassessment After 75 Years / M. F. Boemeke, G. D. Feldman, E. Glaser (eds). – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 694 p.

10. Henig, R. Versailles and After, 1919-1933 / R. Henig. – London; N.Y.: Routledge, 1995. – 78 p.

11. Вторая мировая война и трансформация международных отношений от многополярности к биполярному миру / под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Маныкина. – М.: Изд-во МГУ, 2020. – 885 с.

12. Магадеев, И. Э. «Вторая Тридцатилетняя война» 1914–1945 гг.? О некоторых особенностях развития международных отношений в Европе на пути ко Второй мировой войне / И. Э. Магадеев // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 4. – С. 34–61.

13. Black, J. The World at War, 1914–1945 / J. Black. – Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2019. – 351 p.

14. Дронов, С. Б. Франко-американские отношения в период Парижской мирной конференции 1919 г. / С. Б. Дронов. Дисс. … канд. ист. наук. – Тамбов: ТГУ имени Г.Р. Державина, 2011. – 196 с.

15. Никольсон, Г. Как делался мир в 1919 г. / Г. Никольсон. – М.: Госполитиздат, 1945. – 298 с.

16. The Papers of Woodrow Wilson / ed.: A.S. Link et al. – Vol. 1–69. – Princeton: Princeton University Press, 1966-1994.

17. Mayer, A. Politics and Diplomacy of Peacemaking. Containment and Counter-Revolution in Versailles, 1918–1919 / A. Mayer. – N.Y.: Knopf, 1967. – 952 p.

18. Karns, M. P. International Organizations: The Politics and Processes of Global Governance / M. P. Karns, T. Johnson, K. A. Mingst. – Boulder, CO: Lynne Rienner, 2024. – 672 p.

19. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Маныкина. – М.: Изд-во МГУ, 2014. – 816 с.

20. Романов, В. В. Вудро Вильсон о национальном самоопределении / В. В. Романов // Вехи американской истории: Сб. статей,

посвященный 70-летию доктора исторических наук, профессора В. В. Согрина / ред.-сост. Т. Ю. Лаврентьева, Л. М. Троицкая. – М.: ИВИ РАН, 2015. – С. 98–116.

21. Watson, D. Père la Victoire or Perdre la Victoire: Clemenceau's Defence of the Peace Settlement / D. Watson // Peacemaking, Peacemakers and Diplomacy, 1880-1939: Essays in Honour of Professor Alan Sharp / ed. by G. Johnson. – Cambridge Scholars Publishing, 2010. – P. 103–119.

УДК 373.091.33:94(100):94:327.56(4)«1919-1920»

А. А. Корзюк
рэдакцыя навукова-тэарэтычнага,
навукова-метадычнага часопіса
"Беларускі гістарычны часопіс"

ВЫВУЧЭННЕ ПАРЫЖСКАЙ МІРНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ Ў КУРСЕ СУСВЕТНАЙ ГІСТОРЫІ Ў СЯРЭДНЯЙ ШКОЛЕ

У артыкуле прапануецца сцэнарый сюжэтнай ролевай гульні "Парыжская мірная канферэнцыя" для вучняў IX (XI) класаў. Яе правядзенне мэтазгодна пасля вывучэння адпаведных тэм па сусветнай гісторыі ў адзначаных класах. Абраная форма правядзення ўрока дазволіць арганізаваць больш глыбокае і сістэматычнае засваенне вучэбных гістарычных ведаў па дадзенай тэме, комплексна падыйсці да вывучэння гістарычных умоў, у якіх адбывалася Парыжская мірная канферэнцыя і задач, што стаялі перад яе ўдзельнікамі, а таксама тых супярэчнасцяў, якія існавалі ў міжнародных адносінах у гэты перыяд.

Вывучэнне навейшай гісторыі ў IX і XI класах пачынаецца з наступстваў Першай сусветнай вайны і пасляваеннага ўладкавання свету. Зацвярджэнне асноў міру адбылося пад час шэрагу міжнародных канферэнцый, сярод якіх першачарговае значэнне мела Парыжская (або Версальская), якая заклала асновы новай сістэмы міжнародных адносін у міжваенны перыяд.

У змесце артыкула прапануем матэрыялы да правядзення ўрока сусветнай гісторыі ў форме сюжэтнай ролевай гульні "Парыжская мірная канферэнцыя". Яе правядзенне мэтазгодна пасля вывучэння тэм "Сцвярджэнне асноў пасляваеннага свету" (IX клас) або "Версальска-Вашынгтонская сістэма міжнародных адносін" (XI клас) у класах,

вучні якіх праяўляюць асобую цікавасць да вывучэння гісторыі, або пры профільным вывучэнні прадмета ці на факультатыўных занятках.

Абраная форма ўрока дазволіць арганізаваць больш глыбокае і сістэматычнае засваенне вучэбных гістарычных ведаў па дадзенай тэме. Выкарыстанне ролевай гульні дае магчымасць комплексна падыйсці да вывучэння гістарычных умоў, у якіх адбывалася Парыжская мірная канферэнцыя і задач, што стаялі перад яе ўдзельнікамі, а таксама тых супярэчнасцяў, якія існавалі ў міжнародных адносінах у гэты перыяд. Менавіта гульня стварае ўмовы для далучэння кожнага навучэнца ў асобнасці і ўсіх разам да актыўнай пазнавальнай дзейнасці і выкарыстання набытых ведаў на практыцы. Гэта дазволіць настаўніку зразумець, наколькі глыбока вучні засвоілі змест гістарычнага матэрыялу. Якасная падрыхтоўка да гульні дазволіць вучням адчуць атмасферу той складанай і супярэчлівай гістарычнай эпохі, прычым не апошнюю ролю ў гэтым могуць адыграць артыстычныя здольнасці яе ўдзельнікаў.

Дыдактычная мэта ўрока: спрыяць абагачэнню і канкрэтызацыі ведаў вучняў аб ходзе і выніках Парыжскай мірнай канферэнцыі, складванні Версальскай сістэмы міжнародных адносін і яе супярэчнасцях.

Задачы асобаснага развіцця:

– стварыць умовы для развіцця ўменняў характарызаваць палітычнае становішча краін, лакалізаваць гістарычныя падзеі ў часе і прасторы, рыхтаваць паведамленні аб гістарычных падзеях і асобах, тлумачыць прычынна-выніковыя сувязі паміж гістарычнымі падзеямі і з’явамі, абагульняць гістарычныя факты і фармуліраваць вывады на іх падставе;

– садзейнічаць фарміраванню палітычнай культуры асобы; выхаванню гуманізму, узаемаразумення, пачуцця справядлівасці і адказнасці.

Папярэдняя падрыхтоўка да ўрока:

Клас загадзя падзяляецца на шэраг груп з улікам пажаданняў вучняў і рэкамендацый настаўніка. Мэтазгодна, каб у гульні прынялі ўдзел усе вучні. Кожная група прадстаўляе сабой “дэлегацыю” пэўнай краіны-удзельніка канферэнцыі. Зыходзячы са зместу вучэбнага матэрыялу і з улікам ступені ўплыву краін на ход і вынікі канферэнцыі, рэкамендуемая колькасць груп можа складаць тры –“дэлегацыі” Англіі, Францыі, ЗША. Колькасць груп можа быць павялічана за кошт стварэння дадатковых “дэлегацый” (Італія, Японія, Германія) у выпадку, калі клас вялікі і ёсць магчымасць забяспечыць грунтоўную падрыхтоўку вучняў да ўдзелу ў гульні. Кожная з “дэлегацый” вызначае свайго кіраўніка (для ЗША, Велікабрытаніі і Францыі гэта будуць

адпаведна В. Вільсан, Д. Ллойд Джордж і Ж. Клемансо). Для ўважлівага назірання за ходам урока-гульні, параўнання мадэлюемай сітуацыі з рэальнай, ацэнкі работы груп, асобных вучняў і выніковасці ўрока ў цэлым настаўнік можа арганізаваць работу групы вучняў-экспертаў (2–3 чалавекі).

Пасля размеркавання па групах настаўнік паведамляе прыкладны план і прапануе вучням дадатковую літататуру да ўрока-гульні [1–6]. Яе вывучэнне дазволіць больш глыбока ўявіць ход Парыжскай мірнай канферэнцыі і тыя супярэчнасці, якія існавалі паміж буйнейшымі краінамі Захаду і датычыліся пасляваеннага ўладкавання свету. Азнаямленне з дадатковай літаратурай з'яўляецца неабходнай метадычнай умовай якаснай падрыхтоўкі вучняў да ўрока.

У выпадку неабходнасці на правядзенне ўрока-гульні можна адвесці дзве гадзіны. Непасрэдна перад яе правядзеннем неабходна належным чынам аформіць класнае памяшканне, расставіць сталы для "дэлегацый" канферэнцыі і вучняў-экспертаў, падрыхтаваць наглядныя сродкі, якія будуць выкарыстоўвацца на яго працягу.

План правядзення ўрока:

1. *Уводная частка ўрока:*

1.1. Прывітанне вучняў, паведамленне тэмы і мэт урока.

1.2. Сумесная фармуліроўка вучэбнай праблемы (дадатак 1).

2. *Асноўная (гульнёвая) частка ўрока:*

2.1. Уступнае слова і прадстаўленне краін-удзельнікаў канферэнцыі і кіраўнікоў іх дэлегацый старшынёй канферэнцыі Ж. Клемансо. У ходзе прадстаўлення яны коратка распавядаюць пра сваю палітычную біяграфію (дадатак 2).

2.2. Выступленні кіраўнікоў дэлегацый краін, якія ўваходзілі ў "Раду трох" (В. Вільсан, Д. Ллойд Джордж і Ж. Клемансо) з уласнымі планамі пасляваеннага ўладкавання свету.

Прэзідэнт ЗША В. Вільсан прапануе да абмеркавання "14 пунктаў аб умовах міру" з яго паслання Кангрэсу (дадатак 3).

2.3. Абмеркаванне планаў і намераў краін-пераможцаў членамі дэлегацый (дадатак 4).

2.4. Фармуліроўка асноўных палажэнняў мірнага дагавора з Германіяй (дадатак 5).

3. *Заключная частка ўрока:*

3.1. Пошук рашэнняў вучэбнай праблемы, фармуліроўка вывада.

3.2. Рэфлексія ўдзельнікаў гульні.

3.3. Падагульняючае слова настаўніка (вучняў-экспертаў), выстаўленне адзнак.

У час асноўнай, гульнёвай часткі ўрока роля настаўніка заключаецца ў тым, каб наглядаць і падтрымліваць яе ход, у выпадку неабходнасці аказваць дапамогу і каардынаваць работу груп або іх кіраўнікоў, сачыць за адпаведнасцю выступленняў вучняў гістарычнай рэчаіснасці і зместу вучэбнага матэрыялу. Найбольш істотны гістарычны матэрыял, неабходны настаўніку і вучням для падрыхтоўкі і паспяховага правядзення гульні, змешчаны ў дадатках.

У ходзе заключнай часткі ўрока з мэтай вырашэння вучэбнай праблемы вучням прапануецца адказаць на пытанні “Ці былі справядлівымі рашэнні Версальскай канферэнцыі? Абгрунтуйце свой пункт гледжання” і “Ацаніце трываласць Версальскай сістэмы міжнародных адносін”.

Абмеркаванне дадзеных пытанняў дазволіць наблізіцца да пошуку адказу на вучэбную праблему, што была сфармуліравана ў пачатку ўрока: “Чаму Першая сусветная вайна не стала апошняй?”. Вучні з дапамогай настаўніка павінны прыйсці да наступных **высноў**:

– рашэнні Парыжскай мірнай канферэнцыі нельга ў поўнай меры прызнаць справядлівымі, бо ўся адказнасць за пачатак Першай сусветнай вайны ўскладвалася на Германію, якая па ўмовах мірнага дагавора была пастаўлена ў надзвычай цяжкае становішча. У самой краіне ён быў успрыняты як зневажальны і даў штуршок да росту рэваншысцкіх і мілітарысцкіх настрояў у пэўных колах грамадства;

– адсутнасць галоснасці ў ходзе работы канферэнцыі прывяла да таго, што кіраўнікі Велікабрытаніі, Францыі і ЗША імкнуліся дасягнуць перш за ўсё выканання ўласных палітычных мэт, інтарэсы іншых нацый не былі цалкам задаволены. Таму многія дзяржавы, якія лічылі сябе “пакрыўджанымі”, імкнуліся пераглядзець па-новаму рашэнні Версаля. З другога боку, Парыжская мірная канферэнцыя не вырашыла многіх супярэчнасцяў паміж самімі “вялікімі дзяржавамі”. Па гэтай прычыне Ліга Нацый, якая задумвалася як своеасаблівы “каўчэг міру”, не магла паўнавартасна выконваць сваё прызначэнне. Усё гэта сведчыць аб няўстойлівасці Версальскай сістэмы міжнародных адносін, што ў будучым адыграла не апошнюю ролю ў выспяванні перадумоў новай, яшчэ больш разбуральнай, сусветнай вайны.

Дадатак 1

Парыжская мірная канферэнцыя працавала ў першы год пасля завяршэння сусветнай вайны. Народы свету чакалі, што раз і назаўжды будзе пакладзены канец кровапралітным войнам. Страты, нанесеныя вайной, былі велізарнымі: 10 млн забітых, 20 млн параненых, 6 млн чалавек папала ў палон. У ваенных дзеяннях прымалі ўдзел 71 млн чалавек. У Першую сусветную вайну загінула больш людзей, чым за ўсе папярэднія войны на працягу 300 год. На першым месцы па ліку страт апынулася Расія, якая да выхаду з вайны ў выніку Брэсцкага

міру страціла на франтах звыш 2,3 млн. чалавек забітымі і памерлымі. Страты Францыі склалі каля 1,3 млн., Англіі – 750 тыс., Італіі – каля 700 тыс. чалавек. Злучаныя Штаты страцілі забітымі і памерлымі 130 тыс. чалавек, а Японія – 300 чалавек [3, с. 63]. Ці спраўдзіліся надзеі народаў розных краін свету? На жаль, гісторыя паказала, што не. Таму па выніках нашай гульні мы павінны паспрабаваць знайсці адказ на пытанне "Чаму Першая сусветная вайна не стала апошняй?".

Дадатак 2

Ллойд Джордж, Дэвід (1863–1945) – прэм'ер-міністр Вялікабрытаніі ў 1916–1922 гг., адзін з найбуйнейшых лідэраў Ліберальнай партыі. Па прафесіі – адвакат. У парламент упершыню быў абраны ў 1890 г. У 1906–1909 гг. займаў пасаду міністра гандлю, у 1909–1916 гг. – міністра фінансаў, у 1916 г. узначаліў ваеннае міністэрства. Да пачатку вайны Ллойд Джордж правёў шэраг ліберальных рэформ, пашырыў выбарчае права. З пачаткам вайны ён фактычна аб'яднаўся з кансерватарамі на глебе агульнай імперыялістычнай палітыкі. Быў адным з аўтараў Версальскага дагавора. Адзін з арганізатараў ваеннай інтэрвенцыі ў Савецкую Расію. На парламенцкіх выбарах у 1922 г. лібералы атрымалі паражэнне, і кабінет Ллойд Джорджа саступіў месца кансерватыўнаму ўраду [5, с. 378].

Вільсан, Томас Вудра (1856–1924) – 28-ы Прэзідэнт ЗША (1913–1921) ад Дэмакратычнай партыі. Прафесар гісторыі і палітычнай эканоміі. Ініцыятар уступлення ЗША ў Першую сусветную вайну. З яе пачаткам, калі нейтральная Амерыка нажывала на ваенных заказах мільярды долараў, Вільсан выступаў прыхільнікам пацыфізму. Гэта не перашкодзіла яму ў 1917 г., калі абвешчаная Германіяй неабмежаваная падводная вайна паставіла пад пагрозу амерыканскі гандаль з Еўропай, уступіць у вайну на баку Антанты. 18 студзеня 1918 г. Вільсан выступіў са сваёй праграмай міру, сфармуляванай ў знакамітых 14 пунктах [5, с. 89–90].

Клемансо, Жорж (1841–1929) – дзяржаўны і палітычны дзеяч Францыі. Прыйшоў у палітыку яшчэ ў эпоху Парыжскай Камуны. Адзін з найбольш вядомых членаў парламента, Клемансо сваімі энергічнымі выступленнямі супраць урада неаднаразова выклікаў падзенне кабінета міністраў, у сувязі з чым атрымаў мянушку "звяргацеля міністэрстваў". У 1906–1909 гг. і 1917–1920 гг. – прэм'ер-міністр Францыі. Праславіўся ў якасці "арганізатара перамогі" і кіраўніка Версальскай канферэнцыі. Быў адным з натхняльнікаў інтэрвенцыі ў Расію [6, с. 594].

Дадатак 3

Чатырнаццаць пунктаў Прэзідэнта ЗША В. Вільсана аб умовах міру з яго паслання Кангрэсу ад 8 студзеня 1918 г. (вытрымкі, пераклад на беларускую мову аўтара) [7, с. 27–28].

Нашай праграмай з’яўляецца праграма ўсеагульнага міру. Гэтая праграма […] наступная:

1. Адкрытыя мірныя дагаворы, адкрыта абмеркаваныя, пасля якіх не будзе ніякіх патаемных міжнародных пагадненняў якога-небудзь кшталту, а дыпламатыя заўсёды будзе дзейнічаць адкрыта і на віду ва ўсіх.

2. Абсалютная свабода суднаходства на моры па-за тэрытарыяльнымі водамі як у мірны, так і ваенны час […].

3. Зняцце, наколькі гэта магчыма, усіх эканамічных бар’ераў і ўсталяванне роўнасці ўмоў для гандлю ўсіх нацый, якія стаяць за мір і аб’ядноўваюць свае сілы да яго падтрымання.

4. Справядлівыя гарантыі таго, што нацыянальныя ўзбраенні будуць скарочаныя да гранічнага мінімуму, сумяшчальнага з дзяржаўнай бяспекай.

5. Вольнае, чыстасардэчнае і абсалютна непрадузятае вырашэнне усіх каланіяльных спрэчак, заснаванае на строгім захаванні прынцыпу, што пры вырашэнні ўсіх пытанняў, якія датычаць суверэнітэту, інтарэсы насельніцтва павінны мець аднолькавую вагу ў параўнанні са справядлівымі патрабаваннямі таго ўрада, правы якога павінны быць вызначаны. […]

8. Уся французская тэрыторыя павінна быць вызвалена і акупіраваныя часткі вернутыя, а зло, нанесенае Францыі Прусіяй у 1871 годзе ў стаўленні да Эльзас-Латарынгіі, якое парушала ўсеагульны мір амаль што 50 гадоў, павінна быць выпраўлена, каб мірныя адносіны маглі зноў быць усталяваныя ў інтарэсах усіх. […]

13. Павінна быць створана незалежная Польская дзяржава, якая павінна ўключаць у сябе ўсе тэрыторыі з бясспрэчна польскім насельніцтвам, якой павінен быць забяспечаны свабодны і надзейны доступ да мора, а палітычная і эканамічная незалежнасць якой, роўна як і тэрытарыяльная цэласнасць, павінны быць гарантаваны міжнародным дагаворам. […]

14. Павінна быць створана агульнае аб’яднанне нацый на аснове асобых статутаў у мэтах стварэння ўзаемнай гарантыі палітычнай незалежнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці як вялікіх, так і малых дзяржаў.

Дадатак 4

Парыжская мірная канферэнцыя афіцыйна адкрылася 18 студзеня 1919 г. у Люстраной зале Версальскага палаца і працавала да 10 студзеня 1920 г. У Парыж з’ехалася больш за тысячу дэлегатаў ад дзяржаў, якія складалі лагер пераможцаў. Разам з тэхнічнымі супрацоўнікамі ў Парыж прыбыла звыш 10 тыс. чалавек. У ходзе канферэнцыі адбылося 8 пленарных пасяджэнняў, але асноўная работа ажыццяўлялася ў рамках камісій, якіх налічвалася каля 60. Старшынёй канферэнцыі

стаў прэм'ер-міністр Францыі Ж. Клемансо. З вялікай помпай было адзначана прыбыццё прэзідэнта ЗША В. Вільсана. Упершыню ў амерыканскай гісторыі прэзідэнт пакінуў межы ЗША і прыбыў у Еўропу. Ужо сам факт яго з'яўлення ў Парыжы на чале шматлікай дэлегацыі, якая налічвала з абслугоўваючым персаналам 1300 чалавек, сведчыў аб намеры ЗША узяць у свае рукі справу мірнага ўрэгулявання. Дзяржавы-пераможцы, якія сабраліся за круглым сталом у Версалі, задаўжалі Злучаным Штатам па ваенных пазыках 9,5 млрд. долараў. Калі да вайны ЗША былі даўжніком Еўропы і выплачвалі ў год па 200 млн. долараў, то зараз фінансавыя колы краіны чакалі, што будуць атрымліваць ад спустошаных еўрапейскіх краін каля 500 млн. долараў у год [3, с. 64]. Так складваліся адносіны ў лагеры пераможцаў.

На Парыжскую мірную канферэнцыю Вільсан прывёз свае прапановы па пасляваеннаму ўладкаванню свету, якія атрымалі назву "14 пунктаў". Яны ўключалі праект стварэння міжнароднай арганізацыі – Лігі Нацый. Растлумачваючы яе значэнне сваім суайчыннікам, Вільсан заявіў: "Амерыка стала першай сусветнай дзяржавай... Нам трэба вырашыць адзінае пытанне: ці маем права мы адмовіцца ад маральнага кіраўніцтва, якое прапаноўваюць нам, ці прымем мы або адвергнем давер свету? Усё гатова, палец лёсу паказвае нам шлях. Гэта здарылася не па плану, складзенаму чалавечымі рукамі, нас вядзе Бог. Мы не можам адступіць. Мы можам толькі рухацца наперад з позіркам, накіраваным да нябёсаў, і бадзёрыя духам" [3, с. 64]. Але ў Парыжы В. Вільсану давялося сустрэцца з вопытнымі палітыкамі, галоўнымі з якіх былі прэм'ер-міністр Англіі Д. Ллойд Джордж і французскі прэм'ер-міністр Ж. Клемансо. Яны мелі ўласныя планы мірнага ўрэгулявання ў інтарэсах сваіх краін і былі згодны далёка не з усімі пунктамі праграмы амерыканскага прэзідэнта. Так, Ж. Клемансо не без іроніі каментаваў: "І навошта гэта Вільсану спатрэбілася 14 пунктаў, калі Пан Бог абышоўся ўсяго 10 запаведзямі?" [8, с. 95].

Нягледзячы на тое, што Парыж быў наводнены дэлегатамі, экспертамі і прадстаўнікамі друку, асноўныя рашэнні прымаліся на вузкіх нарадах: спачатку ў "Савеце дзесяці", а з сакавіка 1919 г. у "Савеце чатырох" [2, с. 72; 3, с. 64]. У "Савет дзесяці" ўваходзілі кіраўнікі ўрадаў і міністры замежных спраў ЗША, Англіі, Францыі, Італіі і два прадстаўнікі Японіі; "Савет чатырох" складаўся з Вільсана, Ллойд Джорджа, Клемансо і прэм'ер-міністра Італіі Арланда. Але ўсе рашэнні прымаліся, як правіла, кіраўнікамі дэлегацый Вялікабрытаніі, Францыі і ЗША. У гэтых умовах аб галоснасці і адкрытай дыпламатыі не магло быць і размовы. У сувязі з гэтым, адзін з членаў англійскай дэлегацыі пазначыў у сваім дзённіку: "...ніякія чатыры каралі і імператары не могуць кіраваць канферэнцыяй больш аўтакратычна" [3, с. 64].

Калі еўрапейскія дзяржавы сур'ёзна пацярпелі ад вайны, а Англія і Францыя страцілі адпаведна 15 % і 31 % свайго нацыянальнага багацця, то Злучаныя Штаты істотна ўзбагаціліся. Нацыянальнае багацце ЗША ўзрасло са 192 млрд. долараў у 1914 г. да 489 млрд. долараў у 1920 г., г. зн. прыкладна ў два з паловай разы. З агульнай сумы прамых ваенных расходаў на Першую сусветную вайну, якія склалі 956 млрд. залатых марак, на долю ЗША прыходзілася каля 13,5 % – 129 млрд. [10, с. 2]. Таму Злучаныя Штаты жадалі ўзяць на сябе ў дачыненні да Еўропы ў цэлым тую ж ролю, якую ў мінулых войнах адыгрывала Англія ў дачыненні да кантынента, а менавіта – аслабляць адзін лагер пры дапамозе іншага, умешваючыся ў ваенныя інтарэсы толькі настолькі, каб забяспечыць за сабою ўсе выгады становішча. Па словах аднаго з сучаснікаў, “стаўка Вільсана … была невялікая, але яна была апошняй і тым забяспечыла за ім выйгрыш” [3, с. 63]. Амерыканскія кіруючыя колы спадзяваліся, што пасляваеннае мірнае ўрэгуляванне дасць магчымасць ЗША прадыктаваць свае ўмовы і дамагчыся панавання над светам.

Францыя на мірнай канферэнцыі разлічвала дамагчыся раздзялення Германіі, істотна падарваць ваенную і эканамічную моц свайго векавога ворага. Французскі ўрад настойваў не толькі на вяртанні Эльзаса і Латарынгіі, страчаных у 1871 г., але і на перадачы Саарскага вугальнага басейна і перанясенні франка-германскай мяжы на Рэйн, намерваючыся стварыць на заходнім беразе з германскіх правінцый залежную ад Францыі Рэйнскую рэспубліку. Ж. Клемансо лічыў правядзенне мяжы па Рэйне мэтай свайго жыцця. У дні канферэнцыі ён гаварыў прэзідэнту Францыі Р. Пуанкарэ: “Прэзідэнт, вы маладзейшы за мяне. Праз пятнаццаць гадоў немцы не выканаюць усіх умоў дагавора. І калі праз пятнаццаць гадоў вы наведаеце маю магілу, вы зможаце сказаць: мы знаходзімся на Рэйне і застанемся на Рэйне” [3, с. 66]. На ўсходніх межах Германіі французскія палітыкі прадугледжвалі стварэнне моцных дзяржаў, у першую чаргу Польшчы, якую можна было б выкарыстаць супраць Савецкай Расіі, а таксама ў выпадку неабходнасці і супраць Германіі. Спасылаючыся на страты, панесеныя ў вайне, Францыя запатрабавала прадастаўлення ёй асноўнай долі рэпарацый з Германіі – 56–58 % ад усёй сумы.

Англія ўступіла ў вайну, каб разграміць Германію як марскую і каланіяльную дзяржаву. Да адкрыцця Парыжскай мірнай канферэнцыі гэтыя мэты былі ў асноўным выкананы: па ўмовах перамір'я германскі ваенны флот быў інтэрніраваны ў гаванях Антанты, а калоніі Германіі былі акупаваныя галоўным чынам англійскімі войскамі. На канферэнцыі Д. Ллойд Джордж дамагаўся ўключэння былых германскіх калоній у склад Брытанскай імперыі. У той жа час англійскі ўрад выступіў

супраць французскіх планаў рашучага аслаблення Германіі, бо іх ажыццяўленне забяспечыла б Францыі становішча гегемона ў Еўропе. Гэта прывяло да рэзкага абвастрэння англа-французскіх адносін. Клемансо прама зазначыў Ллойд Джорджу: “Я павінен вам сказаць, што на наступны дзень пасля перамір'я я знайшоў у вашым твары ворага Францыі”. “Гэта заўсёды было нашай традыцыйнай палітыкай”, – адказаў яму англійскі прэм'ер-міністр [3, с. 67].

Японія, па сутнасці, абмежавалася захопам германскіх уладанняў на Ціхім акіяне і Далёкім Усходзе. У Кітаі Японія акупіравала правінцыю Шаньдун і настойвала на замацаванні за сабой гэтай тэрыторыі. Розныя анексіянісцкія патрабаванні вылучалі і іншыя ўдзельнікі Парыжскай канферэнцыі.

Дадатак 5

28 чэрвеня 1919 г. у Версалі быў падпісаны мірны дагавор з Германіяй, які зафіксаваў шэраг кампрамісаў паміж удзельнікамі канферэнцыі. Ён уступіў у дзеянне 10 студзеня 1920 г. На Германію і яе саюзнікаў ускладалася ўся адказнасць за развязванне Першай сусветнай вайны, таму вялікая частка ўмоў дагавора насіла характар “пакарання агрэсара” або была заклікана за яго рахунак кампенсаваць страты пераможцаў. Францыі была вернута Эльзас-Латарынгія і перададзены вугальныя шахты Саарскай вобласці, якая пераходзілі пад кіраванне камісіі Лігі Нацый на 15 гадоў. Затым пытанне аб далейшым лёсе Саарскай вобласці павінен быў вырашыць плебісцыт. Войскі Антанты акупіравалі левы бераг Рэйна на 15 гадоў пад кантролем Рэйнскай камісіі, а паласа глыбінёй у 50 км на правым беразе Рэйна дэмілітарызоўвалася. Такім чынам, Францыі далёка не атрымалася ажыццявіць свае планы, бо праект мірнага дагавора, распрацаванага французскім Генштабам яшчэ ў жніўні 1917 г., прадугледжваў анэксію Саара, а таксама стварэнне на левым беразе Рэйна трох або чатырох незалежных ад Германіі дзяржаў [9, с. 40].

На ўсходзе Еўропы ўзнікла новая дзяржава – Польшча, якой Германія саступіла Познань, частку Верхняй Сілезіі, раёны Памераніі і Усходняй Прусіі; апошнюю ад асноўнай тэрыторыі Германіі аддзяляў так званы “польскі калідор”, які даваў Польшчы выхад да Балтыйскага мора. Аднак шматлікія польскія вобласці – Памеранія, Сілезія і інш. засталіся ў складзе Германіі. Быў замацаваны статус нейтралітэту Бельгіі, якая атрымала акругі Эйпен, Мальмедзі і Марэне, і поўная незалежнасць Люксембурга. Данііі перадавалася паўночная частка Шлезвіга. Германія была вымушана адмовіцца ад дамаганняў на Мемель (Клайпеду), які ў 1923 г. быў перададзены Літве, а Данцыг (Гданьск) перайшоў пад кіраванне Лігі Нацый і стаў “вольным горадам”. Увогуле,

Германія страціла 13,5 % сваёй тэрыторыі, на якой пражывала 7 млн 300 тыс. чалавек [10, с. 28]. Германія абавязвалася таксама паважаць незалежнасць Аўстрыі і Чэхаславакіі.

Па мірнаму дагавору Германія цалкам пазбаўлялася ўсіх сваіх калоній у Афрыцы, Ціхім акіяне і на Далёкім Усходзе. Усе былыя германскія калоніі былі падзелены паміж дзяржавамі-пераможцамі, хаця фармальна гэта было ажыццёўлена ў выглядзе размеркавання мандатаў Лігі Нацый на адпаведныя тэрыторыі. Найбольшую долю атрымала Англія або непасрэдна, або праз свае дамініёны. Японіі перадаваліся ўсё "правы" Германіі на Шаньдун. Гэта прывяло да абурэння кітайскага народа, у выніку чаго Кітай не падпісаў Версальскі дагавор.

Версальскі дагавор абмяжоўваў колькасць германскага сухапутнага войска 100 тыс. чалавек, генеральны штаб быў ліквідаваны, усеагульная воінская павіннасць адмянялася. Германіі забаранялася выраблять газавую зброю, мець ваенную авіяцыю, ваенна-марскі флот абмяжоўваўся 15 тыс. чалавек асабовага складу, 6 браняносцамі, 6 лёгкімі крэйсерамі і некалькімі дзесяткамі дробных судоў [10, с. 28]. Аднак дзяржавы Антанты разлічвалі выкарыстаць Германію ў антысавецкіх мэтах, таму ёй дазвалялася мець умацаванні на ўсходняй мяжы, у той час, як на заходняй яны падлягалі знішчэнню.

Па пытанні аб рэпарацыях пасля заканчэння вайны былі вылучаны розныя праекты. Францыя патрабавала не толькі кампенсацыі за прычыненую шкоду, але і пакрыцця ваенных затрат. Англійскі ўрад першапачаткова таксама выступіў за вялікія рэпарацыі. ЗША, аднак, не былі зацікаўлены ў поўным паслабленні Гераманіі; англійскі ўрад неўзабаве салідарызаваўся з гэтым пунктам погляду. У выніку пераможцы не дамовіліся аб агульнай суме рэпарацый і аб працэнтным размеркаванні іх паміж сабою. У мірным дагаворы было зафіксавана, што спецыяльная міжсаюзная камісія прад'явіць канчатковы рахунак Германіі не пазней 1 мая 1921 г., а да гэтага тэрміна Германія выплаціць 20 млрд. марак. Канчатковая сума была ўстаноўлена ў памеры 132 млрд залатых марак. Доля Францыі склала 52 %, Англіі – 22 %, Італіі – 10 %, Бельгіі – 8 % [10, с. 1–2]. Акрамя таго, на Германію была ўскладзена рэстытуцыя (вяртанне захопленай маёмасці): яна перадавала пераможцам свой гандлёвы флот, за выключэннем дробных судоў, частка рухомага саставу чыгунак і інш.

Крыніцы і літаратура

1. Всемирная история новейшего времени : учеб. пособие. В 2 ч. / Л. А. Колоцей, М. Я. Колоцей, М. В. Мартен, И. Д. Бельская / Отв. ред. Л. А. Колоцей. – Гродно : ГрГУ, 2002. – 226 с. – Ч. 1: 1917–1945 гг.

2. Новейшая история стран Европы и Америки. XX век : учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 ч. / под ред. А. М. Родригеса и М. В. Пономарёва. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – Ч. 1: 1900–1945. – 464 с.

3. Розанов, Г. Л. Новейшая история (1917–1945) : пособие для учителей / Г. Л. Розанов, Н. Н. Яковлев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1972. – 271 с.

4. Языков, Е. Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время (1918–1945): курс лекций / Е. Ф. Языков. – М. : Изд-во МГУ ; ИНФРА-М, 2000. – 352 с.

5. Военно-исторический словарь. – Минск : Харвест, 2005. – 992 с.

6. Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – 4-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1989. – 1632 с.

7. Системная история международных отношений : в 4 т. : 1918–2000. – М. : Московский рабочий, 2000. – Т. 2: Документы 1910–1940–х гг. – 243 с.

8. Кошелев, В. С. Всемирная история, XIX – начало XXI в. : учеб. пособие для 11-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / В. С. Кошелев ; метод. обеспечение М. А. Красновой. – Минск : Изд. центр БГУ, 2009. – 239 с.

9. Субботин, О. «Рейнская политика Франции» (1918–1919) / О. Субботин // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2007. – № 9. – С. 40–44.

10. Möller, H. Europa zwischen den Weltkriegen / H. Möller. – München, 1998. – 278 s.

УДК 94:327((47+57):438:430)«1922»

М. М. Мязга
Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

ДЫПЛАМАТЫЧНЫЯ МАНЕЎРЫ Ў ТРЫКУТНІКУ МАСКВА – ВАРШАВА – БЕРЛІН У КАНТЭКСЦЕ ПАДРЫХТОЎКІ ГЕНУЭЗСКАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ 1922 ГОДА

У артыкуле разгледжаны адносіны паміж Расіяй, Польшчай і Германіяй у кантэксце падрыхтоўкі Генуэзскай міжнароднай канферэнцыі 1922 г. Устаноўлена, што ў адносінах паміж названымі дзяржавамі прысутнічалі супярэчлівыя тэндэнцыі. З аднаго боку, наяўнасць агульных інтарэсаў на планаванай канферэнцыі садзейнічала збліжэнню паміж імі.

З іншага боку, у адносінах паміж Масквой, Варшавай і Берлінам заставаліся вострыя супярэчнасці, што, разам з розным месцам гэтых дзяржаў у Версальскай сістэме, рабіла тэндэнцыю да збліжэння няўстойлівай.

Міжнародны парадак, створаны Версальскім дагаворам, таіў у сабе не толькі вострыя палітычныя супярэчнасці, але і стварыў прынцыпова адрозную ад даваеннай сістэму эканамічнага ўзаемадзеяння паміж еўрапейскімі дзяржавамі. З агульнай эканамічнай сістэмы выпала Расія. Утварэнне шэрагу новых незалежных дзяржаў у Цэнтральна-Усходняй Еўропе, правядзенне новых межаў прывяло да разбурэння ранейшых эканамічных сувязяў. Гэтыя абставіны ўзмацнялі эканамічныя цяжкасці, з якімі сутыкалася Еўропа пасля заканчэння Першай сусветнай вайны. Палітычныя эліты вядучых еўрапейскіх дзяржаў прыходзілі да ўсведамлення таго, што для эканамічнага аднаўлення кантынента неабходныя ўзгодненыя дзеянні на міждзяржаўным узроўні з удзелам у тым ліку і Савецкай Расіі. Названыя абставіны і падштурхнулі лідэраў Англіі і Францыі прыняць рашэнне аб скліканні міжнароднай канферэнцыі па эканамічных пытаннях ў Генуі.

Гісторыя Генуэзскай канферэнцыі даўно з'яўляецца прадметам вялікай увагі гісторыкаў. У ліку апошніх работ расійскіх аўтараў адзначым манаграфію В. Ю. Касатонава. У ёй разгледжаны шэраг важных аспектаў, звязаных з падрыхтоўкай да канферэнцыі Савецкай Расіі, прадстаўлены працэс узгаднення пазіцый заходнімі дзяржавамі напярэдадні канферэнцыі [1]. Пытанні падрыхтоўкі Савецкай Расіі да ўдзелу ў канферэнцыі разглядаюцца і ў манаграфіі В. А. Шышкіна [2]. Шэраг даследаванняў прысвечана характарыстыцы палітыкі вядучых дзяржаў Захаду ў кантэксце падрыхтоўкі да канферэнцыі. Так, Е. Ю. Сяргееў выявіў асноўныя палажэнні брытанскай палітыкі ў сувязі з маючай адбыцца канферэнцыяй, у прыватнасці, у адносінах да Савецкай Расіі [3]. Міжнародна-палітычная сітуацыя ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе ў кантэксце падрыхтоўкі Генуэзскай канферэнцыі грунтоўна даследавана ў манаграфіі В. А. Зубачэўскага [4]. Кароткі агляд гістарыяграфіі дазваляе зрабіць выснову аб адсутнасці работ, прадметам даследавання якіх стала б палітыка Расіі, Германіі і Польшчы ў кантэксце падрыхтоўкі Генуэзскай канферэнцыі з улікам узаемазалежнасці знешнепалітычных крокаў трох названых краін. Кожная з іх, імкнучыся дасягнуць на будучай канферэнцыі пэўных мэтаў, усведамляла, што вынік шмат у чым будзе залежаць не толькі ад вядучых дзяржаў Захаду, але і ад пазіцый партнёраў па “трыкутніку” Масква – Берлін – Варшава. Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца ахарактарызаваць адносіны паміж Расіяй, Польшчай і Германіяй у кантэксце падрыхтоўкі Генуэзскай канферэнцыі.

Дыпламатычныя крокі Масквы, Варшавы і Берліна напярэдадні Генуі вызначаліся існуючымі міжнароднымі ўмовамі, тымі мэтамі, якія яны праследавалі на міжнароднай арэне ва ўмовах існуючага міжнароднага парадку. Для расійскага ўрада ключавой была задача атрымання эканамічнай дапамогі для аднаўлення гаспадаркі краіны. Зыходзячы з гэтага, будавалася стратэгія на будучай канферэнцыі. Вядома выказванне У. І. Леніна аб тым, што прадстаўнікі савецкага ўрада едуць у Геную як купцы. Але старшыня СНК не звязваў атрыманне садзейнічання Захаду ў аднаўленні эканомікі Расіі выключна з Генуэзскай канферэнцыяй. 10 лютага ён пісаў наркаму замежных спраў Г. В. Чычэрыну, што для савецкага ўрада будзе выгадны зрыў канферэнцыі, але, каб яго не звязвалі з савецкай дэлегацыяй. І далей У. І. Ленін тлумачыў сваю пазіцыю: “Пазыку мы атрымаем лепш без Генуі, калі Геную сарвем не мы” [5, с. 504].

Г. В. Чычэрын лічыў неабходным выкарыстаць Геную для дасягнення эканамічнага пагаднення з капіталістычнымі краінамі, бо аднаўленне эканомікі Расіі немагчыма без прыцягнення замежнага капіталу. Наркам пісаў: “Наша дыпламатыя праследуе ў канчатковым выніку вытворчыя мэты, нашу знешнюю палітыку мы пастаянна характарызуем як вытворчую палітыку, якая ставіць сабе мэтай спрыяць інтарэсам вытворчасці ў Расіі” [2, с. 122]. Менавіта ў кантэксце падрыхтоўкі да Генуэзскай канферэнцыі савецкая дыпламатыя дэманструе паварот ад жорсткага супрацьстаяння з капіталістычным светам да эканамічнага супрацоўніцтва з ім. Аднак гэты паварот не быў безумоўным. Нават такі актыўны прыхільнік рэальнай палітыкі як Г. В. Чычэрын лічыў неабходным выкарыстаць канферэнцыю для выкладу праграмы перш за ўсё ў інтарэсах сусветнай рэвалюцыі. Але паколькі яна наступіць пазней, бліжэйшай задачай з’яўляецца эканамічнае аднаўленне краіны, прычым з дапамогай заходніх дзяржаў [6, с. 85, 87]. Для вырашэння гэтай задачы савецкая дыпламатыя імкнулася манеўраваць паміж рознымі дзяржавамі, выкарыстоўваючы іх зацікаўленасць у эканамічных сувязях з Расіяй. У. І. Ленін ставіў задачу перад савецкай дэлегацыяй у Генуі: “... раз’яднаць паміж сабой аб’яднаныя ў Генуі супраць нас буржуазныя краіны” [7, с. 432].

У планах савецкага кіраўніцтва “раз’яднаць буржуазныя краіны” важная роля адводзілася Германіі. Напярэдадні канферэнцыі Берлін дэманстраваў салідарную пазіцыю з краінамі Захаду ў пытанні эканамічнага аднаўлення Расіі, але імкнуўся не дапусціць, каб яго вынікам стала эканамічная залежнасць савецкай краіны ад дзяржаў Антанты. 8 лютага 1922 г. канцлер Й. Вірт заявіў у рэйхстагу: “Мы будзем вітаць прапановы любога трэцяга боку працаваць у гэтым кірунку

[эканамічнага аднаўлення Расіі] сумесна з намі і ў згодзе з Расіяй". Пры гэтым кіраўнік германскага ўрада адзначыў, што аднаўленне Расіі павінна праводзіцца ў згодзе з ёй, і недапушчальна, каб з Расіяй абыходзіліся як з калоніяй [7, с. 427]. Дадзеная пазіцыя Берліна давала Маскве шанец атрымаць падтрымку Германіі ў супрацьстаянні дыктату з боку Антанты.

Для германскага ўрада адным з важных матываў паляпшэння адносін з Расіяй было сумеснае супрацьстаянне Польшчы. К. Радэк, які знаходзіўся ў Берліне, паведамляючы 11 лютага ў Маскву аб сваёй гутарцы з камандуючым рэйхсверам Х. фон Сектам, адзначыў рэзкія антыпольскія заявы генерала: "Яна [Польшча] павінна быць раздушаная, і яна будзе раздушаная, як толькі Расія ці Германія ўзмацняцца" [8, с. 335]. У сувязі з планамі выкарыстоўваць Расію ў сваёй антыпольскай палітыцы Германія выяўляла пастаянную цікавасць да стану савецка-польскіх адносін. 17 лютага пасол у Берліне паведамляў у польскае МЗС аб гутарцы з міністрам замежных спраў В. Ратэнау. Польскі дыпламат зрабіў выснову, што германскія ўрадавыя колы больш за ўсё цікавіць стан адносін Польшчы з Расіяй. В. Ратэнау выказаўся за наладжванне эканамічных адносін з Польшчай [9, ł. 4–5]. Пэўная дэманстрацыя германскім бокам гатоўнасці да паляпшэння адносін з Польшчай у сярэдзіне лютага павінна разглядацца ў кантэксце развіцця германа-савецкіх адносін. Менавіта ў гэты момант зайшлі ў тупік перамовы паміж Расіяй і Германіяй. Аднак тэндэнцыя да паляпшэння германа-польскіх адносін у тых умовах не магла быць устойлівай. Ужо ў канцы сакавіка можна казаць аб нарастанні напружанасці ў іх. У дадзеным выпадку падставай стала сітуацыя вакол Усходняй Прусіі, дзе была разгорнута магутная антыпольская кампанія, якая выклікала пратэст польскага МЗС [10, с. 28].

У Маскве ў той момант былі сумненні адносна неабходнасці ісці на саступкі Германіі дзеля пагаднення з ёй да канферэнцыі. Г. В. Чычэрын у лісце ў Палітбюро ЦК РКП(б) ад 8 лютага пісаў, што напярэдадні Генуі не варта ісці на якія-небудзь эканамічныя саступкі Германіі дзеля дасягнення пагаднення. Апраўданнем такіх саступак не магло стаць нават усталяванне дыпламатычных адносін з Германіяй. Наркам замежных спраў ставіў пад сумненне саму мэтазгоднасць іх устанаўлення да канферэнцыі [11, с. 49]. Можна меркаваць, што Г. В. Чычэрын апасаўся, як бы пагадненне з Германіяй не зрабіла больш жорсткай пазіцыю Антанты ў Генуі і не звузіла прастору для манеўру савецкай дыпламатыі. К. Радэк у ўжо згаданай гутарцы з Х. фон Сектам зрабіў выснову, што ва ўсіх палітычных колах Германіі расце ўсведамленне неабходнасці супрацоўніцтва з Расіяй. Гэта не зменяць ніякія зігзагі савецкай ці германскай палітыкі [8, с. 335]. Істотнай перадумовай

для паляпшэння савецка-германскіх адносін была зацікаўленасць немцаў у развіцці эканамічных сувязяў з Расіяй. Як паказаў у сваіх даследаваннях А. А. Ахтамзян, у ходзе падрыхтоўкі да Генуэзскай канферэнцыі германская дыпламатыя і гаспадарчыя органы распрацоўвалі мерапрыемствы, накіраваныя на глыбокае пранікненне ў эканоміку Савецкай Расіі [12, с. 44]. Улічваючы ўстойлівую цікавасць Германіі да нармалізацыі адносін з Расіяй, савецкаму ўраду можна было не фарсіраваць дасягненне пагаднення з ёй да Генуі, тым больш, як будзе паказана далей, і самі немцы не імкнуліся да такога развіцця падзей.

Адносна палітыкі Польшчы ў кантэксце падрыхтоўкі Генуэзскай канферэнцыі савецкае кіраўніцтва зыходзіла з высокай ступені яе зацікаўленасці ў эканамічным аднаўленні Расіі і наладжванні з ёю гаспадарчых сувязяў. Пра гэта сведчыць змест гутаркі члена Калегіі Наркамата замежных справ (НКЗС) Я. С. Ганецкага з польскім павераным у справах у Маскве 23 сакавіка. Савецкі дыпламат адзначыў, што развіццё прамысловасці Польшчы “безумоўна залежыць ад расійскага рынку. Таму Польшча зацікаўлена ва ўдзеле замежных капіталаў у максімальна хуткім аднаўленні расійскай эканомікі” [13, s. 152]. Словы савецкага дыпламата адлюстроўвалі пазіцыю польскіх дзелавых колаў. 9 лютага прэм’ер-міністру краіны была перададзена рэзалюцыя Польскага політэхнічнага таварыства, аўтары якой патрабавалі ўстанаўлення гандлёвых адносін з Расіяй і забеспячэння там рынку збыту для польскай прамысловасці, заключэння гандлёвага дагавора паміж дзвюма краінамі [14, с. 140].

Масква была занепакоеная магчымасцю запрашэння на канферэнцыю ўрадаў, якія ў свой час былі прызнаныя дэ-юрэ краінамі Антанты. 6 лютага савецкая дэлегацыя ў Італіі звярнулася ў МЗС гэтай краіны з просьбай паведаміць расійскаму ўраду ці мяркуецца запрашэнне на Генуэзскую канферэнцыю “таксама і тых паўшых у цяперашні ўрадаў, утвораных на тэрыторыі былой Расійскай імперыі, якія ў свой час былі прызнаныя дэ-юрэ саюзнымі дзяржавамі, ... а менавіта: былыя ўрады каўказскіх рэспублік і контррэвалюцыйныя ўрады генералаў Дзянікіна і Урангеля, якія абвясцілі сябе юрыдычнымі спадчыннікамі так званага ўрада адмірала Калчака”. У савецкай ноце ўтрымлівалася папярэджанне, што запрашэнне названых урадаў зрабіла б немагчымым удзел у канферэнцыі Расіі [15, с. 81–82]. У адказе італьянскага ўрада адзначалася, што арганізатары канферэнцыі не маюць на ўвазе запрашэнне ні расійскіх контррэвалюцыйных урадаў, ні ўрадаў дзяржаў Каўказа [15, с. 83]. Але гэты адказ не зняў цалкам апасенні Масквы, і савецкае кіраўніцтва праз паляпшэнне адносін з Польшчай імкнулася пазбавіць эмігранцкія ўрады, перш за ўсё грузінскі, яе падтрымкі.

Польская палітычная эліта ў сувязі з падрыхтоўкай Генуэзскай канферэнцыі прыйшла да новага бачання ролі “рускага пытання” ў палітыцы сваёй краіны. У мемарандуме Усходняга аддзела МЗС ад 21 лютага адзначалася, што да гэтага моманту польская палітыка ў адносінах да Савецкай Расіі разглядалася ў асноўным у кантэксце двухбаковых адносін і зводзілася галоўным чынам да выканання Рыжскай дамовы. Цяпер жа “рашэнне расійскай праблемы становіцца на адно з першых месцаў сярод актуальных пытанняў міжнародных адносін. У сувязі з гэтым колькасць фактараў, якія рэгулююць савецка-польскія адносіны, пашыраецца”. Польскія дыпламаты звярнулі ўвагу на прымірэнчую пазіцыю Англіі і Германіі ў адносінах да Расіі, бо яны зацікаўлены ў аднаўленні яе эканомікі [13, s. 138]. У мемарандуме польскага МЗС, таксама датаваным лютым 1922 г., адзначаецца дамінаванне ў еўрапейскай палітыцы новай тэндэнцыі да мірнага суіснавання з Савецкай Расіяй. Да гэтай тэндэнцыі Польшча павінна прыстасавацца. Ёй варта было атрымаць карысць з ролі пасярэдніка паміж Захадам і Расіяй, пасярэдніка, які можа быць як мостам, так і бар'ерам. Гэтую пазіцыю трэба было даводзіць да бальшавіцкіх палітыкаў [16, s. 146–147]. Фактычна не выключаўся ціск на Маскву праз ператварэнне Польшчы ў бар'ер паміж Расіяй і Захадам, калі пры аднаўленні расійскай эканомікі не будуць улічаныя польскія інтарэсы.

Пры гэтым польскія палітыкі асцерагаліся, што “расійскае пытанне” можа выклікаць раскол сярод заходніх саюзнікаў. У распрацоўках Усходняга аддзела МЗС Польшчы адзначалася, што ў яе інтарэсах захаванне адзінства паміж саюзнікамі па Антанце, бо на англа-французскі саюз абапіраецца пасляваенная еўрапейская палітыка. А на той момант, на думку польскіх дыпламатаў, праходзіла актыўнае збліжэнне Англіі з Германіяй, і гэтая групоўка была схільная да пагаднення з бальшавікамі. Францыя ж займала найбольш непрымірымую пазіцыю ў адносінах да савецкага ўраду [13, s. 138–139]. У такой сітуацыі польскія палітычныя колы лічылі мэтазгодным празандаваць стаўленне Масквы да магчымага паляпшэння адносін з Францыяй. К. Радэк інфармаваў 17 лютага Маскву аб кантактах з польскімі дыпламатамі ў Берліне. Дырэктар палітычнага дэпартамента польскага МЗС Залескі і першы саветнік польскага пасольства ў Парыжы Люкасевіч паведамілі, што мэтай іх прыезду ў сталіцу Германіі з'яўляецца садзейнічанне савецка-французскаму збліжэнню, якое адпавядае інтарэсам Польшчы. Пры гэтым яны спасылаліся на мінулыя кантакты паміж савецкімі і польскімі дыпламатамі ў Маскве і Варшаве [8, с. 344].

На думку кіраўніцтва Усходняга аддзела МЗС Польшчы, яна павінна была ўзгадніць сваю пазіцыю з Малой Антантай, краінамі

Прыбалтыкі і Францыяй, што дазволіла б ёй больш упэўнена адчуваць сябе на Генуэзскай канферэнцыі. Але пры гэтым важна было пераканаць Маскву, што гэта аб'яднанне не накіравана супраць Расіі [13, s. 140]. Аднак у польскага ўрада было адно ключавое разыходжанне з вялікім дзяржавамі адносна эканамічнага аднаўлення Расіі. У Варшаве разумелі, што ў выпадку рэалізацыі праекта міжнароднага кансорцыума адносна невялікая Польшча не будзе адыгрываць у ім значную ролю. Таму польскі ўрад імкнуўся наладзіць прамое эканамічнае супрацоўніцтва з Расіяй [13, s. 141]. Такая пазіцыя давала магчымасць Варшаве і Маскве знаходзіць агульныя падыходы да пытанняў будучай канферэнцыі.

Для Польшчы ключавой міжнароднай праблемай на той момант з'яўлялася прызнанне Захадам Рыжскай дамовы і ўсталяванай ёю мяжы, роўна як і ўваходжання ў склад Польшчы Віленшчыны і Усходняй Галіцыі. Пасольства ў Парыжы інфармавала МЗС Польшчы, што ў выпадку пастаноўкі ў Генуі пытання аб прызнанні Рыжскага дагавора, Англія можа зрабіць агаворкі адносна Усходняй Галіцыі. Польскі ўрад ускладаў надзею на дыпламатычную дапамогу Францыі ў вырашэнні галіцыйскага пытання ў адпаведнасці з польскімі інтарэсамі [17, s. 422]. У Варшаве зыходзілі з таго, што прызнанню Рыжскага дагавора садзейнічала б прызнанне краінамі Захаду Савецкай Расіі. У пасланні дырэктара Палітычнага дэпартамэнту МЗС часоваму павераному ў справах у Маскве ад 7 сакавіка адзначаецца зацікаўленасць Польшчы, як і Расіі, у прызнанні вядучымі дзяржавамі Рыжскай дамовы. Пра важнасць гэтага прызнання для Польшчы сведчыць яе гатоўнасць для дасягнення названай мэты падтрымаць Расію ў справе прызнання яе заходнімі дзяржавамі, устрымацца ад “прыніжэння аўтарытэту Расіі праз прадстаўленне рэальнага становішча спраў з выкананнем Рыжскага дагавора”. Варшава гатовая была падтрымаць намаганні Савецкай Расіі заняць раўнапраўнае месца з іншымі дзяржавамі Еўропы. Дзеля дасягнення паразумення з Расіяй Польшча гатовая была не падтрымліваць прадстаўнікоў антысавецкіх урадаў, прызнаных дэ-юрэ Антантай, у справе іх запрашэння ў Геную. Але пры гэтым Польшча настойвала, што “з боку Расіі не павінна быць прадпрынята нічога такога з палітычнага пункту гледжання, што ішло б у разрэз з Рыжскім дагаворам” [13, s. 146–147]. Зразумела, што адступленне ад палітычных палажэнняў Рыжскага дагавора магло паставіць пад сумненне ўсталяваную ім мяжу.

Выкладзеныя вышэй факты сведчаць, што ў кантэксце падрыхтоўкі да Генуэзскай канферэнцыі ў савецка-польскіх адносінах намецілася тэндэнцыя да пацяплення. Польшча гатовая была ісці насустрач Расіі пры развязанні шэрагу міжнародных пытанняў. Масква са

свайго боку дэманстравала гатоўнасць не абвастраць адносіны з Варшавай. Так, калі ў канцы студзеня 1922 г. Г. В. Чычэрын выказаўся супраць выступлення Расіі ў абарону польскіх камуністаў, якія падвяргаліся рэпрэсіям, Палітбюро падтрымала яго пазіцыю. Неабходнасць паляпшэння адносін з Польшчай наркам замежных спраў тлумачыў жаданнем вызваліць яе з-пад уплыву Пуанкарэ [18]. Пазіцыі Расіі і Польшчы супалі ў той момант па шэрагу міжнародных пытанняў: прызнанне Антантай савецкага ўрада, негатыўнае стаўленне да ідэі стварэння міжнароднага кансорцыума з мэтай аднаўлення Расіі. Але пры гэтым у адносінах паміж Масквой і Варшавай заставалася шмат спрэчных момантаў, на іх характар уплываў узаемны недавер. У наратыве савецкай дыпламатыі захоўваўся тэзіс аб агрэсіўнасці Польшчы. Яго, у прыватнасці, у сярэдзіне сакавіка агучыў Я. С. Ганецкі ў гутарках з польскім і фінляндскім прадстаўнікамі ў Маскве. Савецкі дыпламат адзначыў, што Польшча “становіцца небяспечным суседам, заўсёды гатовым справакаваць вайну” [13, s. 151]. У польскага кіраўніцтва заставаліся апасенні адносна савецка-германскага супрацоўніцтва на антыпольскай аснове. 22 студзеня пасольства Польшчы ў Берліне паведаміла ў Варшаву, што ў германскай сталіцы адбыліся перамовы паміж расійскімі і германскімі прадстаўнікамі, падчас якіх РСФСР прапанавала рэарганізаваць германскае часовае прадстаўніцтва, якое функцыянуе ў Маскве, у пасольства. Узамен савецкі бок выказаў гатоўнасць даць Германіі кампенсацыю за забойства Мірбаха [19, ł. 1]. З сакавіка МЗС накіравала паведамленне ў пасольства ў Берліне, у якім гаварылася пра выступленне Л. Д. Троцкага яшчэ ў студзені 1922 г. з “планам саюза з Германіяй”. Гэты саюз, на думку польскіх дыпламатаў, быў патрэбны Расіі перш за ўсё для закупак зброі і з мэтай падрыхтоўкі адпаведнага дагавора ў Берлін быў накіраваны К. Радэк [19, ł. 5–6]. Польскія палітычныя колы зыходзілі з рэальнасці ваеннай пагрозы з боку Расіі. На пасяджэнні Палітычнага камітэта савета міністраў Польшчы 17 сакавіка адзначалася канцэнтрацыя савецкіх войскаў на польскай мяжы. У сувязі з гэтым было прынята рашэнне затрымаць дэмабілізацыю прызыўнікоў 1899 г. да 1 чэрвеня 1922 г., а міністру замежных спраў даручалася накіраваць ноту савецкаму ўраду з пералікам ваенных прыгатаванняў Расіі” [14, с. 142–143].

У Масквы заставаліся вялікія апасенні адносна польскай палітыкі ў Прыбалтыцы, вынікам якой магло стаць стварэнне польска-балтыйскага блока, які супрацьстаяў бы Расіі. У інструкцыі дырэктара Палітычнага дэпартамента МЗС часоваму павераному ў справах у Маскве ад 7 сакавіка адзначалася: “У сувязі з Генуэзскай канферэнцыяй

найважнейшымі для нас застаюцца перамовы ў розных напрамках, якія маюць на мэце ўзгадненне па меры магчымасці пэўных прынцыповых поглядаў, што дало б нам магчымасць у патрэбны момант дасягнуць узгодненага выступлення, калі ў тым узнікла б неабходнасць. Мы накіравалі намаганні роўна ў напрамку вялікіх дзяржаў, як і аб'яднанняў меншых дзяржаў" [13, s. 145]. Расія негатыўна рэагавала на імкненне Польшча ўзгадніць сваю пазіцыю па пытаннях маючай адбыцца канферэнцыі з пазіцыяй максімальна большай колькасці дзяржаў, каб мець іх падтрымку. Вышэй адзначалася, што намаганні савецкай дыпламатыі былі нацэлены на раскол капіталістычных дзяржаў і выкарыстанне супярэчнасцяў паміж імі.

У сакавіку Варшава паставіла ў парадак дня правядзенне польска-балтыйскай канферэнцыі. 3 сакавіка міністр замежных спраў К. Скірмунт паведаміў пасольству ў Лондане аб намеры ўзгадніць з Малой Антантай і краінамі Прыбалтыкі ў сувязі з Генуяй пазіцыю па двух пытаннях: пацвярджэнне непарушнасці мірных дагавораў і роўнасць усіх дзяржаў на канферэнцыі. Для гэтага планавалася 11 сакавіка сустрэча ў Варшаве прадстаўнікоў краін Балтыі, а 15 сакавіка – прэм'ер-міністраў краін Малой Антанты [17, s. 428]. У савецкага кіраўніцтва планы такой сустрэчы выклікалі апасенні адносна яе антысавецкай накіраванасці, пра што Я. С. Ганецкі паведаміў павераннаму ў справах Польшчы ў Маскве З. Стэфаньскаму падчас іх гутаркі 6 сакавіка. Савецкі дыпламат назваў дадзеную сустрэчу без удзелу ў ёй Расіі не карыснай для савецка-польскіх адносін [13, s. 142]. У ходзе Варшаўскай канферэнцыі 17 сакавіка Польшчы, Эстоніі, Фінляндыі і Латвіі было падпісана пагадненне, удзельнікі якога абавязаліся ўзаемна прызнаць мірныя дагаворы з Савецкай Расіяй і цесна супрацоўнічаць пры правядзенні знешняй палітыкі [20, с. 148]. Галоўная мэта польскай дыпламатыі заключалася ў правядзенні адзінай палітыкі ў адносінах да Расіі з балтыйскімі краінамі. З. Стэфаньскаму польскае МЗС даручала каардынаваць з пасламі Фінляндыі, Эстоніі і Латвіі ў Маскве ў адпаведнасці з рашэннямі Варшаўскай канферэнцыі крокі, накіраваныя на забеспячэнне выканання Расіяй мірных дагавораў з названымі дзяржавамі [14, с. 144].

Адным з фактараў, які адмоўна ўплываў на характар савецка-польскіх адносін, была дзейнасць на тэрыторыі Польшчы белагвардзейскіх арганізацый. 11 сакавіка Масква ў гэтай сувязі накіравала ноту пратэсту Варшаве, у якой заявіла: "Расія не будзе рабіць адрозненні паміж рэгулярнымі польскімі войскамі і ўзброенымі атрадамі, да якой бы нацыянальнасці апошнія не належалі, паколькі гэтыя атрады будуць

нападаць на Расію з тэрыторыі Польскай Рэспублікі з прычыны садзейнічання або папушчальніцтва польскіх уладаў" [15, с. 147]. Па сутнасці, гэта была пагроза разглядаць дзеянні белагвардзейскіх фарміраванняў як факт агрэсіі з боку польскай дзяржавы. Аб зацікаўленасці Польшчы ў паляпшэнні стасункаў з Расіяй напярэдадні Генуі сведчыць і той факт, што ў пытанні аб белагвардзейскіх арганізацыях яна гатовая была ісці насустрач патрабаванням Расіі. На пасяджэнні Палітычнага камітэта савета міністраў Польшчы 17 сакавіка было прынята рашэнне аб нейтралізацыі тайнай дзейнасці рускіх манархічных арганізацый у Польшчы, а то і выдаленні гэтых арганізацый з тэрыторыі краіны. Міністр унутраных спраў павінен быў да 30 сакавіка даць справаздачу ўраду аб выкананні гэтага рашэння [14, с. 142]. І сапраўды, як паведамлялася ў дэпешы МЗС Польшчы пасольству ў Лондане, у Варшаве былі зробленыя арышты ў расійскіх манархічных колах. Палякі пазіцыянавалі гэта як дэманстрацыю мірных намераў у адносінах да савецкага ўраду [17, s. 436]. Напярэдадні Генуэзскай канферэнцыі Польшча выказвала гатоўнасць ісці на саступкі Расіі нават у такім прынцыповым пытанні, як выкананне апошняй матэрыяльных абавязанняў паводле Рыжскага дагавора. На гэта, як і на польскія саступкі ў іншых пытаннях, звярталася ўвага савецкага ўрада ў ноце, накіраванай яму МЗС Польшчы 18 сакавіка [21, л. 19].

Да канца сакавіка ў польскіх дыпламатычных колах пазначыліся контуры магчымага пагаднення з Расіяй. МЗС прапаноўвала ўключыць у яго абавязацельства Расіі і Украіны падтрымліваць намаганні Польшчы і іншых суседніх з Расіяй дзяржаў па прызнанні падпісаных трактатаў у цэласнасці, асабліва што тычыцца лініі ўстаноўленых імі межаў. Савецкія рэспублікі таксама павінны былі пагадзіцца не рабіць крокі, якія супярэчылі б Версальскаму дагавору ў яго палажэннях, якія тычацца еўрапейскіх адносін. Палякі ўсё ж разлічвалі дамагчыся выканання савецкім урадам матэрыяльных абавязацельстваў па Рыжскаму дагавору: 1) выплаты 30 млн. руб. золатам; 2) выплаты другога і трэцяга ўзносаў за чыгуначную маёмасць. Са свайго боку Польшча гатовая была падтрымаць Украіну і Расію ў справе наладжвання стасункаў з Захадам і процідзейнічаць стварэнню адзінага кансорцыума для эксплуатацыі Расіі і падзелу яе на сферы ўплыву. Польскі ўрад гатовы быў абмяркоўваць прыняцце на сябе часткі царскіх даўгоў, згаджаўся не падтрымліваць антысавецкія ўрады ў эміграцыі і браў абавязацельства не дапусціць пераходу балтыйскіх дзяржаў на антысавецкія пазіцыі [13, s. 154–155].

Дасягненне савецка-польскага пагаднення на названай аснове ўяўляецца вельмі сумніўным. Расія не была зацікаўлена ў міжнародным прызнанні межаў, устаноўленых Рыжскім дагаворам, як і дамовамі з балтыйскімі дзяржавамі. Пры іх заключэнні Масква зрабіла значныя тэрытарыяльныя саступкі і не адмаўлялася ад рэвізіі названых трактатаў. Улічваючы агульны антыверсальскі курс савецкага ўрада, непрымальным было для Расіі і патрабаванне паважаць палажэнні Версальскага дагавора. У. І. Ленін прапаноўваў паспрабаваць на канферэнцыі адмяніць усе ваенныя даўгі і перагледзець Версальскі і ўсе мірныя дагаворы [6, с. 89]. Вядомая была і негатыўная пазіцыя Расіі адносна выканання матэрыяльных абавязацельстваў па Рыжскаму дагавору. Маскву паляпшэнне польска-савецкіх адносін цікавіла перш за ўсё ў плане аддзялення Польшчы ад Францыі. Пра гэта красамоўна сведчыць ацэнка савецкай дыпламатыяй Рыжскага пратакола ад 30 сакавіка 1922 г., падпісанага Расіяй, Польшчай, Эстоніяй, Фінляндыяй і Латвіяй. У дакладзе савецкай дэлегацыі па выніках Генуэзскай канферэнцыі яго падпісанне названа “пачаткам вызвалення Малой Еўропы з-пад уплыву Францыі” [22, с. 5]. 4 красавіка ў лісце на імя Я. С. Ганецкага саветнік паўнамоцнага прадстаўніцтва ў Варшаве Л. Л. Абаленскі прапаноўваў пайсці на саступку Польшчы ў пытанні аб найбольшым спрыянні “каб хоць трохі адцягнуць [Польшчу] ад французскай указкі” [23, с. 500].

На германскім кірунку савецкая дыпламатыя напярэдадні Генуэзскай канферэнцыі была менш актыўнай, чым на польскім. Савецка-германскія перамовы, якія праходзілі ў Берліне, 17 лютага былі перапыненыя. Кіруючыя колы Германіі не рызыкавалі ісці на пагадненне з савецкім урадам да пачатку Генуэзскай канферэнцыі. Яны будавалі разлік на дасягненне пагаднення з Англіяй, каб сумесна працаваць над аднаўленнем эканомікі Расіі. Хоць пры гэтым і асцерагаліся англійскай канкурэнцыі [12, с. 45]. Савецкі ўрад са свайго боку, як адзначалася вышэй, не быў схільны рабіць Германіі саступкі ў эканамічнай галіне нават у абмен на ўсталяванне дыпламатычных адносін. Савецка-германскія перамовы аднавіліся толькі ў пачатку красавіка, калі па дарозе ў Геную прыбыла ў Берлін расійская дэлегацыя. Аднак і тут немцы не праявілі гатоўнасці да дасягнення пагаднення. У тэлеграме ў НКЗС ад 4 красавіка Г. В. Чычэрын, які ўзначальваў савецкую дэлегацыю, адзначаў: “Немцы вялі перамовы з намі, каб паказаць, што нібыта яны хочуць пагаднення з намі, але па ўсім відаць, што ў сапраўднасці яны хацелі, каб нічога не выйшла” [15, с. 181]. Савецка-германскія перамовы прыцягнулі ўвагу польскага пасольства ў Берліне. У накіраваным у Варшаву паведамленні яно зрабіла выснову, што гэтыя перамовы “не далі канкрэтнага выніку” [9, ł. 12–14].

Такім чынам, напярэдадні Генуэзскай канферэнцыі ў адносінах паміж Савецкай Расіяй і Польшчай, Савецкай Расіяй і Германіяй назіраліся супярэчлівыя тэндэнцыі. З аднаго боку, абазначылася агульнасць інтарэсаў названых дзяржаў у сувязі з маючым адбыцца міжнародным форумам. Імкненне савецкага ўрада атрымаць міжнароднае прызнанне знаходзіла разуменне ў Варшаве і Берліне. Польшча і Германія праз паляпшэнне стасункаў з Масквой імкнуліся заняць годнае месца ў працэсе эканамічнага аднаўлення Расіі. Вынікам стала пэўнае паляпшэнне адносін Расіі з Польшчай і Германіяй у першыя месяцы 1922 г. Але яно не мела належнай устойлівасці ў сілу наяўнасці ў адносінах паміж трыма краінамі вострых праблем, іх рознага становішча ў існаваўшай сістэме міжнародных адносін. У выніку справа не дайшла да падпісання якіх-небудзь значных дамоўленасцяў і ўзгаднення пазіцый Расіі і Германіі, Расіі і Польшчы на маючай адбыцца канферэнцыі. Новая расстаноўка сіл у Цэнтральна-Усходняй Еўропе аформілася ўжо на Генуэзскай канферэнцыі ў сувязі з падпісаннем Рапальскага дагавора. Вырашальным у гэтай расстаноўцы з'яўлялася стаўленне да Версальскага міжнароднага парадку. У Цэнтральна-Усходняй Еўропе ён вызначаўся асаблівай няўстойлівасцю. Гэтую тэндэнцыю не змагла пераадолець ні Генуэзская, ні наступныя міжнародныя канферэнцыі. Названая няўстойлівасць Версальскай сістэмы на яе ўсходняй перыферыі стане адным з фактараў фарміравання перадумоў Другой сусветнай вайны.

Крыніцы і літаратура

1. Катасонов, В. Ю. Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории / В. Ю. Катасонов. – М. : «Кислород», 2015. – 240 с.

2. Шишкин, В. А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир. От революционного «западничества» к «национал-большевизму» (Очерк истории) / В. А. Шишкин. – Ст.–Пт. : Издательство «Дмитрий Буланин», 2002. – 360 с.

3. Сергеев, Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию / Е. Ю. Сергеев. – СПБ. : Наука, 2019. – 831 с.

4. Зубачевский, В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): Геополитический аспект / В. А. Зубачевский. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2018. – 396 с.

5. В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. – М. : Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 607 с.

6. Хормач, И. А. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам / И. А. Хормач // Новая и новейшая история. – 2020. – № 3. – С. 80–106.

7. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сб. докум. Ред. коллегия: С. Дёрнберг, Х. Зайдевиц, И. Н. Земсков и др. : в 2 т. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 2: 1919–1922 гг. – 598 с.

8. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. – М. : Наука, 1998. – 949 с.

9. Archiwum Akt Nowych (AAN). – Ambasada RP w Berlinie. Sygn. 784.

10. Мезга, Н. Н. В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов / Н. Н. Мезга. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины». – 198 с.

11. Москва – Берлин : политика и дипломатия Кремля, 1920–1941 : сб. док. в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. – М. : Наука, 2011. – Т. 1: 1920–1926. – 1031 с.

12. Ахтамзян, А. А. Рапалльская политика. Советско-германские отношения. 1922–1932 / А. А. Ахтамзян. – М. : Международные отношения, 1974. – 303 с.

13. Dokumenty do historii stosunków polsko-sowieckich 1918–1945 : w 4 t. – Warszawa : Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Poruzumienia, 2020. – Tom I: 1918–1926. Część 2: Poszukiwfnie normalizacji (kwiecień 1921 – maj 1926). – 950 s.

14. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 14 т. / Отв. ред. И. А. Хренов, Т. Цесляк. – М. : Наука, 1966. – Т. 4: Апрель 1921 г. – май 1926 г. – 562 с.

15. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Госполитиздат, 1963. – Т. 5. – 807 с.

16. Materski, W. Na widecie: II Rzeczpospolita wobec Sowietów, 1918–1943 / W. Materski. – Warszawa : Instytut Studiów Politycznych PAN, RYTM, 2005. – 776 s.

17. Depesze Poselstwa Rzeczypospolitej Polskiej w Londynie : w 2 t.; oprac. W. Rojek, J. Łaptos, A. Suchcitz. – Kraków : Polska Akademia Umiejętności, 2019. – T. 1: czerwiec 1919 – marzec 1923. – 588 s.

18. Пратакол пасяджэння Палітбюро № 92/а ад 31 студзеня 1922 г. [Электроны рэсурс]. – Режым доступу : http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=14797;tab=img0018. – Дата доступу: 20. 05. 2018.

19. AAN. – Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Sygn. 6629. B. 22908.

20. Материалы Генуэзской конференции. – М. : Изд. НКИД, 1922. – 459 с.

21. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 122. Оп. 5. Д. 3.

22. Иоффе, А. А. От Генуи до Гааги. Сборник статей / А. А. Иоффе. – М. : Госиздат, 1923. – 43 с.

23. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сборник документов : в 4 т. / Под общ. ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. – М. : Издательство «Аспект-Пресс», 2017. – Т. 1: 1918–1926. – 628 с.

УДК 94

Д. В. Родин
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова

ПРОЕКТЫ «НОВЫХ ЛОКАРНО» КАК МЕХАНИЗМ СТАБИЛИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ[1].

После успеха Локарнской конференции 1925 г. одним из факторов международной жизни стало обсуждение проектов «новых Локарно» для Балтийского, Дунайского и Балканского регионов. В случае успеха подобные проекты могли способствовать стабилизации международных отношений на востоке Европы и укреплению Версальского миропорядка. Однако ввиду неразрешенных конфликтов между малыми странами, противодействия со стороны различных государств (Германия, Советский Союз, Венгрия) и отказа Великобритании активно участвовать в жизни Восточной Европы идеи «новых Локарно» так и не были претворены в жизнь.

Вторая половина 1920-х гг., известная в историографии как «эра пацифизма» или «период временной стабилизации капитализма», может быть в равной степени обозначена и как «эра Локарно». Прошедшая в октябре 1925 г. Локарнская конференция и подписанные по ее итогам договоры – Рейнский гарантийный пакт и арбитражные соглашения

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «“Воображаемые регионы” между двумя мировыми войнами: проблемы конструирования и управления», № 24-18-00461, https://rscf.ru/project/24-18-00461/.

The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No 24-18-00461, https://rscf.ru/project/24-18-00461/, “‘Imagined regions’ between the two worlds wars: the problems of construction and management”.

Германии с Польшей и Чехословакией – разрядили царившую в Европе со времен Великой войны напряженность и оказали умиротворяющий эффект на настроения европейцев. Британская газета «Таймс» в связи с церемонией подписания отмечала, что данное событие «со всей определенностью знаменует окончание периода войн и дает начало новым, совместным, более глубоко осознанным усилиям по поддержанию мира в тех регионах Европы, которые недавно являлись ареной боевых действий» [1]. Лорд-председатель британского Тайного совета А. Бальфур, выступая в Палате лордов, назвал Локарно «началом новой эры» и «первым шагом на пути к международной дружбе» [2].

Вслед за успехом Локарнской конференции британский министр иностранных дел О. Чемберлен озвучил идею «новых Локарно», имея в виду создание сети многосторонних гарантийных пактов для Восточной Европы (от Скандинавии до Балканского полуострова). Глава Форин офис стремился к стабилизации на востоке путем распространения «принципов Локарно», подразумевавших отказ от деления стран на «победителей» и «проигравших» в Великой войне и формирование сети перекрестных соглашений, тесно связанных с Уставом Лиги Наций. Чемберлен прямо заявлял, что «время старых союзов прошло», и настаивал на заключении равноправных договоров между бывшими «победителями» и «проигравшими» в мировой войне [3]. В то же время он осознавал уязвимость положения Великобритании в послевоенном мире: империя, по словам историков, представляла собой «картину охваченных бунтом просторов, над которыми никогда не заходит солнце» [4, с. 468]. Как следствие, внимание Лондона было сосредоточено в первую очередь на поддержании порядка в заморских владениях, из-за чего британское правительство могло принимать лишь ограниченное участие в обеспечении европейской безопасности. Так, в начале 1925 г. Чемберлен, характеризуя отношение Лондона к проблемам безопасности на континенте, прямо говорил, что одно дело – защищать Ла-Манш на восточных границах Нидерландов и Франции, и совсем другое – гарантировать крайне нестабильную ситуацию в Восточной Европе, «с особой мстительностью “балканизированную” мирными договорами» [5, p. 256]. Поэтому реализация проектов «новых Локарно» должна была стать делом прежде всего малых стран Восточной Европы без прямого участия в соглашениях британской стороны.

Соответственно, уже в ходе Локарнской конференции Чемберлен интересовался мнением своего чехословацкого коллеги Э. Бенеша о возможности достижения между Чехословакией, Румынией и Югославией, с одной стороны, и Австрией, и Венгрией – с другой, соглашений,

аналогичных достигнутым в Локарно. По мнению британского министра, «было бы замечательно, если бы произошло что-то подобное», и если этому и было суждено произойти, то «именно Бенеш – тот человек, который должен это сделать». Чехословацкий министр отнесся к британским предложениям положительно, заявив, что «подобные мысли были и у него в голове» [5, p. 893]. В конце октября 1925 г. Чемберлен вместе с министром иностранных дел Франции А. Брианом объявил о желательности гарантийного пакта для Балкан по образцу Рейнского, отметив при этом, что инициатива должна исходить от правительств балканских стран, т.к. «вся ценность соглашений в Локарно заключается в том, что они были заключены без навязывания извне» [6, f. 22]. Наконец, в ноябре того же года Чемберлен в беседе с литовским послом Е. Гальванаускасом говорил о своем желании, чтобы «другие государства последовали примеру великих государств и в том же духе заключили со своими соседями региональные пакты» [7, с. 810].

Как следствие, с 1925 по 1929 гг. политики и дипломаты из малых стран Восточной Европы неоднократно выступали с инициативами по созданию «новых Локарно». Так, представитель Финляндии в Лиге Наций Р. Эрих уже в ноябре 1925 г. выступил с инициативой «Северного Локарно», имея в виду подписание скандинавскими и балтийскими странами соглашения по образцу Рейнского гарантийного пакта [8, f. K072510-K072511]. Польские дипломаты в 1926–1927 гг. вели переговоры с Москвой о заключении многостороннего пакта о ненападении, при этом, как утверждал посол С. Кентшиньский, польское правительство желало «установления мира в Восточной Европе, чтобы там не было конфликтов», а этого достичь невозможно, если обязательство о ненападении не будет включать все страны-лимитрофы [9, с. 106]. На VIII Ассамблее Лиги Наций в сентябре 1927 г. польская делегация выступила с инициативой резолюции о запрещении любых войн и о желательности заключения пактов о ненападении, и газеты разных страны немедленно окрестили данный проект «Восточным Локарно» [10]. Министр иностранных дел Латвии Ф. Циеленс в 1927 г. озвучил идею заключения гарантийного договора по образцу Локарнских соглашений между двумя группами государств: малыми странами Балтии (Финляндия, Эстония, Латвия и Литва) и великими державами (Великобритания, Франция, Германия и СССР) с целью сохранения статус-кво в Прибалтике и предоставления гарантий безопасности и территориальной целостности балтийским государствам [11].

Равным образом в Центральной Европе за создание многостороннего соглашения между членами Малой Антанты, с одной стороны,

и Австрией, и Венгрией, с другой, ратовал глава МИД Чехословакии Бенеш. Уже в середине февраля 1926 г. он заявлял в парламенте Чехословакии о готовности начать с Венгрией переговоры о заключении соглашения по образцу Локарно [12]. Позднее, в 1928 г., в переговорах с австрийским канцлером И. Зайпелем Бенеш озвучивал идею перекрестных двусторонних арбитражных соглашений между дунайскими странами, что были бы связаны с Лигой Наций «не только юридически, но и политически, и морально» [13, S. 234]. Политическое единение региона чехословацкое правительство пыталось дополнить экономической ассоциацией, продвигая концепцию Дунайской федерации, которая, по словам президента Чехословакии Т. Масарика, способствовала бы «возрождению Австрии», причем это «возрождение» произошло бы «в форме федерации с согласия свободных государств, а не в виде империи, где страны были бы лишены свободы» [14, f. 294].

В Юго-Восточной Европе инициатором создания «Балканского Локарно» выступала прежде всего греческая сторона, обеспокоенная ослаблением связей со своим традиционным союзником – Югославией, чье правительство в 1924 г. в ответ на подписание между Афинами и Софией протокола Калфова-Политиса о защите прав болгарских меньшинств в Македонии заявило о денонсации союзного договора с Грецией. Уже в ноябре 1925 г. греческое правительство направило Генеральному секретарю Лиги Наций Э. Драммонду официальное уведомление о том, что Греция желала бы стать участником Балканского гарантийного пакта в духе Локарнских соглашений и приглашала другие балканские государства присоединиться к этому проекту [15]. Позднее с аналогичным проектом выступил и Белград, опасаясь все возраставшего давления со стороны Италии, стремившейся к расширению своей сферы влияния на Балканах. Так, в сентябре 1926 г. на VII сессии Ассамблеи Лиги Наций по инициативе югославской делегации была принята резолюция, подчеркивавшая важность Локарнских соглашений и провозглашавшая, что подобные соглашения могут быть применимы к различным регионам мира, и, следовательно, воплощенные в них идеи «могут быть приняты в качестве основополагающих правил, регулирующих внешнюю политику каждой из наций» [16, p. 1]. С 1928 г. особую активность в вопросе создания «Балканского Локарно» проявлял греческий министр иностранных дел А. Михалакопулос, заключивший в том же году греко-румынский договор о ненападении и арбитраже, а в 1929 г. греко-югославский договор о дружбе, согласительной процедуре и судебном разбирательстве споров. В случае присоединения к указанным соглашениям Болгарии Балканский пакт

вполне мог стать реальностью, из-за чего авторы меморандума о внешней политике Великобритании от 8 апреля 1929 г. писали, что «за последние годы ситуация на Балканах стала лучше, и можно сказать, что внешне она даже более воодушевляющая, чем когда бы то ни было после войны…» [17, p. 822]

Однако в реальности ни один из проектов «новых Локарно» так и не был реализован. Проблема заключалась в том, что правительства восточноевропейских государств слабо верили в достижение прочных гарантий без британского участия в предполагаемых пактах. Так, австрийская либеральная газета «Нойе Фрайе Прессе» писала, что соглашения между государствами Центральной Европы «нуждаются во внешней гарантии великих держав, подобно тому, как Англия предоставила свои гарантии Локарнским соглашениям» [18]. Однако британское правительство не было готово к активному вовлечению в разрешение конфликтов на востоке Европы: тот же Чемберлен неоднократно повторял мысль о том, что любой шаг на пути к «новым Локарно» должен «исходить от самих заинтересованных стран, а не быть навязанным извне» [19, f. C 12651/1618/62].

Соответственно, как только речь заходила о непосредственном участии Великобритании в подобного рода проектах, глава Форин офис немедленно выступал с решительным протестом. Особенно ярко это проявилось во время дискуссий вокруг польского проекта «Восточного Локарно» на VIII сессии Ассамблеи Лиги Наций в сентябре 1927 г. Выступая перед Ассамблеей по вопросу британского участия в указанном проекте, Чемберлен заявил: «Вы предлагаете нам любой стране и любой границе предоставлять гарантии, которые мы дали по одному договору. Если вы просите нас об этом, то вы просите нас о невозможном. Наши силы, сколь бы велики они ни были, несоразмерны тем задачам, которые вы ставите перед нами…Вы просите ни о чем ином, как разрушение Британской империи» [20]. Равным образом глава Форин офис отреагировал и на речь Циеленса, который обратился к Ассамблее с речью о необходимости подписания «Локарнского соглашения для Востока» с участием великих держав. Чемберлен прямо заявил латвийскому коллеге, что британская политика не заключается в том, чтобы «заниматься гипотетическими угрозами» [21, p. 69–70]. Тем самым он указал на нежелание связывать руки британской дипломатии гарантиями безопасности для малых стран. По словам современного исследователя И. Э. Магадеева, рекомендуя другим государствам следовать «локарнской модели», Лондон в то же время отказывал им в «ключевом условии успеха самого “Западного Локарно”» – британских гарантиях [22, с. 650].

В немалой степени это было связано с тем, что те же проекты «Восточного» или «Среднеевропейского Локарно» имели определенную антигерманскую направленность, поскольку преследовали цель ограничить германское влияние в Прибалтике и Центральной Европе, не допустить изменения границ Веймарской республики с Польшей или Чехословакией и воспрепятствовать осуществлению аншлюса – включения Австрийской республики в состав германского государства. Успех проектов «новых Локарно» на востоке Европы мог ухудшить стратегическое положение Веймарской республики, а это грозило разочарованием немецкой общественности в «локарнской политике» и выходом Германии из достигнутых в 1925 г. соглашений. Немалую роль играло и то, что разрабатываемые в Берлине «контрпроекты» к идеям «Восточного Локарно» подразумевали активное сотрудничество с Москвой, которая выступала против польских планов, видя в них «здание коалиции, простирающейся от Ледовитого океана до Черного моря и направленной против нас» [9, с. 108]. Совместное противостояние Берлина и Москвы польским замыслам означало укрепление «курса Рапалло» в советско-германских отношениях. Целью же Форин офис было переориентировать Веймарскую республику на более тесные контакты с Западом, в первую очередь с Англией.

Как следствие, во второй половине 1920-х гг. наблюдалось прямое сотрудничество Лондона и Берлина в противостоянии проектам по созданию системы безопасности в Балтийском регионе. Чемберлен в личных беседах признавался министру иностранных дел Германии, что «он не допустил бы принятия документа, из-за которого он и Штреземан оказались бы в разных лагерях» [23, S. 481]. Выступая в 1928 г. в Палате общин по вопросу участия в очередном польском проекте «Восточного Локарно», Чемберлен заявил, что Великобритания не может предоставлять странам Европы новые гарантии или расширять обязательства, принятые ею согласно Уставу Лиги Наций и Локарнским соглашениям [24]. Слова министра были подхвачены леволиберальной прессой, заявившей: «Никакого Восточного Локарно!» [25]

Равным образом Лондон и Берлин двигались навстречу друг другу в Центральной Европе. Веймарская республика усматривала в проектах «Среднеевропейского Локарно» угрозу для австро-германского сближения и потенциального слияния и поддерживала настроения против данной концепции как в Австрии, так и в Венгрии, чей премьер-министр И. Бетлен утверждал, что ни одно венгерское правительство никогда не признает территориальное размежевание по Трианонскому договору как окончательное [26, p. 227]. Данному курсу была

противопоставлена британская линия на поддержку «локарнского процесса» в Центральной Европе. Однако по мере осознания на Вильгельмштрассе отдаленности перспектив осуществления аншлюса и по мере углубления сомнений Форин офис в возможности достичь соглашения, приемлемого как для стран Малой Антанты, так и для Вены с Будапештом, взгляды двух великих держав на процессы в Центральной Европе сближались и в конце концов приобрели некий нейтральный оттенок: и Берлин, и Лондон в итоге поддержали сохранение статус-кво в Дунайском бассейне, что означало как снятие (пусть и временное) лозунга аншлюса, так и отказ от продвижения концепции «Среднеевропейского Локарно». Так, на меморандуме ведущего сотрудника Центрального департамента Форин офис Ч. Говарда Смита о перспективах «Среднеевропейского Локарно» Чемберлен оставил пометку: «Время для нашего вмешательства еще не настало» [27, f. C1124/G].

Иной случай представляла собой Юго-Восточная Европа, где британские дипломаты поддерживали идею «Балканского Локарно», призванного сдерживать франко-итальянское соперничество на Балканах и сохранять региональный баланс сил. На это, в частности, указывал заместитель главы НКИД СССР М.М. Литвинов в беседе с турецким послом в Москве в апреле 1928 г. Он говорил о существовании на Балканах двух лагерей, «связующим звеном» между которыми являлась Англия, а она, «верная своей традиционной политике, будет и впредь поощрять существование двух группировок на континенте Европы, шантажируя одну против другой» [28, с. 289]. Германские дипломаты, в свою очередь, были склонны поддержать английские начинания на Балканах, так как усматривали в них возможность уменьшения как французского, так и итальянского влияния в регионе, что потенциально открывало путь для политической и экономической экспансии Германии в юго-восточном направлении. Как гласил отчет о положении на Балканах от 27 августа 1927 г., столпами немецкой политики на Балканах являлись «сдержанность и нейтралитет», целью же политики провозглашалось «поддержание мира» [6, f. K110741]. При поддержке Берлина Лондон сумел добиться упомянутых выше соглашений между Афинами, Белградом и Бухарестом, что создавало благоприятный климат для созыва в будущем Балканских конференций. Участие в них примут как «победители», так и «проигравшие» в мировой войне, что вполне соответствовало «духу Локарно».

В конечном итоге отсутствие достаточной заинтересованности со стороны малых стран Европы, неразрешенные конфликты между ними, противодействие проектам «новых Локарно» со стороны различных государств (в их числе были Германия, Советский Союз,

Венгрия и др.) при одновременном отказе Великобритании активно участвовать в жизни Восточной Европы – все указанные факторы в совокупности привели к краху большинства идей «новых Локарно». Невозможность распространения «опыта Локарно» за пределы Западной Европы подорвала доверие к данной модели, что стало важным фактором краха локарнского режима безопасности уже в 1930-е гг. Тем не менее сам факт поиска модели обеспечения безопасности крайне важен для понимания динамики развития Версальско-Вашингтонской системы международных отношений: он демонстрировал общее движение международной мысли, стремившейся воплотить в проектах «новых Локарно» идеи арбитража, международных гарантий, многосторонней дипломатии, без которых достижение устойчивого и длительного мира было невозможно.

Источники и литература

1. The Times. 1925. December 1.
2. Lords Sitting on 24 November 1925. Locarno Protocol // Hansard 1803–2005. Ser. 5. Vol. 62. Column 838. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1925/nov/24/locarno-protocol – Дата доступа: 20.03.2025.
3. The Manchester Guardian. 1925. June 25.
4. Туз, А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы / А. Туз. – М.: Издательство Института Гайдара, 2017. – 640 с.
5. Documents on British Foreign Policy. Ser. I. – London: Her Majesty’s Stationery Office, 1986. – Vol. XXVII. – CVII, 1175 p.
6. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Deutschland). – RZ 206/70048.
7. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. VIII. – 864 с.
8. The National Archives (Great Britain). – GFM 33/3639/K244/1.
9. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М.: Политиздат, 1964. – Т. IX. – 784 с.
10. The Times. 1927. September 6.
11. Valdības Vēstnesis. 1927 g. 11. martâ.
12. The Times. 1926. February 17.
13. Außenpolitische Dokumente der Republik Österreich 1918–1938. – Wien: Verlag für Geschichte und Politik, 2004. – Bd. 6. – 516 S.
14. The National Archives (Great Britain). – FO 800/260.
15. The Times. 1925. November 5.

16. League of Nations. Subject List No. 65 of Documents Distributed to the Council and the Members of the League during September 1926. – Geneva, 1926. – 31 p.

17. Documents on British Foreign Policy. Ser. IA. – London: Her Majesty's Stationery Office, 1975. – Vol. VI. – LV, 880 p.

18. Neue Freie Presse. 1928. März 21.

19. The National Archives (Great Britain). – FO 371/11243.

20. The Times. 1927. September 12.

21. Rodgers, H. I. Search for Security. A Study in Baltic Diplomacy, 1920–1934 / H. I. Rodgers. – Hamden : Archon Books, 1975. – XII, 181 p.

22. Магадеев, И. Э. В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы / И. Э. Магадеев. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 864 с.

23. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. Ser. B. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1974. – Bd. VI. – XLIX. – 567 S.

24. Commons Sitting on 27 June 1928. Rhineland (Evacuation) // Hansard 1803–2005. Ser. 5. Vol. 219. Column 509. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://hansard.parliament.uk/Commons/1928-06-27/debates/511ee750-dee8-4d4e-a766-2d5930d5665b/Rhineland(Evacuation) – Дата доступа: 20.03.2025.

25. Manchester Guardian. 1928. June 28.

26. Documents on British Foreign Policy. Ser. IA. – London: Her Majesty's Stationery Office (HMSO), 1966. – Vol. I. – LXXIII, 881 p.

27. The National Archives (Great Britain). – FO 371/12871.

28. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М.: Политиздат, 1966. – Т. XI. – 792 с.

УДК 94:327(410:438)«192»

Е. Н. Дубровко
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ПОЛЬША ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БРИТАНСКИХ ЛЕЙБОРИСТОВ В СЕРЕДИНЕ 1920-Х ГОДОВ

Предметом исследования в статье является место Польши в европейских отношениях по оценкам британских лейбористов в середине 1920-х годов. Охарактеризованы на основе документальных и повествовательных

источников оценки и внешнеполитические действия политиков-лейбористов в отношении польского государства. Показано, что во всех своих проявлениях они были исключительно прагматичны.

Политика крупных геополитических игроков в отношении малых и средних государств Центральной и Восточной Европы, её движущие мотивы и итоги являются актуальным объектом исследования для исторической науки Беларуси, чьё население и территория не раз ощущали на себе её воздействие. Историческим примером такого явления, ставшим объектом нашего исследования, является политика Великобритании в отношении Польши в годы между Первой и Второй мировыми войнами (или как обозначили организаторы конференции «от Версаля до Потсдама» – Е. Д.). Интерес к нему в немалой степени связан с тем, что в состав польского межвоенного государства входили западные территории современного белорусского государства с белорусским населением, что тесно связывает этот сюжет с отечественной историей.

Этот сюжет в целом не новый для историографии – ведущую роль здесь сыграли польские историки [1; 2] – имеет ещё ряд аспектов, которые требуют анализа и осмысления. Предметом нашего исследования стало место Польши в европейских отношениях по оценкам британских лейбористов в середине 1920-х годов, когда они впервые не на долгий период пришли к власти и их внешнеполитические установки столкнулись с практикой международных отношений.

В русскоязычной советской историографии и выросшей на её основе современной русскоязычной исторической науке внешняя политика лейбористов в указанное время вызывала и продолжает вызывать особый интерес прежде всего в связи с предпринятым ими актом признания СССР в 1924 г. [3–7]. Однако в последние годы нельзя не отметить проявление интереса и к принципам политики Соединённого Королевства в отношении центрально- и восточноевропейского региона [8], что подтверждает актуальность избранной нами темы.

Для проведения исследования привлекались как документальные, так и повествовательные источники. Наиболее информативные – материалы делопроизводства британского Форин Оффис, материалы парламентских дебатов, программные документы лейбористской партии. Среди повествовательных источников – публицистические работы политиков-лейбористов.

22 января 1924 в Лондоне был сформирован лейбористский Кабинет Рамсея Макдональда. В манифесте лейбористов 1922 г. внешнеполитическая концепция включала такие тезисы как «пересмотр мирных договоров как важный шаг к миру» и «широкие возможности для Лиги

Наций по урегулированию международных проблем» [9, p. 38–41]. В манифесте 1923 г. появились новые пункты: политика международного сотрудничества посредством укрепления и расширения Лиги Наций; урегулирование споров путем примирения и судебного арбитража; немедленный созыв Британским правительством Международной конференции (с участием Германии на равноправных условиях) для рассмотрения вопроса о пересмотре Версальского договора, особенно репараций и долгов; возобновление свободных экономических и дипломатических отношений с Россией. «Это проложит путь к разо-ружению – единственной безопасности для народов» [10]. Именно позиция лейбористского правительства в отношении Германии вызывала большие опасения в Варшаве. Признание же де юре в феврале 1924 г. СССР было воспринято как естественный ход вещей [1, s. 240].

4 февраля 1924 г. в «Дейли Геральд» Филип Сноуден писал о ревизии Версальского договора в вопросе репараций, 23 февраля Артур Гендерсон на митинге говорил также о ревизии территориальных вопросов и призывал к новой международной конференции с этой целью. В такой обстановке 27 февраля польский посол Константин Скирмунт даже вручил меморандум Р. Макдональду с указанием, что озвученная позиция может положить конец мирной атмосфере [2, s. 58]. Ситуация вызывала обеспокоенность в Польше.

С 9 января по 27 июля 1924 года министром иностранных дел Польши был Мориций Замойский, к которому в Соединённом Королевстве относились приязненно, озвученная им позиция казалась примирительной: в отношении СССР главной целью является налаживание отношений, нужно работать «с такой Россией, какая есть», надо стремиться восстановить с ней торговлю; в отношении Германии – ставка на улучшение отношений. Такая позиция импонировала Р. Макдональду, который 13 марта 1924 г. прислал телеграмму посланнику в Варшаве Уильяму Макс Мюллеру, где поручил засвидетельствовать графу Замойскому, что он со своей стороны его приветствует и поддерживает стремление к расширению отношений между их странами [1, s. 240–241].

Эти действия также соответствовали рекомендациям эксперта Форин Оффис Реджинальда Липера, который ещё 11 декабря 1923 г. в своём рапорте писал, что Польша ещё не решила, «куда в её интересах обращаться за руководством (!)». Она знает, чего ожидать от Франции, но понимает, что этого может быть недостаточно, потому может задать курс Великобритания. В связи с этим английские дипломаты стремились расширить британское влияние на польскую экономику (базой его мог стать тот факт, что 26 ноября 1923 г. был подписан Торговый

и навигационный договор, который основывался на принципе наибольшего благоприятствования [2, s. 40]). 14 июня 1924 г. торговый договор был ратифицирован Польшей, торговые отношения получили правовое оформление.

Британские дипломаты поддерживали действия миссии финансовых экспертов Эдварда Хилтона Юнга, после её приезда – рекомендованный ею проект финансовой реформы. Последняя рекомендовала сбалансировать бюджет, но правительство эндека Владислава Грабского отказалось, как и от назначения постоянного финансового советника [1, s. 238, 242].

Учитывая позицию эндеков, в сфере внутриполитической британское посольство проявляло интерес к левице (ППС и «Вызволене»): она была наиболее критична к Франции, наиболее лояльна к Германии, выказывала склонность к контактам с Лондоном. Она представляла Польшу как «мост» между соседними государствами, как основу для британского проникновения в СССР, в таком случае Польша могла бы выполнить роль противовеса немецкому влиянию [2, s. 78]. Она подчёркивала, что концепция «Польша – барьер» уже неактуальна. Контактировали с левыми польскими политиками прежде всего Р. Липер и Фрэнк Сэйвери, но их лояльные по отношению к Польше донесения часто критически воспринимались в Форин Оффис [1, s. 251–260].

В целом, в 1924 г. в сфере торгово-экономической тесного сотрудничества не обозначилось. Как писала польская исследовательница М. Новак-Келбикова, после открытия англо-советских переговоров о заключении торгового соглашения Польша превращалась в избыточное звено [2, s. 57].

Со своей стороны, польские политики пытались привлечь внимание британских дипломатов к проблеме польско-литовских отношений, пытаясь подать информацию в выгодном для себя свете и заручиться поддержкой лейбористского правительства. 2 апреля 1924 г. У. Макс Мюллер в послании Р. Макдональду передавал содержание ноты МИД Польши, в котором указывалось на заявление литовского премьер-министра от 24 марта о том, что польские претензии на Мемель (сегодня Клайпеда – Е. Д.) теперь отошли в прошлое, Литва могла посвятить все усилия возвращению Вильно (сегодня Вильнюс – Е. Д.). Это заявление вызвало волнения в Польше, так как здесь считали вопрос о Вильно решённым. Польский МИД сообщал британскому дипломату о новых преследованиях поляков в Литве, концентрации войск на границе. Он указывал, что Литва не пойдёт на провокацию, если не будет уверена в поддержке из вне. И в поисках этой поддержки она смотрела на Восточную Пруссию, где разоружение «фарсовое»,

и на Советскую Россию, где войска сконцентрированы на границе. Польский МИД уверял, что польское правительство проявит сдержанность, но общественное мнение Польши не потерпит попытки отторжения Вильно, этот шаг неизбежно поведёт к войне с непредсказуемыми последствиями для Европы. МИД Польши надеялся на сдерживающее влияние Великобритании на Литву. Сам британский посланник не разделял опасения Польши, но отмечал, что «продолжающаяся политика «булавочных уколов» со стороны Литвы неизбежно вызывает раздражение по эту сторону границы, что в этой части мира чревато определённой опасностью; ни Лигой, ни каким-либо союзным правительством ничего не было сделано, чтобы убрать причины этой опасности, как в других регионах. Надеюсь, правительство Великобритании продумает способ оказать сдерживающее давление на Ковно (сегодня Каунас – Е. Д.) и вынудить Литовское правительство возобновить отношения с Польшей и принять fait accompli в вопросе Вильно в обмен на суверенитет над Мемелем» [11, p. 762–761].

Со своей стороны, британский посланник из Ковно писал, что литовская пресса полна угроз со стороны Польши в связи с якобы изгнанием из Литвы многочисленных семей поляков, которые прибыли в Вильно после грубого преследования их со стоны литовских властей. Также «МИД Латвии пред моим отъездом из Риги выразил озабоченность, что Польша может совершить какой-то акт насилия» [11, p. 762].

Какова же была реакция Р. Макдональда? Посланнику в Литве он писал, что отношение Польши выглядит опрометчивым и провокационным, но и литовское правительство тоже есть в чём упрекнуть; следует сделать намёк литовскому правительству, что «следует избегать действий и заявлений, рассчитанных на то, чтобы обидеть Польшу и усилить неприязнь». Судя по полученному ответу, позиция Литвы не изменилась, она не желала отказываться от претензий на Вильно [11, p. 763].

Посланника в Польше он просил проинформировать правительство, что Лондон поддерживает необходимость признания литовского правительства со стороны Польши. Однако, У. Макс Мюллер предложил выждать более подходящий момент: «Просить польское правительство признать Литву пока та сохраняет детские претензии на состояние войны означает ставить телегу перед лошадью» [11, p. 766]. В следующем послании британский дипломат из Варшавы разъяснял, что польское правительство готово принять статус-кво в отношении Мемеля, если он обеспечит безопасность свободной торговой навигации по Неману и использование порта, включая транзит людей и товаров, почтовое и телеграфное сообщение Польши и Мемеля. «Эти права важны для интересов британской торговли лесом особенно сейчас,

когда почти подписан контракт о Беловежской пуще» [11, p. 768]. Приводя эти аргументы, британский дипломат пытался добиться понимания позиции Польши в Великобритании и уменьшить резкость посреднических попыток Р. Макдональда.

Так же действовал британский посланник в Литве Джон Воган. Он писал, что рекомендует правительству Великобритании не делать обязывающих категорических заявлений по Вильно, так как это может создать неудобство, если этот вопрос когда-нибудь окажется на повестке дня в Лиге Наций [11, p. 768].

Позиция посланников повлияла на лейбористского главу Форин Оффис. Он написал об этом послу в Париже, указав, что не стоит акцентировать «раздражительный» вопрос польско-литовских отношений. «Полагаем, что эффекта можно достичь лишь, обращаясь одновременно к обоим сторонам. Очевидно, что в последние четыре года агрессивные и провокационные действия не были монополией лишь одной стороны». Он предложил, чтобы Конференция послов продумала идентичное обращение к Польше и Литве, которое бы содержало предложения по улучшению отношений между обеими странами» [11, p. 769]. Уже в мае в связи с подготовкой проектов коммюнике Литве и Польше Р. Макдональд писал в Париж, что «и польские, и литовские политики, к сожалению, склонны время от времени к провокационным заявлениям» [11, p. 776–777]. 2 июня 1924 г. после согласований между союзниками ноты были отправлены Литве и Польше по вопросу их взаимоотношений [11, p. 780]. Однако, как известно, к немедленному признанию и разрешению противоречий между Польшей и Литвой это не привело. Кроме того, не обеспечены в полной мере оказались и торгово-экономические интересы Великобритании в регионе. 1 октября Р. Макдональд писал британским дипломатам о необходимости проинформировать литовское правительство, что его позиция (создание сложностей для организации сплава по Неману – Е. Д) вызывает значительное нарушение интересов Великобритании в торговле лесом, что может привести к потере Мемелем большой части экспорта леса и упадку порта [11, p. 804–807].

Объектом внимания Великобритании в середине 1920-х гг. был также вопрос о положении национальных меньшинств в Польше. В 1922 г. Артур Гендерсон, характеризуя внешнеполитическую программу лейбористов, писал, что «Мы будем выступать против попыток эксплуатации подвластных народов или неразвитых стран, придавая полную огласку фактам» [12]. Учитывая это, понятно почему 29 января Р. Липер писал Р. Макдональду, что в Варшаве уверены: смена правительства в Лондоне приведёт к более критическому отношению

к проблеме национальных меньшинств в Польше, потому польское правительство считает, что должно объяснить какую роль в польском государстве, оно надеется, эти меньшинства будут играть в будущем. Из этих меньшинств наиболее многочисленные и важные в политическом плане по мнению поляков – Ruthenians – под этим названием они имеют в виду украинцев и белорусов. Пока никакого прогресса в этих вопросах достигнуто не было: ни реформы органов местного самоуправления в восточных регионах, ни учреждения «Ruthenian» университета. Эти проблемы считаются наиболее насущными. В Польше присутствует мнение, что Россия проявляет тенденцию к панславизму. Западная Европа не должна воспринимать её с невозмутимостью, так как она может быть угрозой для Европы в целом. Польша всегда будет противостоять панславизму и попытается стать противовесом России в этом, пытаясь привлечь к себе славянские народы. На сегодняшний момент Прага лидирует в этом направлении. Хорошее отношение к нацменьшинствам может привлечь белорусов и украинцев за границами Польши, и это поможет в деле соперничества с Россией. Развитие органов самоуправления может вовлечь представителей нацменьшинств, оттянуть их от политической агитации [11, p. 731–733]. Такие заявленные Польшей планы должны были помочь добиться приязненной позиции Великобритании в этом привлекавшем её внимание вопросе, так как рисовали перспективы превращения Польши в центр притяжения славянских народов, а в случае налаживания и укрепления британо-польских отношений, Соединённое Королевство могло усилить и собственное влияние в этом регионе.

Однако лейбористские политики отнеслись к таким перспективам скептически. Польский политик Станислав Тугутт, побывавший в Лондоне в апреле 1924 г., писал, что Польша не популярна в Англии, ей приписывают империализм, отсутствие чёткой программы в отношении меньшинств, зависимость от Франции. Тогда же в апреле 1924 г. британский делегат в Лиге Наций внёс предложение, чтобы вопрос о национальных меньшинствах рассматривался как и вопрос о мандатах. Это означало, что суверенитет Польши над территориями, населёнными национальными меньшинствами, является временным. К. Скирмунт высказал в Форин Офис протест со стороны Польши. В ответ ему сообщили, что этот вопрос пока неактуален (но не понятно, не дойдёт ли до его обсуждения в ближайшем времени). Как результат М. Замойский активизировал политику в отношении Лиги Наций, выступил с концепцией проведения активной политики по отношению к Малому Версальскому договору, а именно «избегать унижающих обязательств» и добиваться «обобщения обязательств по отношению к меньшинствам на все государства Лиги» [2, s. 59–61].

Положение национальных меньшинств в Польше имело для Великобритании международное звучание: оно выступало раздражающим фактором для польских соседей СССР и Германии. 16 мая У. Макс Мюллер писал из Варшавы Р. Макдональду о ноте из Москвы с протестом против действий польского правительства в отношении русского и украинского меньшинств. Подобная же нота была недавно получена от Германии по вопросу положения немецкого меньшинства в Верхней Силезии [11, p. 778].

В ответ на эти сообщения, 29 июля Р. Макдональд выслал У. Макс Мюллеру в Варшаву «краткое изложение политики британского правительства в отношении украинской проблемы в Польше для общей информации и руководства». Он отмечал, что Великобритания получает многочисленные петиции с изложением бедствий украинского народа, стремящегося, чтобы Великобритания вмешалась и заставила польское правительство не только пойти на маленькие уступки, но и принять шаги для предоставления им полной автономии. В период Парижской конференции украинцы получили большую поддержку со стороны британской делегации. «Не вина британского правительства, что их надежды не сбылись. Упоминание автономии в преамбуле решения послов от 15 марта 1923 г. это декларация, которую, ожидается, Польша будет соблюдать. Она не предполагает дипломатического давления на Польшу. Это было решение союзников, и Великобритания не может предпринимать действия, которые позволят украинцам надеяться, что их требования автономии встретят поддержку». Глава Форин Оффис указывал, что этот вопрос нужно оставить польскому правительству, если только оно не обратится за советом к Лондону. Для вмешательства Великобритании нет юридических оснований, если только через Лигу Наций в случаях, оговоренных в Малом Версальском договоре (договоре о меньшинствах). Задача этого договора – защита местных крестьян от плохого обращения, а не поддержка пропаганды со стороны интеллигенции, которая может привести к беспорядкам и нестабильности. Если Польша не будет соблюдать взятые на себя обязательства, должна оставаться возможность для нацменьшинств обратиться в высший суд, к Лиге Наций. «Они не должны считать, что лишены возможности добиться справедливости». Однако за политикой Польского правительства в украинском вопросе нужно было внимательно следить. Польский план колонизации был назван неудачным, его реализация создавала много проблем. Так что, если он не совпадёт с обязательствами Малого Версальского договора, Великобритания без сомнений поддержит вмешательство Лиги Наций. Р. Макдональд рекомендовал неофициальными беседами и советами подталкивать польское правительство к созданию

эффективной системы управления: создание земельных банков, страховок, помощи в продаже, организации образования, необходимого для развития сельского хозяйства. В целом, правительство Великобритании не склонно было поощрять распространение пропаганды среди меньшинств с политическими целями или давить на польское правительство, чтобы то расширило свои обязательства, обозначенные в Малом Версальском договоре. Если же выяснится, что Польша без причины не выполняет эти обязательства, правительство Великобритании могло инициировать или поддержать действия Лиги Наций [11, p. 793–796]. Как видим, в вопросе национальных меньшинств, позиция премьера-лейбориста была исключительно прагматична.

Летом 1924 г. М. Замойский покинул пост главы МИД Польши. Его занял Александр Скшиньски. О целях политики он говорил: стремиться к сотрудничеству равно с Великобританией и Францией, охранять итоги Версальского мира; в вопросах польского коридора, Горной Силезии и Вильно Польша готова сражаться даже с риском собственного уничтожения [1, s. 246]. В этой ситуации обсуждение «плана Дауэса», намечавшее путь к примирению Германии с Западной Европой, вызывало в Польше усиление опасений немецкой ревизии. В ходе работы комиссии экспертов под руководством Чарльза Дауэса (январь – апрель 1924) британские эксперты заняли пронемецкую позицию [13, s. 95]. 30 августа 1924 г. план был принят. Лондонская конференция принесла Германии выход из изоляции в Западной Европе, Великобритания добилась согласия с Францией в деле отношений с Германией, что Польшей рассматривалось, как ухудшение её геополитического положения. В Варшаве укрепилась мысль, что польско-британское сближение при текущей власти в Лондоне нереализуемо. В итоге анализа ситуации в Польше У. Макс Мюллер в годовом рапорте за 1924 г. пришёл к выводу, что именно «союз с Францией остаётся краеугольным камнем политики Польши» [1, s. 244].

В 1924 г. сближение позиций Соединённого Королевства и Франции проявилось в форме определённого проекта. Премьер-министр и министр иностранных дел Франции Эдуар Эррио и министр внутренних дел Великобритании Артур Гендерсон предложили проект протокола о мирном урегулировании споров (позже станет известен как Женевский протокол – Е. Д.). Им предусматривалась процедура принудительного арбитража, формулировалось определение агрессора, как государства, которое не соглашается перейти к процедуре арбитража или подчиниться решению третейского суда; против агрессора могли использовать санкции, предусмотренные в ст. 16 Устава Лиги, расширялась компетенция Постоянного международного трибунала, предполагалось создание

демилитаризованных зон между государствами. 2 октября 1924 г. Ассамблея Лиги провозгласила принятие протокола с поправками Великобритании: каждое государство будет сотрудничать с подписантами в соответствии со своим географическим положением, протокол войдёт в силу после принятия на международной конференции плана разоружения. Польша поддержала протокол, надеясь, что он будет дополнительным фактором по сдерживанию агрессии Германии. Это позволяло надеяться на сближение позиций Польши и Великобритании по вопросу системы безопасности, усилить международные позиции Польши. Но на том же заседании Р. Макдональд назвал ошибкой польско-немецкую границу в Горной Силезии, предлагая передать вопрос Совету Лиги для пересмотра. [2, s. 74–75, 77]. Такая позиция лейбористского министра развеивала надежды Варшавы.

29 октября 1924 г. на всеобщих выборов лейбористы потерпели поражение, консерваторы, получив большинство, получили право формировать правительство. 4 ноября 1924 г. произошла отставка лейбористского правительства Р. Макдональда.

Уже после его отставки обсуждался в Великобритании вопрос о ратификации Женевского протокола или возможности предложить альтернативный вариант: Германия гарантирует определенные территории, то есть западные границы, в отношении восточных границ она готова передавать любые проблемы, возникающие из-за них, на арбитраж. Р. Макдональд, выступая в ходе такого обсуждения в Палате общин парламента высказывался в пользу пакта. Он указывал, что «если в Европе снова начнется война, я очень сомневаюсь, что эта война возникнет из-за прямого конфликта между Францией и Германией из-за пограничных проблем. Я не думаю, что это вообще вероятное событие. Если снова начнется война, то это произойдет потому, что более крупные державы Европы – нам нет нужды продолжать упоминать их – подружились с меньшими державами, с менее безопасными державами, с менее устоявшимися державами <…> Подружившись с этими меньшими державами, они сформировали группы, не определенные, не изложенные на бумаге, не подчеркнутые как союзы, но были сформированы группы реального военного и политического значения <…> в игру вступают старые исторические разногласия, и Европа снова оказывается в тисках войны». Лейбористский политик выступил против локальных соглашений, которые направлены были на удовлетворение чувства безопасности только отдельных стран: «Безопасность – это вымысел ума. Величайшее заблуждение милитариста заключается в том, что безопасность – это нечто, имеющее форму ружья, которым кто-то может управлять на конце. Вот где он всегда ошибается. Вот где он вводит

в заблуждение нацию <…> Вы можете иметь свои секционные соглашения и договоренности, вы можете, если того потребует случай, сегодня умиротворить Францию, завтра Германию, на следующий день порадовать Польшу и послезавтра приласкать доктора Бенеша. Это только на время». Р. Макдональд рассматривал локальные соглашения как временные решения, в то время как «Протокол предусматривает арбитраж каждой трудности, которая достигает стадии войны. Если Константинополь попадает в такое положение, то он предусмотрен в Протоколе. Если границы Востока попадают в такое положение, то арбитраж предусмотрен в Протоколе» [14].

В поддержку пакта выступил и депутат-лейборист Хейстингс Лис-Смит. Он указал, что любые альтернативные проекты – специальный Договор или Пакт о союзе с Францией, Пакт пяти держав, включающий Германию, – несут в себе немалые риски. «Мы знаем речь, которую министр иностранных дел Польши произнес три недели назад, в которой он определенно заявил, что любой пакт, в котором Польша не участвует, будет причиной войны, а не мира, и что Франция была лишена в силу своего соглашения с Польшей возможности вступать в какие-либо гарантии, договоры или пакты, в которых Польша также не была бы участником» [14].

Вне парламентских стен лейбористы защищали проект протокола в своих публицистических работах. Политик и дипломат Филип Ноэль-Бейкер в своей работе «Женевский протокол» в 1925 г. пропагандировал этот проект. В качестве аргументов автор приводил и несколько аспектов международного положения Польши. В частности, он писал о необходимости установить посредством Протокола контроль над альянсами. По оценкам автора, особенно нужно контролировать союзы Франции с Румынией и Польшей. Это обусловлено потенциальными рисками для самой Великобритании: «Эти союзы, откровенно направленные против совместной или групповой агрессии со стороны великих держав России и Германии, являются, как обстоят дела сегодня, возможно, наиболее вероятными из всех, которые рано или поздно будут введены в действие <…> Великобритания будет иметь совершенно особый интерес, если она даст Франции обязательство защищать ее от нападения. Ибо такое обязательство вовлечет нас, косвенно, это правда, но тем не менее несомненно, в результаты, к которым приведут эти союзы. Если, например, Россия нападет на Румынию, чтобы вернуть Бессарабию, Франция будет обязана сражаться, и это, если таковое вообще будет, будет моментом, который Германия выберет, чтобы отомстить Франции, и поэтому наши обязательства возникнут» [15, p. 164]. Во-вторых, лейбористский политик указывал, что Протокол наиболее вероятно будет использован в особенно трудных ситуациях, к которым причислял «отношения между

Россией и пограничными государствами. Никто не может предсказать, как будет развиваться нынешнее правительство России, но каким бы ни было его развитие, оно в любой момент может перестать довольствоваться своими нынешними западными границами. Прибалтийские государства, восточная граница Польши, Бессарабия, все это нынешние проблемы, которые должны беспокоить каждого, кто заботится о будущем мире» [15, p. 189].

Как видим, оценкам и действиям британских лейбористов в середине 1920-х годов в отношении Польши был присущ исключительный прагматизм.

Источники и литература

1. Piszczkowski, T. Anglia a Polska, 1914–1939. W świetle dokumentów brytyjskich / T. Piszczkowski. – Londyn : Oficyna Poetów i Malarzy, 1975. – 456 s.

2. Nowak-Kielbikowa, M. Polska-Wielka Brytania w dobie zabiegów o bezpieczeństwo w Europie, 1923–1937 / M. Nowak-Kielbikowa. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. – 588 s.

3. Трухановский, В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939) / В. Г. Трухановский. – М. : Изд-во Ин-та международных отношений, 1962. – 412 с.

4. Капитонова, Н. К. История внешней политики Великобритании / Н. К. Капитонова, Е. В. Романова. – М. : Международные отношения, 2016. – 840 с.

5. Сергеев, Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию / Е. Ю. Сергеев. – Санкт-Петербург : Наука, 2019. – 831 с.

6. Суслопарова, Е. А. Первое лейбористское правительство 1924 г. в Великобритании / Е. А. Суслопарова // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2019. – № 4. – С. 3–13.

7. Романова, Е. В. Перспективы торгово-экономического взаимодействия с Советской Россией/СССР в оценке британских правящих кругов (первая половина – середина 1920-х гг.) / Е. В. Романова. // Чичеринские чтения. СССР на мировой арене: самоидентификация и восприятие : Материалы Международной научной конфренции. 24– 26 ноября 2022 г. / М-во науки и высш. обр. РФ [и др.] ; отв. ред. В. В. Романов. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2023. – С. 53–65.

8. Магадеев, И. Э. «Тень империй»: проблемы стабильности в Центральной и Восточной Европе в оценках британских дипломатов и политиков (1920-е годы) / И. Э. Магадеев // Новая и новейшая история. – 2021. – № 4. – С. 82–96.

9. Labour Manifesto 1922 // British general election manifestos 1918-1966 / compiled by F. W. S. Craig. – London : Macmillan, 1975. – 484 p.

10. 1923 Labour Party General Election Manifesto [Electronic resourse]. Mode of access : http://www.labour-party.org.uk/manifestos/1923/1923-labour-manifesto.shtml. – Date of access : 15.03.2025.

11. Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st Ser. / ed. by W.N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1984. – Vol. 25. – 953 p.

12. Henderson, A. The character and policy of the British Labour party \ A. Henderson // The international journal of ethics – 1922. – January. – P. 119–123.

13. Baumgart, M. Londyn – Berlin, 1918–1939 Niemcy w brytyjskiej polityce zagranicznej / M. Baumgart. – Szczecin : Archiwum państwowe, 1993. – 280 s.

14. British policy // House of Commons Debates. 24 March 1925 [Electronic resource]. – Mode of access : https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/24/british-policy. – Date of access : 15.03.2025.

15. Noel Baker, P. J. The Geneva Protocol / P. J. Noel Baker. – London : P. S. King & Son, Ltd., 1925. – 228 p.

УДК 94(47).084.5

М. В. Брянцев
Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского

ПОЛЬША КАК ВЕРОЯТНЫЙ ПРОТИВНИК В БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ (ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОМЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ)

В статье на основе анализа информационных материалов рассматриваются представления жителей Гомельской губернии о вероятном противнике в будущей войне – соседней Польше. Автор приходит к выводу, что на всем протяжении 1920-х годов жители Гомельской губернии боялись беспокойного соседа, понимая, что одна Польша не будет воевать против СССР. За ее спиной маячили крупнейшие европейские державы и, прежде всего, Англия. Все это усиливало тревогу и многих приводило к выводу о неспособности СССР победить в возможной войне.

К концу 1920-х гг. большевикам удалось сформировать образ СССР как осажденной крепости и даже международные организации, такие как Лига Наций оказывались в стане врага, который ведет подготовку к войне и в любой момент может напасть. Реальная ситуация оказывалась и впрямь непростой и население жило в состоянии «военной тревоги» [1–4].

Нам уже приходилось писать о представлениях населения Гомельской губернии о вероятном противнике в предстоящей войне [5]. Однако, там были рассмотрены представления населения о будущем противнике вообще. В этой же статье речь пойдет конкретно о ближайшем соседе – Польше, стремившейся стать «санитарным кордоном» между СССР и Западной Европой [6].

В основу работы положены материалы Государственного архива общественных объединений Гомельской области. В массе своей это информационные сводки, часто передававшие слухи, которые играли важную роль в формировании представлений и настроений на всем протяжении 1920-х годов [7, с. 82; 8].

1920-е годы проходили под знаменем борьбы Советской власти за свое признание. Не всегда это движение встречало понимание со стороны не только больших держав, но и соседних государств, среди которых явно выделялась Польша, проводившая довольно агрессивную и последовательную политику «расширения на Восток».

На всем протяжении 1924 г. в Беларуси и Гомельской губернии говорили о войне с Польшей [9, с. 150]. Слухи подогревались газетными публикациями, в которых рассказывалось о приготовлениях к войне не только Польши, но и Румынии, и Англии [10, л. 66]. Прежде всего Англия и Польша виделись главными виновниками возможной войны в глазах населения СССР, что являлось отражением пропагандистской кампании, развернувшейся в СССР против этих стран. Англия, чаще всего, воспринималась как подстрекательница других против СССР, а для жителей приграничных районов с Польшей именно последняя являлась реальной угрозой, которая приведет к войне.

Любое действие властей рассматривалось населением как знак возможной войны. Признаки надвигающейся войны виделись населению повсюду и в любых действиях властей: будь то демонстрации в честь 10-летия начала Первой мировой войны, публикации в газетах о механизации грядущей войны, установка «маяков по линии Бобруйск – Смоленск» или же слухи об инспекционной поездке Троцкого в пограничной полосе. Возможность войны связывалась и с вероятным провалом переговоров с Англией [11, л. 162, 178, 188].

В марте 1925 г. среди рабочих Глуховской суконной фабрике имени Зиновьева в Клинцах носились слухи о том, что «на польском фронте уже идет война и что якобы 2 советских города забраны поляками, но Соввласть и газеты об этом умалчивают» [10, л. 177]. Крестьяне Стародубского уезда говорили о только еще готовящейся войне, в которой будут принимать участие «все империалистические государства», а с ними придет и Николай Николаевич [12, л. 51].

Летом 1925 г. разговоры о военных действиях приобрели устойчивый характер. В Гомельском уезде уверенно говорили о начавшихся боевых действиях на польском фронте, откуда в Гомель уже привезли 100 раненых [12, л. 82–83]. Осенью 1925 г. в Клинцовском уезде поползли слухи о том, что поляки взяли Минск и раненых эшелонами везут в Харьков [12, л. 246]. О множестве раненых на польской границе говорили в селах Воронковской волости Стародубского уезда. Здесь же свидетельствовали о том, что Ленинград уже взят войсками Японии, Франции и других государств, а около Ленинграда стоят иностранные пароходы и никого не пропускают [12, л. 246, 247]. Именно летом 1925 г. все, кто говорил о войне, были уверены в том, что она будет означать конец Советской власти [12, л. 82–83].

Несмотря на то, что слухи не оправдывались, население жило в напряженном ожидании войны и, прежде всего, с соседней Польшей. Уже в октябре 1926 г. жители Бобруйского округа не только обсуждали возможность войны с Польшей, а некоторые уже говорили о ней как свершившемся факте. Польша оказывалась противником СССР в условиях обострения отношений с Литвой, на стороне которой будет Россия, а на стороне Польши – Англия. Служащие Правления Клинцовского текстильного треста были уверены, что «как только Польша покончит с Литвой, а то, что она с ней покончит – это бессомненно, у Белоруссии будет забран Минск и между СССР и Англией и Францией будет создано буферное Литовско-Польское государство». А в некоторых деревнях Речицкого уезда «циркулируют слухи, что пролетающие аэропланы летят в Польшу, потому что Польша предлагала советской России сдать без боя местность до Стародуба, угрожая в противном случае войной» [13, л. 536, 622, 683]. В Клинцах Гомельской губернии подтверждением распространявшихся слухов о начавшихся боевых действиях между Россией и Польшей стала молва о бомбардировке польской авиацией Киева и отступлении советских войск «от границы на 10-ть верст». Дело, якобы, дошло до того, что неуверенные в своей победе, советские власти стали затоплять соляные копи в Крыму [13, л. 644, 701].

Следует отметить, что население не просто говорило о поражении Советской власти в будущей войне, а аргументировало это, явно

опираясь не только на слухи, но и на постоянные сообщения советской прессы, тем, «что в случае войны с Польшей СССР очутится в неприятном положении, ибо Польше будут помогать Западные государства, у коих, по сравнению с СССР, техника далеко ушла вперед» [13, л. 589]. К этому добавлялось негативное мнение об уровне подготовки Красной армии в сравнении с западноевропейскими. Весомость заявки на победу Польши в войне с СССР, по мнению крестьян Речицкого уезда, придавало то, «что в Польшу приехало много французских и английских генералов для военной подготовки» [13, л. 216].

Беспокойство вызывала консолидация общеевропейских сил для борьбы с СССР. В Гомельской губернии молва передавала намерения Америки, Франции, Англии и Польши освободить русских крестьян от «жидов» [13, л. 574]. Поп села Руденец видел в Антанте силу, пытающуюся помочь российскому духовенству [11, л. 97]. Самые разные слои российского населения связывали военные действия с поражением советской власти. Население не верило в возможность победы Советской России в будущей войне, так как буржуазные государства выступят единой силой. В этой среде ожидания поражения власти коммунистов было столь велико, что даже принятие Германии и Польши в Лигу Наций виделось в ракурсе того, «чтобы воевать с СССР» [13, л. 588]. Некоторые полагали, что приход к власти Гинденбурга в Германии приведет к началу войны и гибели власти большевиков [12, л. 105].

Разговоры о войне подогревались и свидетельствами «очевидцев». Так, в с. Дубровке Новозыбковского уезда приехавший из Америки рабочий рассказывал, что «половина заводов в Америке перешли на изготовление военных снарядов для войны с Россией» [12, л. 215–216]. В 1927 г. население ожидало ужасную войну: «не где будет даже спрятаться, всем коммунистам придет капут. Англия не на шутку посылает в Китай свои танки и крейсера, она проводит политику захвата в свои руки Дальне-Восточной ж. д. и двинет на Россию с одной стороны, а Польша с другой», – говорили рабочие железнодорожных мастерских в Гомеле [14, л. 2]. Население тревожило то, что в случае войны «опять начнутся беспорядки и банды, снова придется голодать, неприятель бросит газы и удушит население». Беднота же впала в уныние, боясь, что вернутся помещики и отберут землю. Иное настроение царило в среде зажиточного населения – кулачество подняло голову, надеясь на свержение Советской власти [11, л. 178, 189].

В начале 1927 г. власти настолько были обеспокоены нагнетанием милитаристских настроений среди населения, что было решено принять контрмеры и провести «летучие митинги, собрания по предприятиям, союзам в целях освещения вопросов международного положения,

вынесение протеста против разгула фашизма, разгрома революционного национального рабоче-крестьянского движения в Польше». Думается, что дальнейшее разъяснение вносило только усиление страхов, а не успокоение. Пропагандистам рекомендовалось «в докладах особо оттенить моменты 1) политики Англии, готовящееся ею окружение нападения на СССР через Польшу, Литву и Латвию, 2) необходимость быть на чеку, укреплять оборону СССР» [15, л. 1].

Нагнетавшаяся истерия по поводу возможной войны стала спадать только к осени 1927 г., что не преминуло отразиться в информационных сводках, в которых отмечалось ослабление напряжения, вызванного угрозой войны. В частности, такое наблюдалось в политдонесении политотдела 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии. Составители донесения указывали на растерянность среди командного состава, которое была связана с противоречивостью заявлений советских и партийных руководителей. «Как-же теперь кр[асноарме]цу говорить об опасности, когда т. Рыков (доклад на съезде КПУ) говорит, что положение улучшилось», – заявляли командиры. Еще больший сумбур был в головах красноармейцев (составители сводки говорили о «недостаточно разбирающихся в обстановке» красноармейцах): некоторые надеялись, что «Войны не будет 5 лет, так как правительство выпускает пятилетний план строительства», другие же были уверены в том, что войны «рабочий класс не допустит». Оптимизм таких заявлений объяснялся весьма просто: среди красноармейцев широко распространена была надежда на то, что в новых условиях будет сокращение армии, а значит «весной удастся мобилизоваться».

Причиной ослабления угрозы войны служила и внутрипартийная борьба, и проходящий XV партсъезд, которые отвлекли внимание от международных проблем. Успокоенность настолько оказалась заразительной, что польско-литовский конфликт, привлекший внимание красноармейцев и начсостава, казался неопасным: верилось, что он будет урегулирован мирным путем. Хотя среди «части начсостава есть желание повоевать, а среди призывников существует боязнь войны» [16, л. 11].

Несмотря на ослабление напряженности и отвлечение внимания красноармейцев, как и всего населения, на внутрипартийную борьбу, Польша оставалась главным виновником возможной войны и в 1928 г. Таковым она виделась для значительной части красноармейцев 6-ой Чонгарской дивизии. Они полагали, что избежать войны с Польшей не удастся, а потому среди них была популярна мысль о превентивных мерах: «почему не пойти и не разбить Польшу, чтоб она во главе с Пилсудским не угрожала нашему союзу», – раздавалось среди кавалеристов 32-го полка. Такие настроения обосновывались тем, что

«теперь легче будет воевать, чем в гражданскую войну – мы богаче», кроме того, «они (враги) боятся нас, исподтишка на нас нападают, а открыто нападать слабо». И, вообще: «надо поменьше делать уступок буржуазии, она меньше будет лезть на нас». Наплевательское отношение к войне наблюдалось и среди части начсостава. Однако другая часть красноармейцев войны явно не хотела. Некоторые из них, видя хлебные затруднения, говорили о неспособности СССР победить в возможной войне, другие вовсе стремились уйти из строя [16, л. 199].

Мнение о неспособности СССР победить в предстоящей войне было характерно и для красноармейцев 37-й дивизии. В политдонесении на начало октября 1928 г. отмечалось, что среди красноармейского состава существует недооценка «наших сил на случай интервенции», недооценка «внутренних противоречий внутри капиталистических государств», недооценка «возможной роли революционных элементов в деле помощи Союзу в случае интервенции». Все это звучало в красноармейских вопросах и репликах групповому руководителю в следующем виде: «Мы сильны только силой, а техника у нас слаба», «Иностранные рабочие нам не помогут, они бессильны», «Капиталистические государства между собою противоречий не имеют, Англии легко удастся сколотить анти-советский блок», «Нам нельзя надеется на рабочих (имеются ввиду иностранные рабочие), их поддержку в случае войны, а когда помогут, тогда видно будет», «Крестьяне сильно озлоблены хлебозаготовками и самообложением, они пожалуй в армию пойдут плохо» и т. д.

Другая часть красноармейцев была настроена более оптимистично, полагая, что «в случае войны нам без особых трудностей удастся победить, потому что международный пролетариат в случае войны сразу сделает революцию у себя в странах». По мнению составителей сводки, эта точка зрения исходит «из недооценки сил буржуазии, влияния социал-демократии в капиталистических государствах на трудящиеся массы и ее предательской роли, из недооценки тех трудностей, которые международный пролетариат в связи с этим встретит на своем пути, в деле низвержения буржуазии. Конкретно в устах сторонников такого понимания этого вопроса выражается: «Почему мы до сих пор молчим, когда на нас нападают», «Русский мужик разобьет лбом железные двери», «Капитализм разваливается, в случае войны мы его сразу разобьем», «Война нам не страшна, так как там у них имеются рабочие и они помогут», «Война будет не скоро, Польша с нами воевать не будет, так как она нас боится» и так далее [16, л. 239].

В политдонесении политического управления Западного военного округа осени 1925 г. приводилось мнение красноармейцев о том, что

«в период хозяйственного роста война нам не нужна, высказывается готовность стать на защиту советского союза». Однако сами составители сводки, понимая уровень боеспособности Красной армии, отмечали, «что многие их этих заявлений содержат в себе некоторый необдуманный задор, и нередко боевая готовность определяется принятием резолюций на всевозможных торжественных собраниях». Характерным примером такого настроения является выдержка из донесения Западной пехотной школы: «Отношение к возможности войны вполне здоровое, о чем говорит целый ряд принятых на собраниях резолюций». Такой подход формировал во многих частях поверхностные мнения и недооценки противника: «Польше мы в два счета надаем» [17, л. 357].

Таким образом, даже среди красноармейцев и начсостава не было единого представления об итогах предстоящей войны. Несмотря на встречавшиеся шапкозакидательские настроения среди бойцов Красной армии, все же большинство настороженно относилось к возможности и результатам войны или же предрекали поражение СССР. Причиной такого пессимизма являлись, как знание общего военно-технического состояния Красной армии, так и ситуация в стране, которую Советская власть не убедила в своей эффективности.

Слухи о войне подогревали критические настроения в обществе. Население не видело достижений 10-летнего правления коммунистов. Во всех слоях населения были характерны антикоммунистические настроения. Война давала надежду на падение Советской власти. Один из рабочих завода «Пролетарий» Гомельской губернии заявлял: «Скоро будет война, я воевал и защищал Советскую власть, а теперь мол, портфели живут хорошо, пусть воюют, а мы, если дадут оружие повоюем иначе». На собрании Союза строителей был задан вопрос: «Скажите Ваше мнение, пойдут ли рабочие на войну, ведь они спросят, что им защищать, ведь революция пока еще ничего не дала, голод еще большой, всякие кризисы – жилищный и проч. в то время как заграничный рабочий в материальном отношении ушел далеко» [14, л. 2].

Таким образом следует отметить, что наибольшая угроза, по мнению населения, исходила от соседней Польши, за спиной которой явно маячила подстрекавшая ее Англия. Мнения были самые разные, но большинство понимало, что Польша одна воевать с Советской Россией не будет, она опирается на мощь Франции и Англии, у которых было весьма сложное отношение к СССР. В представлениях большинства населения, наряду с шапкозакидательскими настроениями, были более осторожные и даже пессимистические: большинство не хотело воевать не только с Польшей, но и вообще опасалось новой войны, другие же связывали свои ожидания с поражением СССР в войне.

Источники и литература

1. Голубев, А. В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. / А. В. Голубев. – М. : «Кучково поле», 2008. – 384 с.

2. Нежинский, Л. Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах / Л. Н. Нежинский. – М. : «Наука», 2004. – 323 с.

3. Нежинский, Л. Н. Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х годов? / Л. Н. Нежинский // История СССР. – 1990. – № 6. – С. 14–30.

4. Симонов, Н. С. «Крепить оборону страны Советов»: «Военная тревога 1927 года и ее последствия / Н. С. Симонов // Отечественная история. – 1996. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5875. – Дата доступа: 10. 03. 2016.

5. Брянцев, М. В. Представления населения Гомельской губернии о вероятном противнике в будущей войне (по материалам ГАОО ГО) / М. В. Брянцев // Международные отношения: актуальные проблемы истории и современный этап трансформации. Сборник научных статей. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2024. – С.157–164.

6. Почс, К. Я. «Санитарный кордон»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929 гг.) / К. Я. Почс. – Рига : «Зинатне», 1985. – 176 с.

7. Андриянов В. И. «Слухи» как социальный феномен / В. И. Андриянов, В. К. Левашов, А. Т. Хлопьев // Социологические исследования. – 1993. – № 1. – С. 82–88.

8. Голубев, А. В «Старик Наслышка»: неформальные образы внешнего мира в советском обществе 1920-х гг. / А. В. Голубев // Российская история. – 2018. – № 3. – С. 77–86.

9. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Сб. докум. : в 10 т. / Отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. – М. : Издательство, ИРИ РАН, 2001. –Т. 2: 1924 г. – 511 с.

10. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 1938.

11. Там же. – Д. 2431.

12. Там же. – Д. 2751.

13. Там же. – Д. 2932.

14. Там же. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 271.

15. Там же. – Д. 188.

16. Там же. – Д.185.

17. Там же. – Оп. 1. Д. 2432.

УДК 94(476:4-470)”1921/1939”

В. М. Бароўская
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

ДАГАВОР АБ НЕНАПАДЗЕННІ 1932 ГОДА У САВЕЦКА-ПОЛЬСКІХ АДНОСІНАХ 1921–1939 ГАДОЎ

У артыкуле разгледжаны асноўныя этапы перамоў па заключэнні “Дагавора аб ненападзенні” паміж СССР і Польшчай 25 ліпеня 1932 г. і яго ўплыў на агульную растаноўку сіл ва ўсходнееўрапейскім рэгіёне. Падкрэсліваецца жаданне савецкага кіраўніцтва аб выкарыстанні двухбаковых перагавораў у паляпшэнні гандлёва-эканамічных адносін Польшчы і СССР; і польскага кіраўніцтва аб захаванні цэласнасці савецка-польскай мяжы. Дзеля дасягнення кампрамісу бакі імкнуліся пэўны час залагоджваць спрэчныя двухбаковыя пытанні (праблема свабоднага культурнага і рэлігійнага развіцця нацыянальных меншасцей, ліквідацыі антысавецкіх элементаў у Польшчы).

Перагаворы па заключэнні “Дагавора аб ненападзенні” адбываліся ў 1925–1932 гг. шляхам сустрэч паўнамоцнага прадстаўніка СССР у Польшчы (П. Л. Войкава) з прадстаўнікамі Міністэрства замежных спраў Польшчы (міністрам, віцэ-міністрам, дырэктарам Усходняга дэпартамента Г. Янкоўскім); прадстаўніка Польшчы ў СССР (С. Кентшыньскі, С. Патэк) з членамі Калегіі НКЗС СССР (аддзел Польшчы і Прыбалтыкі С. І. Аралаў – Б. С. Стаманякоў, рэдка народным камісарам замежных спраў).

У савецка-польскіх перагаворах па заключэнні “Дагавора аб ненападзенні” варта вылучыць пэўную перыядызацыю: 1) 1925 – 1927 гг. – этап першапачатковага агучвання абодвума бакамі сваіх пазіцый адносна будучага пакта аб ненападзенні (польская пазіцыя аб падключэнні да савецка-польскага дагавора яшчэ і краін Балтыі, Румыніі супрацьпастаўлялася савецкім жаданнем паступовага заключэння савецка-польскага, савецка-латвійскага, савецкага-літоўскага і савецка-эстонскага дагавораў); 2) 1927–1931 гг. – перыяд лавіравання і адначасовага зацягвання перагавораў, калі абодва бакі не жадалі ісці на пэўныя саступкі, аднак пад уплывам зменаў у агульнай міжнароднай сітуацыі (заключэння пакта Брыяна-Келага, Маскоўскага пратакола) маскіравалі свае сапраўдныя памкненні перад шырокімі коламі грамадскасці; 3) 1931–1932 гг. – этап канструктыўнага дыялогу і дэталёвых перагавораў па карэктыроўцы тэкста дагавора, знаходжанне кампрамісу па ўзгадняльнай працэдуры.

Галоўным пунктам заключэння “Дагавора аб ненападзенні” была ўмова аб “інтэгральным і найбольш хуткім ажыццяўленні тых пастаноў Рыжскага мірнага дагавора, якія да гэтага моманту не былі выкананы”. Савецкі бок жадаў “звязаць выкананне старых абавязацельстваў па Рыжскім дагаворы не толькі з палітычнага пункта гледжання, але, у асаблівасці, з гандлёвага”. У першую чаргу мелася на ўвазе прадстаўленне эканамічных кампенсацый пры ліквідацыі старых польскіх прэтэнзій па Рыжскім дагаворы. Польскі бок выстаўляў патрабаванне – “забеспячэнне і ўмацаванне трывалага міру на тэрыторыі Усходняй Еўропы” – удзел у заключэнні сістэмы гарантыйных дагавораў паміж СССР і краінамі Балтыі. Савецкі бок лічыў больш рацыянальным ажыццяўленне “папярэдніх размоў неафіцыйнага характару, г. зн. без аб’яўлення аб тым, што пачаты афіцыйныя перагаворы аб пакце. Падчас гэтых папярэдніх перагавораў выявіцца магчымасць зразумець сапраўдныя намеры бакоў” [1, s. 490].

3 сакавіка 1925 г. у “Інструкцыі міністра замежных спраў Польшчы для дыпламатычных пляцовак адносна польска-савецкіх адносін у апошнім паўгоддзі” А. Скшыньскі адзначаў, што “галоўнай мэтай польскай палітыкі ў адносінах да савецкага ўраду з’яўляецца імкненне да захавання міру, а таксама трывалага прытрымлівання створанай дзякуючы мірнаму дагавору тэрытарыяльнай сістэмы ўздоўж заходняй мяжы СССР ад магчымасці яго сілавога парушэння з боку савецкага ўраду”. Формула, якая б дазволіла б захаванне статус-кво, магла б стаць выхадам да пабудовы больш-менш нармальных адносін суседскага суіснавання паміж Польшчай і СССР, засноўвалася, з аднаго боку, на захаванні міру і пазбяганні вайны, з другога – неабходнасці прытрымлівання супрацоўніцтва з Румыніяй і краінамі Балтыі [1, s. 518].

У кастрычніку 1925 г. пры Палітбюро ЦК УКП(б) была ўтворана Камісія па збліжэнні паміж СССР і Польшчай з мэтай “умацавання эканамічнай і палітычнай сувязі з Польшчай”. У яе склад уваходзілі С. І. Аралаў, М. Г. Гурэвіч, І. С. Уншліхт, І. М. Майскі, з інфармацыйнай мэтай паўнамоцны прадстаўнік у Варшаве П. Л. Войкаў [2, арк. 2–7].

У інструкцыі А. Чарных да П. Л. Войкава ад 29 студзеня 1926 г. указвалася, што “пытанне аб перагаворах з Польшчай абмяркоўвалася на апошнім пасяджэнні Калегіі НКЗС СССР, пры гэтым намечана наступная агульная лінія: з-за апасення, што А. Скшыньскі будзе ўхіляцца ад абмеркавання палітычных пытанняў і імкнуцца звесці перагаворы толькі да пытанняў гандлёвага дагавора, неабходна паставіць Скшыньскага ў вядомасць, што савецкі ўрад лічыць неабходным да пачатку фармальных перагавораў аб гандлёвым

дагаворы пачаць абмеркаванне асноўных палітычных момантаў узаемаадносін (заключэнне дамовы аб узаемным нейтралітэце і ненападзенні). Акрамя таго, савецкі бок жадаў атрымання пэўнага абавязацельства ад Польшчы ў яе адмове ад якіх-небудзь палітычных, ваенных ці эканамічных саюзаў з краінамі Балтыі, а таксама абмеркавання пытання аб ваеннай канвенцыі Польшчы з Румыніяй і аб Бесарабіі" [3, с. 595]. У адзначанай інструкцыі ўказвалася, што "па пытанні аб тым, ці можам мы і да якіх межаў ісці на ўступкі палякам пры абмеркаванні пытанняў Рыжскага дагавора, вырашана запытаць аўтарытэтную інстанцыю. Ва ўсялякім выпадку, мы стаім на тым пункце гледжання, што мы не можам пагадзіцца на ўзнаўленне разліковай камісіі. У гэтым пункце мы займаем рашуча адмоўны пункт гледжання" [3, с. 596].

15 лютага 1926 г. у інструкцыі народнага камісара замежных спраў СССР Г. В. Чычэрына да паўнамоцнага прадстаўніка СССР у Польшчы П. Л. Войкава адзначалася, што "сам жа я рашуча з Вамі не згодны, калі Вы адвяргаеце неабходную сувязь гарантыі мяжы з пактам аб ненападзенні. Адно не аддзяліма ад другога. Захаванне цяперашняй савецка-польскай мяжы ёсць абсалютна неабходная перадумова мірнай савецка-польскай палітыкі. Нельга весці мірную савецка-польскую палітыку і ў той жа час казаць аб прэтэнзіях украінцаў і беларусаў. Але мы пойдзем на гэта толькі пад умовай рэвізіі Рыжскага дагавора. Ваша прапанова аб уплаце якіх-небудзь сум палякам у Маскве ні ў якім выпадку не пройдуць, аб гэтым і заікацца нельга" [3, с. 613].

Гэта азначае фактычнае замоўчванне пытання нацыянальных меншасцей Польшчы і выканання 7 арт. Рыжскага дагавора. Імкненне савецкага боку да заключэння "Дагавора аб ненападзенні" дыктавала неабходнасць часовага замоўчвання гэтых праблемных момантаў у савецка-польскіх адносінах. Аднак гэта адбывалася пры ўмове "рэвізіі Рыжскага дагавора". Ці не мае на ўвазе Г. В. Чычэрын адмову ад выканання фінансава-эканамічных патрабаванняў па Рыжскім мірным дагаворы? Калі польскі бок пагадзіцца на адмову, або змяншэнні сумы выплат савецкім бокам, то гэта будзе азначаць поўнае ігнараванне беларускага і ўкраінскага пытанняў? Магчыма мелася на ўвазе і рэвізія і савецка-польскай мяжы?

16 лютага 1926 г. у Маскву прыехаў С. Янікоўскі, начальнік Усходняга аддзела МЗС Польшчы, для будучых перагавораў з савецкімі дыпламатамі па заключэнні дагавора аб ненападзенні. 19–23 лютага 1926 г. адбываліся сустрэчы С. Кентшыньскага, польскага паўнамцонага прадстаўніка ў Маскве, з Г. В. Чычэрыным,

народным камісарам замежных спраў СССР. У сакрэтнай інструкцыі С. І. Аралава, члена Калегіі НКЗС СССР, да П. Л. Войкава ад 23 лютага 1926 г. чытаем: “Калі палякі не пагадзяцца на заключэнне дагавора аб нейтралітэце, то можна будзе пагадзіцца на дагавор толькі аб ненападзенні. Адначасова трэба намякаць А. Скшыньскаму, што калі Польшча адновіць дагавор з Румыніяй, то наша дамова можа стаць сумніўнай. Аб гэтым вам трэба таксама пагаварыць і з гандлёвымі коламі, якія збіраюцца паслаць да нас сваіх прадстаўнікоў. Указаць ім, што калі ўзновіцца саюз Румыніі і Польшчы, то наўраці будуць вялікія вынікі ад іх паездкі ў Маскву і наогул нам цяжка будзе тады з імі размаўляць. Калегія НКЗС СССР не згодна, каб мы усе ж такі выплацілі некаторую суму па ашчадным укладам палякам. Мы павінны будзем настойваць на поўным ануляванні гэтага пытання” [3, с. 617].

2 сакавіка 1926 г. у сакрэтнай інструкцыі С. І. Аралава да П. Л. Войкава адносна ходу савецка-польскіх перагавораў па заключэнні дагавора аб ненападзенні ўказвалася, што “асноўным пытаннем палякі паставілі прыбалтыйскае пытанне і пытанне аб гарантыі ўсёй нашай заходняй мяжы. Гэтаму садзейнічалі нашыя вялікія абяцанні ў галіне эканамічных адносін, якія могуць быць ажыццяўлены толькі тады, калі палітыкі дамовяцца з намі і ў палітычных, і ў гандлёвых пытаннях, пойдуць на ўступкі ў Рыжскім дагаворы” [3, с. 620].

У інструкцыі С. І. Аралава да П. Л. Войкава ад 20 красавіка 1926 г. указвалася, што “з-за таго, што палітычныя перагаворы яўна зашлі ў тупік з-за Прыбалтыкі, мы вырашылі паспрабаваць працягнуць іх на глебе нашых эканамічных і гандлёвых узаемаадносін з юнкцімам (iunctim) Рыжскага дагавора. Наша прапанова аб вядзенні гандлёвых перагавораў не значыць, што павінна быць склікана зараз канферэнцыя. Наадварот, наша прапанова заключае у сябе тое, што перагаворы павінны весціся дыпламатычным шляхам, каб паміж Кентшынскім і Чычэрыным вяліся б папярэднія перагаворы аб асновах гандлёвага дагавора і аб ануляванні рыжскіх нашых абавязкаў. Гэта трэба ясна патлумачыць і МЗС, і грамадскім колам, каб не было ніякіх непаразуменняў, бо я баюся, што Кеншыньскі можа і падмануць” [3, с. 692–693].

У лісце Б. С. Стаманякова П. Л. Войкаву ад 22 чэрвеня 1926 г. указвалася пазіцыя Польшчы па заключэнні калектыўнага дагавора. Падкрэслівалася, што польскі бок імкнуўся перш за ўсё да заключэння калектыўнага дагавора пры ўдзеле краін Балтыі, Польшчы і СССР, але ў выпадку нашай катэгарычнай адмовы гатовы пагадзіцца “з заключэннем сепаратных дагавораў з кожным з пяці нашых заходніх лімітрофаў па асобку пры выкананні двух умоваў: а) адпаведнасці

гэтых сепаратных дагавораў абавязацельствам, прынятым лімітрофамі ў адносінах Лігі Нацый і б) заключэнне дагавора, падобнага Лакарна, пяццю лімітрофамі паміж сабой. Вядзенне перагавораў па выпрацоўцы асноўных умоў для высвятлення пунктаў гледжання абодвух бакоў па шэрагу істотных пытанняў, без узгаднення якіх, па меркаванні польскага міністра замежных спраў, заключэнне плануемага дагавора магло б сустрэцца з сур'ёзнымі цяжкасцямі" [4, с. 36.].

У сакрэтнай інструкцыі міністра замежных спраў Польшчы А. Залескага для пасла Польшчы ў Маскве С. Патэка адносна польска-савецкіх адносін ад 31 студзеня 1927 г. адзначалася, што "дадатковым палітычным фактарам, які ўплывае на адносіны цэнтральнага савецкага ўраду да Польшчы з'яўляецца ўплыў урадаў Савецкай Беларусі і Украіны. Калі на палітычным гарызонце савецкага ўраду Польшча займае толькі адзін з накірункаў, а для харкаўскага займае палову, то для мінскага ўраду цэласнасць яго зацікаўленасцей у сферы знешняй палітыкі. Галоўным пазітыўным пунктам палітычнай праграмы ўраду Савецкай Беларусі з'яўляецца захаванне сталага напружання ў савецка-польскіх адносінах з надзеяй на вайну або рэвалюцыю, якая б дазволіла адарваць ад Польшчы яе паўночна-ўсходнія крэсы" [5, s. 490].

Новая фаза савецка-польскіх перагавораў па заключэнні "Дагавора аб ненападзенні" пачалася ў студзені 1927 г. у сувязі з прыездам новага польскага паўнамоцнага прадстаўніка ў СССР С. Патэка. Польскі бок выказваў зацікаўленасць у падпісанні не толькі савецка-польскага пакта, але і аналагічных з краінамі Балтыі. 26 лютага 1927 г. у лісце члена Калегіі НКЗС СССР Б. С. Стаманякова паўнамоцнаму прадстаўніку СССР у Польшчы П. Л. Войкаву ўказвалася на адцягванне польскім урадам пачатку перагавораў. Забойства П. Л. Войкава ў Варшаве 7 чэрвеня 1927 г. прыпынілі двухбаковыя ініцыятывы ў гэтым кірунку.

У лісце Б. С. Стаманякова Д. В. Багамолаву ад 1 лістапада 1927 г. указвалася, што падчас абмеркавання пытання заключэння пакта аб ненападзенні паміж СССР і Польшчай было вырашана не рабіць ніякіх далейшых сур'ёзных уступак Польшчы па спрэчных пытаннях, праяўляючы адначасова былую зацікаўленасць у перагаворах і прымаючы ўсе меры, каб адказнасць за магчымы непоспех перагавораў лягла на савецкі бок. Меркаванні Калегіі НКЗС СССР зыходзіла з агульнага міжнароднага становішча і выклікала б пагаршэнне савецка-германскіх адносін. Таму Б. С. Стаманякоў раіў паўнамоцнаму прадстаўніку СССР у Польшчы паступова прыпыніць перагаворы па заключэнні пакта і актывізаваць працу па падрыхтоўцы гандлёвага дагавора [3, с. 236].

Дадатковым штуршком да актывізацыі савецка-польскіх перагавораў стала падпісанне 27 жніўня 1928 г. пакта Брыяна-Келага (Парыжскі пакт) па стварэнні сістэмы калектыўнай бяспекі і Маскоўскага пратакола ў лютым 1929 г. У лісце Д. В. Багамолава Б. С. Стаманякову ад 29 мая 1928 г. указвалася, што "палякі баяцца, што пакт Келага (да таго ж без іх удзелу) створыць глебу для рэвізіі ў бліжэйшым будучым Версальскага дагавора. Таму растуць іх апасенні за заходнія межы. Як кампенсацыя за перагляд і выпраўленне заходніх межаў Германіі прапаноўваюцца якіясьці "гарантыі" супраць СССР. У цяперашні момант я лічу, што пытанне аб якім-небудзь пераглядзе ўсходніх межаў Польшчы неактуальна, бо ўся польская грамадская думка была бы супраць яго" [3, с. 316].

У лісце намесніка народнага камісара замежных спраў СССР М. М. Крэсцінскага У. А. Антонаву-Аўсеенка ад 22 кастрычніка 1930 г. указвалася аб змесце яго сустрэчы з С. Патэкам (зандаж глебы адносна пытання заключэння пакта аб ненападзенні). Польскі дыпламат указваў, што "нашы перагаворы аб заключэнні пакта аб ненападзенні сутыкнуліся з 4 перашкодамі. Першай быў Статут Лігі Нацый, які забараняў Польшчы прымаць на сябе абавязкі безумоўнага нейтралітэта. Другая заключалася ў нашым нежаданні дамаўляцца адначасова з Польшчай і іншымі прыбалтыйскімі дзяржавамі. Трэцяя зводзілася да нашага нежадання ўключыць у пакт і Румынію. Чацвёртая цяжкасць была ў нашых адмоўных адносінах да арбітражу. С. Патэк лічыць, што першая перашкода адпадае, калі пакт Келага будзе ўзгоднены з Статутам Лігі Нацый. Што датычыцца другой і трэцяй перашкоды, то яны верагодна, не з'явяцца ўжо перашкодай, бо мы пагадзіліся на адначасовае падпісанне з Польшчай, прыбалтамі і Румыніяй Маскоўскага пратакола. Пытанне ж аб арбітражу здымуць самі палякі, ідучы па прымальнаму для нас шляху ўзгадняльнай працэдуры" [3, с. 504].

У лісце народнага камісара замежных спраў СССР М. М. Літвінава да паўнамоцнага прадстаўніка СССР у Польшчы У. А. Антонава-Аўсеенка ад 30 студзеня 1930 г. адзначалася, што падчас яго сустрэчы з С. Патэкам стала зразумела, што "ніякія змены ў пазіцыі польскага ўраду ў адносінах да СССР не адбылося і што ваша паведамленне аб такіх зменах ён лічыць вынікам вашага аптымізму і па-другое, Польшча як і раней лічыць заключэнне пакта аб ненападзенні празмерным і непатрэбным і, па крайней меры, будзе настойваць інтэгральна на раней выстаўленыя ёю умовы". "У выпадку сапраўднага імкнення з боку Польшчы да радыкальных зменаў усёй яе

палітыкі, адмовы ад мараў Пілсудскага аб стварэнні вялікай Польшчы за кошт Украіны, Беларусі і Літвы і яе гатоўнасці да заключэння пакта аб ненападзенні і расцэньвання намі такога пакта ў якасці сапраўднай гарантыі міра на бліжэйшыя гады – паўстала б пытанне, ці не трэба нам пераглядзець сваю палітыку і ахвяраваць у некаторай ступені нашымі цяперашнімі адносінамі з Германіяй" [3, с. 538–539].

16 снежня 1931 г. адбылася сустрэча прадстаўніка Польшчы ў Маскве С. Патэка і М. М. Літвінава адносна выпрацоўкі праекта дагавора аб ненападзенні. У выніку абмяркоўваўся польская прапанова па ўтварэнні Узгадняльнай камісіі, якая павінна будзе займацца вырашэннем спрэчных пытанняў, якія ўзніклі ў працэсу выканання Рыжскага мірнага дагавора. У сваю чаргу народны камісар замежных спраў СССР выказаўся супраць гэтага варыянта. На думку М. М. Літвінава, яе пасяджэнні не будуць мець канкрэтных вынікаў, як доказ прыводзіцца прыклад працы Змешанай узгадняльнай камісіі па вырашэнні пагранічных інцыдэнтаў, дзе 75 % разгледжаных спраў засталіся без адказу. У сваю чаргу С. Патэк адзначыў, што "у Польшчы маецца шэраг прэтэнзій адносна нібыта невыканання з нашага боку некаторых матэрыяльных пастаноў Рыжскага дагавора. У савецкага боку маюцца прэтэнзіі адносна дапушчэння на тэрыторыі Польшчы дзейнасці ўрада Петлюры і розных белагвардзейскіх арганізацый, маюцца прэтэнзіі за "рэйды" з польскай тэрыторыі. Калі мы і польскі бок перадасць усе гэтыя прэтэнзіі ва ўзгадняльную камісію, то зразумела, што яна не зможа абсалютна нічога зрабіць з імі, яны толькі прывядуць да абвастрэння ў нашых адносінах. Такім чынам падпісваючы пакт аб ненападзенні і ажыццяўляючы крок наперад, мы адначасова прыйдзем да новых і сур'ёзных цяжкасцей, тым самым зробім два крокі назад" [3, с. 640].

У сакрэтным лісце члена Калегіі НКЗС СССР Б. С. Стаманякова да У. А. Антонава-Аўсеенка ад 30 снежня 1930 г. акрэслівалася ўзаемасувязь паміж прапановамі польскага боку па заключэнні пакта аб ненападзенні і станам польска-германскіх адносін. "Словы Залескага не адлюстроўваюць ніякага пералому ў польскай палітыцы ў адносінах да СССР, і што ніякіх сур'ёзных намераў у Пілсудскага ў адносінах да збліжэння з намі і зараз няма. Можа быць размова з польскага боку ідзе аб тым, каб уцягнуць нас у такія несур'ёзныя перагаворы з мэтай, з аднаго боку, аказаць удзеянне на Германію і зрабіць яе больш згаворлівай у адносінах да Польшчы, з другога боку, выклікаць у Германіі недавер да нашых намераў у адносінах да Германіі" [5, s. 353].

У дзённіку сустрэч М. М. Літвінава адносна яго сустрэчы з С. Патэкам 14 лістапада 1931 г. адзначалася, што польскі пасланнік указваў, што “заключаныя Рыжскі дагавор, пакт Келага і Маскоўскі пратакол у дастатковай ступені забяспечваюць мір паміж абодвума краінамі і асаблівай неабходнасці ў чацвёртым пакце няма” [5, s. 590–591]. Тым не менш ён лічыць, што было б карысным заключэнне і пакта аб ненападзенні, калі ён будзе ўключаць новыя моманты. Польскі ўрад цікавіць заключэнне пакта з краінамі па ўсёй лініі ад Фінляндыі да Румыніі уключна.

Нягледзячы на дастаткова скептычную пазіцыю польскага кіраўніцтва, 25 ліпеня 1932 г. быў падпісаны “Дагавор аб ненападзенні” паміж СССР і Польшчай першапачаткова тэрмінам на 3 гады, але ўжо 5 мая 1934 г. працягнуты да 31 снежня 1945 г. [6, с. 607]. Па дагаворы бакі прызнавалі суверэнітэт, узаемныя межы і тэрытарыяльную цэласнасць адзін аднаго. У лісце паверанага ў справах СССР у Польшчы Б. Г. Падольскага намесніку народнага камісара замежных спраў СССР М. М. Крэсцінскага ад 28 ліпеня 1932 г. указвалася, што “амаль уся польская прэса з адухаўленнем адклікнулася на падпісанне пакта, як тут кажуць “Патэк-Крэсцінскага”. Разам з апублікаваннем самога факта падпісання, у цэлым шэрагу артыкулаў размешчаны каментарыі, якія асвятляюць значэнне гэтага акта для Польшчы. Усе прызнаюць значнасць паляпшэння адносін паміж Польшчай і СССР. Аднак гэта не паўсюль аднолькава” [4, с. 22–23].

Савецка-польскія перагаворы па падрыхтоўцы і заключэнні “Дагавора аб ненападзенні” 25 ліпеня 1932 г., якія цягнуліся з 1925 г. па 1932 г., яскрава прадэманстравалі жаданне савецкага кіраўніцтва па выкарыстанні двухбаковых перагавораў у паляпшэнні гандлёва-эканамічных адносін Польшчы і СССР; і польскага кіраўніцтва на захаванні цэласнасці савецка-польскай мяжы. Дзеля дасягнення кампрамісу бакі імкнуліся пэўны час залагоджваць спрэчныя двухбаковыя пытанні (праблема свабоднага культурнага і рэлігійнага развіцця нацыянальных меншасцей, ліквідацыі антысавецкіх элементаў у Польшчы).

Крыніцы і літаратура

1. Dokumenty do historii stosunków polsko-sowieckich 1918–1945 / red. serii M. Wołos. – T. II: 1926–1932. – Cz. 1: Trudne lata (czerwiec 1926 – luty 1929). – Warszawa, 2022. – 950 s.

2. Архіў знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі (АЗП РФ). – Ф. 0122. Воп. 10. П. 125. Спр. 39.

3. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сборник документов в четырех томах / под общ. ред. С. А. Скляров, М. С. Павловой. – М. : Издательство «Аспект Пресс», 2017. – Т. 2: 1926–1932. – 630 с.

4. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сборник документов в четырех томах / под общ. ред. М. М. Наринского, Н. Е. Клейменовой, С. А. Склярова. – М. : Издательство «Аспект Пресс», 2017. – Т. 3: 1932–1939. – 637 с.

5. Dokumenty do historii stosunków polsko-sowieckich 1918–1945 / red. serii M. Wołos. – Warszawa : Centrum Mieroszewskiego, 2022. – 950 s. – T. II: 1926–1932. – Cz. 2: Na drodze ku stabilizacji (luty 1929 – lipiec 1932).

6. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 5: 1926–1932 гг. – М. : Наука, 1967. – 616 с.

УДК 94(476)+94(438)

А. М. Вабішчэвіч
Брэсцкі дзяржаўны
ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна

АДМОВА ЎРАДА ПОЛЬШЧЫ Ў 1934 ГОДЗЕ АД МАЛОГА ВЕРСАЛЬСКАГА ТРАКТАТА І РЭАКЦЫЯ НА ЯЕ

Аўтар паказаў, што заключаны ў Версалі 28 чэрвеня 1919 г. Трактат паміж галоўнымі дзяржавамі-саюзнікамі (ЗША, Вялікабрытаніяй, Францыяй, Італіяй, Японіяй) і Польшчай (Малы Версальскі трактат) не забяспечыў рэальнай абароны правоў нацыянальных меншасцей (у т. л. у Заходняй Беларусі). Звернута ўвага на перадумовы, сутнасць і наступствы адмовы польскага ўрада 13 верасня 1934 г. ад выканання Малога Версальскага трактата. Выяўлена супярэчлівая міжнародная і ўнутрыпалітычная рэакцыя на гэтую акцыю Польшчы. Раскрыта негатыўнае стаўленне заходнебеларускіх нацыянальна-дэмакратычных сіл, камуністаў адносна такіх дзеянняў польскіх улад.

У складзе Польскай дзяржавы ў 1921–1939 гг. правы беларусаў (як і іншых нацыянальных супольнасцей) гарантаваліся не толькі артыкуламі Рыжскага мірнага дагавора ад 18 сакавіка 1921 г., сакавіцкай (1921 г.)

канстытуцыяй Польшчы, але і міжнароднымі абавязацельствамі польскага ўрада, прынятымі ў межах Версальскай сістэмы. Прававыя гарантыі былі прадугледжаны Трактатам паміж галоўнымі дзяржавамі-саюзнікамі (ЗША, Вялікабрытаніяй, Францыяй, Італіяй, Японіяй) і Польшчай, падпісаным у Версалі 28 чэрвеня 1919 г. (больш вядомы як Малы Версальскі трактат ці Дагавор аб абароне нацыянальных меншасцей). Пасля бурнай дыскусіі польскі сейм ратыфікаваў яго 31 ліпеня 1919 г. Трэба ўзгадаць, што ў мірныя дагаворы з Аўстрыяй, Венгрыяй, Балгарыяй і Турцыяй былі ўключаны пэўныя абавязацельствы аб абароне правоў меншасцей.

Малы Версальскі трактат утрымліваў як агульныя палажэнні аб роўнасці ў грамадзянскіх і палітычных правах для ўсіх грамадзян Польшчы незалежна ад іх этнічнага паходжання, мовы і рэлігіі, так і канкрэтныя абавязацельствы: свабоду выкарыстання роднай мовы ў прыватных кантактах, рэлігійным жыцці, друку, у час публічных сходаў (артыкул 7); роўныя правы пры заснаванні і ўтрыманні за свой кошт дабрачынных, рэлігійных, грамадскіх арганізацый, школ і выхаваўчых устаноў, права бесперашкоднага выкарыстання там роднай мовы, свабоднага выканання рэлігійнай практыкі (артыкул 8); спрыяльныя адносіны для навучання дзяцей у пачатковых школах на іх роднай мове ў тых мясцовасцях, дзе пэўная супольнасць была адчувальнай сярод насельніцтва (артыкул 9); увядзенне нацыянальных моў у яўрэйскіх школах праз падкантрольныя дзяржаўным органам школьныя камітэты, прызначаныя яўрэйскімі абшчынамі (артыкул 10) і інш. [1, s. 1938, 1939].

Выкананне ўключаных у трактат абавязацельстваў знаходзілася пад кантролем Лігі Нацый. Аналагічныя дагаворы краіны-пераможцы заключылі таксама з Чэхаславакіяй, Румыніяй, Грэцыяй, Каралеўствам сербаў, харватаў і славенцаў. Вялікія дзяржавы такія дагаворы не падпісвалі. Яны сталі фактычна куратарамі знешняй палітыкі тых дзяржаў, якія падпісалі з імі такія дагаворы аб абароне правоў нацыянальных меншасцей. Германія таксама такі дагавор не падпісвала, хаця неаднаразова падтрымлівала ў Лізе Нацый скаргі нямецкай меншасці Польшчы [2, с. 101].

Малы Версальскі трактат не мог даць поўных гарантый з-за недакладнасцей і неадназначнай трактоўкі асобных палажэнняў: адсутнічала вызначэнне паняцця “нацыянальныя меншасці” (адзначаны толькі меншасці, якія “адрозніваліся ад большасці насельніцтва расай, мовай і рэлігіяй”); не была зафіксавана мінімальная колькасць насельніцтва паводле моўнай прыкметы для адкрыцця іх нацыянальных школ; шматлікія бюракратычныя працэдуры ўскладнялі працэс

пакарання за парушэнні нацыянальна-культурных правоў. Далейшая практыка ўзаемаадносін урадавых колаў еўрапейскіх краін (у тым ліку і Польшчы) са структурамі Лігі Нацый яскрава прадэманстравала, што недасканаласць Версальскай сістэмы не дазволіла наладзіць эфектыўны механізм абароны правоў нацыянальных меншасцей на міжнародным узроўні.

Толькі да 1930 г. у Лігу Нацый было пададзена 155 скаргаў на Польшчу за парушэнне Малога Версальскага трактата [3, с. 75]. Эміграцыйныя структуры БНР у першай палове 1920-х гг. неаднаразова накіроўвалі пратэсты ў Лігу Нацый – супраць падзелу беларускіх зямель у Рызе, аб становішчы ў Беларусі, супраць арганізацыі асадніцтва ў Заходняй Беларусі, супраць прэтэнзій Польшчы на Віленшчыну і Гродзеншчыну і інш. У Лігу Нацый былі накіраваны дакладныя запіскі П. Крэчэўскага аб адмове беларусаў ад супрацоўніцтва з Польшчай (1922 г.), В. Ластоўскага ў справе беларускіх зямель пад Польшчай (1924 г.) і інш. Заходнебеларускія арганізацыі таксама звярталі ўвагу Лігі Нацый на парушэнні правоў беларусаў у Польшчы.

Аднак гэтыя скаргі структур БНР і заходнебеларускіх арганізацый так і не разглядаліся на ўзроўні Рады Лігі Нацый. Праўда, гэта дадавала пэўных клопатаў польскаму ўраду, які павінен быў усяляк апраўдвацца. Так, 15 жніўня 1929 г. паслы і сенатары з Беларускага пасольскага клуба Ф. Ярэміч, П. Каруза, В. Багдановіч, В. Рагуля, А. Стаповіч, К. Юхневіч накіравалі ў Лігу Нацый дакладную запіску (13 старонак машынапіснага тэксту), якая ўключала гістарычна-палітычны нарыс, 4 асобныя раздзелы (“Адміністрацыя і самакіраванне”, “Эканамічнае становішча”, “Асвета”, “Рэлігійныя справы”) [4]. Там былі выкладзены шматлікія факты парушэнняў правоў беларускага насельніцтва. Польскія ўлады вымушаны былі зрабіць Лізе Нацый фармальную адпіску на гэтую скаргу. Пры гэтым называлі запіску “паклёпніцкай”, канфіскавалі яе друкаваную версію [5].

Праблема з Малым Версальскім трактатам лічыцца адной з асноўных (разам з пытаннямі ўрэгулявання адносін з Германіяй з-за Данцыга, з Літвой з-за Вільні, з Чэхаславакіяй з-за Цешынскай Сілезіі) у знешняй палітыцы Польшчы ў пачатку 1930-х гг., асабліва пасля ўступлення на пасаду міністра замежных спраў Юзафа Бэка [2, с. 58]. Калі спачатку Польшча не спяшалася выконваць свае абавязкі па абароне правоў нацыянальных меншасцей, потым не збіралася гэта рабіць, то і лагічнай была афіцыйная адмова ад іх [6, с. 24].

Пачынаючы з 1922 г., з рознай інтэнсіўнасцю ў Лізе Нацый асобнымі дэлегацыямі (у т. л. і Польшчы) неаднаразова ўздымалася пытанне адносна распаўсюджвання абавязацельстваў аб нацыянальных

меншасцях на ўсе краіны, што ў яе ўваходзілі. Гэтая праблематыка набыла асаблівую актуальнасць у 1933 г., калі ў нацысцкай Германіі пачалося гвалтоўнае праследаванне яўрэяў. На XIV сесіі Асамблеі Лігі Нацый у верасні-кастрычніку 1933 г. адбывалася дыскусія на пленарным пасяджэнні і ў VI камісіі. Пастаянны прадстаўнік Польшчы ў Лізе Нацый Э. Рачынскі 3 кастрычніка 1933 г. прапанаваў праект рэзалюцыі аб стварэнні асобнай камісіі па расследаванні, якая падрыхтавала б праект усеагульнай канвенцыі аб абароне нацыянальных меншасцей. З-за адсутнасці адзінства ў Лізе Нацый праект быў адхілены [7, s. 645–646, 648; 8, s. 750; 9, s. 569]. Неўзабаве Германія аказалася па-за міжнародным кантролем. 19 кастрычніка 1933 г. германскі ўрад заявіў аб выхадзе краіны з Лігі Нацый.

10 красавіка 1934 г. той жа Э. Рачынскі накіраваў у Генеральны сакратарыят Лігі Нацый чарговую прапанову. Замест стварэння камісіі па расследаванні прапаноўвалася склікаць міжнародную канферэнцыю ўсіх членаў Лігі Нацый, якая выпрацавала б усеагульную канвенцыю аб абароне нацыянальных меншасцей [10, s. 121–122]. Гэта было зроблена на фоне польска-нямецкага збліжэння пасля заключэння 26 студзеня 1934 г. дэкларацыі аб непрымяненні сілы (дагавора аб ненападзенні) паміж Польшчай і Германіяй. Разгляд польскай прапановы быў вынесены на XV сесію Асамблеі Лігі Нацый восенню 1934 г.

Нарэшце, 13 верасня 1934 г. на пленарным пасяджэнні Асамблеі Лігі Нацый выступіў міністр замежных спраў Польшчы Ю. Бэк, які зазначыў: “Цяперашняя сістэма гарантый правоў меншасцей з боку Лігі Нацый і яе органаў – гэта пачвара, якая паўстала дзякуючы выпадковай гульні сіл і абапіраецца на палітычных парадоксах. Дастаткова зірнуць на сістэму гарантый, што прымяняюцца ў галіне меншасцей у розных краінах, якія падпадаюць пад гэтую гарантыю, каб пераканацца ў поўнай яе нелагічнасці, – адзначаў Ю. Бэк. <…> Існаванне або адсутнасць абавязацельстваў аб меншасцях, іх змест, значэнне і г. д. нельга апраўдваць ні значным становішчам меншасцей дзяржаў, якія ўваходзяць у Лігу Нацый, ні міжнародным становішчам гэтых краін, ні таксама ступенню іх цывілізаванасці <…>. На практыцы аказалася, што прымяненне сучаснай сістэмы зусім не адпавядае мэце і духу дагавора. Меншасці не мелі ніякай рэальнай карысці ад міжнароднай абароны, гэтая сістэма неаднаразова выкарыстоўвалася як інструмент зласлівай прапаганды супраць краін, да якіх яна прымянялася, і, што яшчэ горш, яна выкарыстоўвалася як сродак палітычнага ціску краінамі, якія, хоць і не былі звязаны ніякімі дамовамі ў гэтай галіне, выкарыстоўвалі свае паўнамоцтвы для правядзення кантролю за іншымі краінамі” [11, s. 567]. Паводле Ю. Бэка, пры падачы ў красавіку

1934 г. сваёй прапановы “польскі ўрад хацеў атрымаць адказ на два пытанні: 1) ці пагодзяцца дзяржавы прызнаць неабходнасць заключэння канвенцыі аб абароне меншасцей? 2) ці згодныя яны на скліканне міжнароднай канферэнцыі па гэтай справе? Польскі ўрад будзе чакаць яснага і адназначнага адказу” [11, s. 567–568]. Пасля гэтага і было заяўлена аб адмове ад Малога Версальскага трактата: “Лічу сябе абавязаным заявіць ужо сёння ад імя польскага ўрада, што да часу ўвядзення ў жыццё ўсеагульнай, адзінай сістэмы міжнароднай абароны правоў меншасцей, з сённяшняга дня ён (польскі ўрад – А. В.) не будзе супрацоўнічаць з міжнароднымі органамі ў сферы кантролю за прымяненнем Польшчай прынцыпа справядлівага і роўнага стаўлення да меншасцей” [11, s. 568]. Пры гэтым заверыў аб непарушнасці канстытуцыйных гарантый: “Само сабой зразумела, што рашэнне польскага ўрада ніяк не звязана з рэальнымі інтарэсамі меншасцей. Гэтыя інтарэсы абараняюцца і будуць ахоўвацца канстытуцыяй і іншымі асноўнымі польскімі законамі, якія гарантуюць расавым, моўным і рэлігійным меншасцям поўную свабоду іх культурнага развіцця і роўнае стаўленне” [11, s. 568].

Дзеля заспакаення замежных палітычных колаў і грамадскасці тады ж, 13 верасня 1934 г., пасля таго выступлення з Жэневы быў разасланы ў дыпламатычныя прадстаўніцтвы Польшчы асобны цыркуляр Ю. Бэка: “Паколькі рэальнае становішча меншасцей ніяк не зменіцца, гэтую заяву нельга разглядаць як аднабаковую адмову ад трактата, прынцыпы якога замацаваны ў канстытуцыі Польшчы. Заява не адносіцца таксама да Верхнесілезскай канвенцыі, якая з’яўляецца двухбаковай (маецца на ўвазе адпаведнае польска-германскае пагадненне ад 15 мая 1922 г. – А. В.). Калі ласка, любыя размовы вядзіце ў наступальным духу, абапіраючыся на аргументы, выкладзеныя ў прамове” [11, s. 567–568].

У той жа дзень, 13 верасня 1934 г., французскі дыпламат і публіцыст Обер (Aubert) падчас размовы ў Жэневе з польскім дыпламатам Т. Камарніцкім назваў дзеянне польскага ўрада “тактычнай памылкай”, выказаўся аб тым, што “французы зусім не ведаюць, што рабіць”. “Французскія колы прадбачаць, што наступствам кроку Польшчы будзе яе выхад з Лігі [Нацый], які сусветная думка зразумее як польска-нямецка-японскае збліжэнне”. Польскі суразмоўца ў адказ сказаў, што французская дэлегацыя “найперш павінна супакоіць сваю прэсу і ўстрымаць яе ад інтэпрэтацыі, быццам Польшча хацела такім чынам паказаць сваё цеснае супрацоўніцтва з Германіяй” [11, s. 569].

Ужо на наступны дзень, 14 верасня 1934 г., на пленарным пасяджэнні Асамблеі Лігі Нацый прадстаўнікі вялікіх дзяржаў (міністр

замежных спраў Вялікабрытаніі Дж. Сайман, міністр замежных спраў Францыі Ж.-Л. Барту, італьянскі дыпламат П. Алаізі), як і чакалася, выказалі нязгоду з заявай Ю. Бэка [12, s. 677–679]. Сапраўды, у Заходняй Еўропе (асабліва ў краінах-пераможцах, якія падпісвалі трактат з Польшчай) гэтая заява была ўспрынята негатыўна: як антыверсальская па сваёй накіраванасці, антыфранцузская і г. д. Шматлікія замежныя назіральнікі расцэньвалі гэты крок польскай дыпламатыі ў якасці прагерманскага і антысавецкага [13, с. 174]. Кіраўніцтва Германіі адобрыла жэнеўскую акцыю Ю. Бэка [2, с. 102].

20–21 верасня 1934 г. у VI камісіі Лігі Нацый адбыліся дэбаты па красавіцкай прапанове Польшчы і той заяве Ю. Бэка. Э. Рачынскі ў сваёй прамове прадставіў асноўныя палажэнні і аргументацыю польскага боку [12, s. 679–682; 11, s. 575–578]. У канцы ён зноў паўтарыў словы з заявы свайго начальніка, што польскі ўрад чакае яснага і канчатковага адказу. Вялікія дзяржавы (Вялікабрытанія, Францыя, Італія) зноў не падтрымалі прапанову Польшчы. Паводле польскага эксперта, у іх дэкларацыях былі “надзвычай спакойны і ветлівы тон выступленняў іх прадстаўнікоў, <…> аднадушнае, больш-менш завуаляванае прызнанне правалу цяперашняй сістэмы абароны меншасцей” [12, s. 682]. Французскі дыпламат Р. Масільі перасцерагаў, што “прапанаваная Польшчай міжнародная канферэнцыя выкліча вялізную блытаніну і замяшанне, можа нават пахіснуць самыя асновы Еўропы” [12, s. 684]. Падчас дэбатаў выказваліся як адмоўныя, так і станоўчыя ацэнкі польскай прапановы. Пры адсутнасці адзінадушнай падтрымкі польская дэлегацыя ўжо не настойвала на пастаноўцы прапановы на галасаванне, хоць і прызнавала, што “з усёй рашучасцю прытрымліваецца свайго пункту гледжання” [12, s. 688–689].

Беларускія і расійскія вучоныя адназначна прызнаюць, што перспектыва магчымага выкарыстання СССР (пасля ўступлення ў Лігу Нацый і ўваходжання ў яе Раду) Малога Версальскага трактата супраць Польшчы паскорыла працэс адмовы ад яго [2, с. 101; 13, с. 174; 14, с. 22]. Аднак занепакоенасць польскага ўрада была дарэмнай, бо савецкі ўрад не збіраўся выкарыстоўваць такую магчымасць супрацьстаяння Польшчы, з якой у 1932 г. быў падпісаны дагавор аб ненападзенні. Гэта пацвярджала тое, што кіраўніцтва СССР з пачатку 1930-х гг. выключыла з савецка-польскіх адносін пытанне аб нацыянальных меншасцях, што адмоўна ўплывала б на іх [14, с. 22]. Савецкі бок па дыпламатычных каналах запэўніў польскія ўрадавыя колы, што не збіраецца ўздымаць у Лізе Нацый пытанне аб стане нацыянальных меншасцей у Польшчы, не падтрымлівае пашырэння Малога Версальскага трактата на ўсіх членаў Лігі нацый [2, с. 101].

Адмова польскага ўрада ад Малога Версальскага трактата падавалася прапагандысцкім апаратам Польшчы як пераадоленне краінай свайго нераўнапраўнага міжнароднага статуса [2, с. 102]. Гэтая заява была адразу станоўча ўспрынята ў колах польскіх палітычных і іэалагічных прыхільнікаў рэжыма “санацыі”. “Гістарычная прамова міністра Бэка ў Жэневе”, “Сенсацыйная заява міністра Бэка”, “Польшча скінула ганебную пачвару”, “Канец зневажальнага трактата аб меншасцях!” – такімі і іншымі пахвальнымі загалоўкамі адрэагавалі на гэтую падзею ў польскіх друкаваных СМІ, асабліва правых і кансерватыўных [15, s. 1; 16, s. 1; 17, s. 1; 18, s. 1]. Вось якую ацэнку давалі ёй ужо на наступны дзень на старонках папулярнай віленскай штодзённай газеты “Słowo”: “Дзень 13 верасня 1934 года з’яўляецца гістарычным. Уласна кажучы, у гэты дзень атрымана юрыдычна поўная незалежнасць <…> Польшчы. Бо той жа міжнародны кантроль за стаўленнем Польшчы да яе нацыянальных меншасцей – гэта было штосьці з разраду зневажальных капітуляцый” [15, s. 1]. 14 верасня 1934 г. у Варшаве адбылася маніфестацыя ў падтрымку заявы Ю. Бэка, у якой удзельнічала больш за 30 тыс. чалавек. Падобныя дэманстрацыі наладжваліся і ў іншых польскіх гарадах.

Украінскі, беларускі, літоўскі нацыянальныя рухі, настроеныя супраць рэжыму “санацыі”, успрынялі дзеянне польскага ўрада адмоўна. Нацыянальна-дэмакратычная плынь заходнебеларускага руху негатыўна ацэньвала адмову Польшчы ад Малога Версальскага трактата. У прыватнасці, беларускія хадэкі выклалі сваю пазіцыю на старонках газеты “Беларуская крыніца”. Не маючы ілюзій адносна слабой эфектыўнасці Лігі Нацый, яны выказвалі апасенне, што пасля ўступлення ў яе СССР Польшча, не атрымаўшы міжнароднай падтрымкі сваёй акцыі, па прыкладу Японіі, Германіі і “на злосць Францыі” таксама выйдзе з Лігі Нацый. Пры гэтым заклікалі беларусаў не ўпадаць у адчай: “Гэткая польская палітыка яшчэ толькі лішні раз павучае нас, што абарону сваіх правоў мы павінны правесці самі ўласнымі сіламі, а такжа сіламі супольнымі з народамі ўкраінскім і літоўскім, <…> шукаючы больш адпаведнай абароны сваіх правоў такжа і на арэне міжнароднай” [19, с. 1]. 24 верасня 1934 г. прэзідыум Беларускага нацыянальнага камітэта ў Вільні прызнаў, што заява Ю. Бэка была канстатацыяй фактычнага стану, “які вытварылі дзяржавы ў Лізе Народаў, а польскія ўрады ў сваёй дзяржаве”, калі “патрэбы беларускага народа ў граніцах Польскай дзяржавы <…> не здаволены, не зрэалізаваны і не рэалізуюцца ўнутраныя законы і ўставы”, а гэтая заява “з’яўляецца спробай пазбаўлення беларусаў

у граніцах сучаснай Польшчы нават юрыдычных падставаў бараніць свае правы на міжнародным форуме" [19, с. 2]. Беларускі нацыянальны камітэт запатрабаваў ад польскага ўрада выканання законаў для поўнага задавальнення нацыянальна-культурных правоў беларускага народа і пацвердзіў сваю рашучасць змагацца за іх.

Радыкальную, непрымірымую пазіцыю занялі заходнебеларускія камуністы. У кастрычніку 1934 г. у асобнай адозве ЦК КПЗБ да працоўных Заходняй Беларусі была рашуча асуджана заява Ю. Бэка. "Працоўныя масы і прыгнечаныя народы Польшчы, Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны добра ведаюць, як іх "баранілі" розныя трактаты ды канстытуцыі, – сцвярджалася ў адозве. – Яны, як і ўся імперыялістычная Ліга Народаў, не перашкодзілі ў акупацыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны, у душэнні роднай мовы, у зачыненні беларускіх, украінскіх, літоўскіх ды нямецкіх школ, у прымусовай паланізацыі дзяцей, у разгроме Грамады, у пацыфікацыях і пагромах, у душэнні ТБШ і антысеміцкай траўлі" [20, с. 88]. Абвяшчалася, што адмову ад Малога Версальскага трактата "фашысцкі ўрад выкарыстоўвае для ўзмацнення вялікадзяржаўнага нацыяналізму і завастрэння нацыянальнага ўціску ўсяго акупанцкага рэжыма на Заходняй Беларусі і Заходняй Украіне" [20, с. 89]. "Буржуазія ўсіх нацыянальнасцей прывітала гэты крок фашысцкага ўрада ў Жэневе, яна сее ў масах нацыяналістычную атруту і ілюзіі, што канстытуцыя іх абароніць" [20, с. 89]. Заява Ю. Бэка разглядалася як наўмысная дэманстрацыя супраць уступлення СССР у Лігу Нацый, як падстава для ўзмацнення антысавецкай прапаганды ў Польшчы і за мяжой: "Дамагаючыся адначасна пашырэння трактата аб меншасцях на іншыя краі, фашысцкі ўрад даў буржуазіі ўсіх нацыянальнасцей, іх партыям і газетам, іх слугам у шэрагах працоўных аказію для разгарнення новай хвалі антысавецкай хлусні" [20, с. 89]. "Дасталася" і Віленскаму Беларускаму нацыянальнаму камітэту, які выступіў 24 верасня 1934 г. з пратэстам супраць уступлення Савецкага Саюза ў Лігу Нацый [19, с. 3]: "Подлыя акупанцкія слугі адмаўляюць СССР права на выступленне ад імя беларускага народа" [20, с. 89]. Адозва завяршалася палітычнымі лозунгамі КПЗБ.

У цэлым, заяву міністра замежных спраў Польшчы Ю. Бэка 13 верасня 1934 г. аб адмове польскага ўрада ад выканання міжнародных абавязацельстваў паводле Малога Версальскага трактата 1919 г. трэба разглядаць у якасці своеасаблівага рубяжа ў пераходзе рэжыма "санацыі" да больш радыкальных мер пры ажыццяўленні нацыянальнай палітыкі адносна беларусаў і іншых нацыянальных супольнасцей (акрамя палякаў).

Крыніцы і літаратура

1. Traktat między Głównemi Mocarstwami sprzymierzonemi i stowarzyszonemi a Polską podpisany w Wersalu 28 czerwca 1919 r. ratyfikowany ustawą z dnia 31 lipca 1919 r. // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1920. – № 110. – Poz. 728.

2. Лазько, Р. Р. Перад патопам: еўрапейская палітыка Польшчы (1932–1939 гг.) / Р. Р. Лазько. – Мінск : БДУ, 2000. – 354 с.

3. Цынкевіч, В. М. Пытанне становішча беларускай нацыянальнай меншасці ў Польшчы на міжнароднай арэне ў 1921–1939 гг. / В. М. Цынкевіч // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – Мінск : БДУ, 2002. – № 1. – С. 74–81.

4. Аддзел рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтр. навук. б-кі імя Якуба Коласа Нац. акад. навук Беларусі (АРКіР ЦНБ). – Ф. 4. Воп. 1. Спр. 67.

5. Мэморыял Беларускага Пасольскаго Клюбу ў Лігу Народаў у справе палажэньня Беларускага Народу ў межах Польскай Рэспублікі, пададзены 15 жніўня 1929 году. – Вільня, б. д. – 8 с.

6. Борисёнок, Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX в. / Ю. А. Борисёнок. – М. : Родина МЕДИА, 2013. – 352 с.

7. Problem generalizacji zobowiązań mniejszościowych na XIV Zgromadzeniu Ligi Narodów / W-ski // Sprawy narodowościowe. – 1933. – № 6. – S. 643–650.

8. Liga Narodów: zagadnienie mniejszościowe na XIV sesji Zgromadzenia // Sprawy narodowościowe. – 1933. – № 6. – S. 742–752.

9. Lemański, J. Generalizacja zobowiązań mniejszościowych a Polska / J. Lemański // Sprawy narodowościowe. – 1934. – № 5–6. – S. 527–537.

10. Liga Narodów: wniosek polski w sprawie generalizacji zobowiązań mniejszościowych // Sprawy narodowościowe. – 1934. – № 1. – S. 121–122.

11. Polskie dokumenty dyplomatyczne 1934 / red. S. Żerko ; współpr. P. Długołęcki. – Warszawa : Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2014. – LII, 855 s.

12. Liga Narodów: sprawy mniejszościowe na XV Zgromadzeniu Ligi i 82-ej sesji Rady Ligi (wrzesień 1934 r.) / L. K. // Sprawy narodowościowe. – 1934. – № 5–6. – S. 676–692.

13. Мельтюхов, М. И. 17 сентября 1939: советско-польские конфликты, 1918–1939 / М. И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2009. – 624 с.

14. Мезга, Н. Н. Западная Беларусь в советско-польских отношениях: от Рижского договора до воссоединения с БССР / Н. Н. Мезга // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2019. – № 4. – С. 17–26.
15. Słowo. – 1934. – 14 września.
16. Polonia. – 1934. – 14 września.
17. Drwęca. – 1934. – 18 września.
18. Ewangelik Górnośląski. – 1934. – 30 września.
19. Беларуская крыніца. – 1934. – 25 верасня.
20. Знешняя палітыка Беларусі : зборнік дакументаў і матэрыялаў. – Т. 3 (1928 г. – чэрвень 1941 г.) / склад. : У. М. Міхнюк [і інш.]. – Мінск, 2001. – 321 с.

УДК 94(430)

Б. Л. Хавкин
Российский государственный
гуманитарный университет (Москва)

ГЕРМАНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ И РАЗРЫВ «ОКОВ ВЕРСАЛЯ»

В статье раскрываются последствия разрыва гитлеровской Германией Версальского мирного договора; прослеживается переход от рейхсвера – 100-тысячной профессиональной армии обороны Веймарской республики к вермахту – многомиллионной армии агрессии, созданной в Германии на основе всеобщей воинской повинности. Названы источники формирования вермахта, показана его структура; рассказывается об отношениях между нацистами и немецкой военной элитой, об антигитлеровской фронде некоторых немецких генералов до начала Второй мировой войны. Автор приходит к выводу, что с 1935 по 1939 гг. германская армия, послушная нацистам, готовилась не к защите отечества, а к агрессивной войне за передел мира и господство «высшей» расы. Для большинства офицеров и генералов вермахта «карьера в самом мелком плане, доходы и виды на маршальский жезл стали гораздо важнее, чем общие идеалы и моральные ценности».

Версальский мирный договор 1919 г., навязанный побежденной Германии Англией и Францией – главными победителями в Первой мировой войне, запретил Германии иметь полноценные вооружённые

силы: численность сухопутной армии была ограничена 100 тыс. военнослужащих плюс 15 тыс. военных моряков. Германия лишалась военной авиации, тяжёлой артиллерии, танков. Генеральный штаб подлежал роспуску [1]. На условиях Версаля в 1921 г. в Веймарской республике был создан рейхсвер – силы обороны рейха. Рейхсвер был кадровой профессиональной армией. Каждый солдат умел выполнять не только свои обязанности, но и функции вышестоящего командира, что в свою очередь стало основной предпосылкой быстрого численного роста армии.

В марте 1935 г. нацистская Германия денонсировала Версальский мирный договор и начала открытую подготовку к новой войне. 1 марта 1935 г. были легализованы военно-воздушные силы – люфтваффе. 16 марта 1935 г. был принят «Закон о строительстве вермахта» [2], по которому рейхсвер был переименован в вермахт – вооруженные силы, формируемые на основе всеобщей воинской повинности. В тот же день рейхсминистр пропаганды д-р Йозеф Геббельс торжественно заявил, что правительство Германии отныне не признает военных ограничений Версальского договора – «оковы Версаля» разорваны.

Так началась открытая милитаризация Германии и ее подготовка к большой войне. «Германский вермахт снова станет тем, <…> чем он должен быть: во внутриполитической жизни – национальной школой воспитания боевого духа и любви к Отечеству у нашей молодежи; во внешнеполитической – абсолютно равноправным и сильным стражем и защитником рейха», – заявил 17 марта 1935 г. военный министр генерал-полковник Вернер фон Бломберг [3, с. 380].

17 апреля 1935 г. Совет Лиги наций принял резолюцию о нарушении Германией военных условий Версальского договора. Совет Лиги наций создал очередную комиссию, которая должна была разработать «меры, которые могли бы быть применены в случае, если в дальнейшем какое-либо государство, член или не член Лиги наций, поставило бы мир в опасность путем одностороннего отклонения международных обязательств» [4, с. 158–159]. Но даже столь слабая и нерешительная позиция главной международной организации, созданной для обеспечения мира, была проигнорирована Германией: еще 19 октября 1933 г. германское правительство объявило о выходе страны из Лиги наций.

21 мая 1935 г. в Германии был принят закон «Об обороне», определявший призывной контингент, сроки службы в вермахте, обязанности и права военнослужащих. Военнообязанными стали все мужчины в возрасте от 18 до 45 лет. Срок военной службы был установлен в 1 год (с 1936 г. – 2 года). Лица, отбывшие воинскую повинность, до достижения 45 лет зачислялись в резерв. Евреи из «почетной службы немецкому народу» исключались [5].

Однако вооруженные силы были традиционным институтом германской государственности, носителем консервативных имперских традиций, звеном, связующим Второй и Третий рейх, но отнюдь не орудием нацистской партии с ее идеологией расизма и экстремального антисемитизма.

Генералов, придерживавшихся правила, сформулированного министром рейхсвера генералом Вильгельмом Грёнером в циркуляре от 6 октября 1930 г.: «рейхсвер стоит превыше всех партий и служит одному государству», – пугал политический авантюризм нацистов. Своей политикой Гитлер провоцировал конфликты с соседями Германии, прежде всего с Францией и Чехословакией, к которым германская армия была еще не готова. В этой связи генерал Карл-Генрих фон Штюльпнагель писал генералу Людвигу Беку: «Несомненно, мы можем держать мир в волнении еще некоторое время, но в один прекрасный день с мира будет достаточно, и он призовет нас к порядку» [6, с. 361–362, 200–201].

Генералы-аристократы считали Гитлера плебеем, парвеню, выскочкой, демагогом и митинговым популистом. Рейхспрезидент Веймарской республики генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург за глаза называл Гитлера «богемским ефрейтором» и долго не мог запомнить его имя. Среди военных высказывалось мнение, что Гитлер не был способен командовать: как отмечал бывший командир Гитлера в Первую мировую войну начальник штаба 16-го пехотного полка капитан Фриц Видеман, ефрейтор Гитлер, служивший в штабе полка в должности посыльного, был начисто лишен командирских качеств.

Несмотря на то, что «немецкий путь» армии во многом совпадал с курсом нацистов (разрыв «оков Версаля», перевооружение армии, реванш за поражение в Первой мировой войне), германское высшее военное руководство зачастую было настроено против Гитлера и его партии: люмпенски-хвастливые манеры национал-социалистов не нравились многим консервативным офицерам. В первую очередь неприязнь консерваторов относилась к СА – штурмовым отрядам нацистской партии, которые претендовали на то, чтобы стать армией национал-социалистического государства. Для командования вооруженных сил, считавшего себя единственным гарантом германской государственности, это было дерзким незаконным притязанием. Ситуация, при которой выскочки и самозванцы из штурмовых отрядов будут заправлять «народным войском», претила сословному чувству германских генералов, привыкших быть в армии «среди своих». Генералы не могли допустить, чтобы рейхсвер попал под контроль «казнокрадов, хулиганов и пьяниц» из СА [7, с. 196]. По словам будущего генерал-фельдмаршала Вальтера

фон Браухича, создание армии «было слишком серьезным и сложным делом, чтобы можно было терпеть участие в нем воров, пьяниц и гомосексуалистов» [8, с. 130].

В стремлении «приструнить» СА совпадали интересы командования рейхсвера и Гитлера, который был в достаточной степени реалистом, чтобы увидеть, что рейхсвер как инструмент власти был для него полезнее, чем СА. 30 июня 1934 г., в «ночь длинных ножей», рейхсвер участвовал в подавлении «путча Рема» и тем самым стал соучастником убийств, жертвами которых пали многие противники Гитлера, в частности последний канцлер Веймарской республики генерал Курт фон Шлейхер и министр обороны в кабинете Шлейхера генерал Фердинанд фон Бредов.

Шлейхер был застрелен у себя дома вместе со своей женой Элизабет; трупы обнаружила их 16-летняя дочь. Как рассказывала потом повариха, она привела в кабинет Шлейхера двух мужчин в штатском. Один из них спросил: «Вы генерал фон Шлейхер?» Услышав утвердительный ответ, они выстрелили: сначала – в фон Шлейхера, затем – в его жену, выбежавшую на звук выстрелов. Гитлер подозревал Шлейхера в попытках реставрации династии Гогенцоллернов. Версия о связи между Шлейхером и Ремом даже не рассматривалась ввиду очевидной нелепости: Шлейхер испытывал такую сильную неприязнь к Рему, что даже не пытался скрывать этого.

Домой к Бредову ворвалась группа людей, выволокла генерала на улицу и затолкала в припаркованный рядом с домом полицейский фургон. Там его убили. Тело Бредова сбросили в придорожную канаву. Бредов, ближайший соратник Шлейхера и многолетний глава абвера (военной разведки и контрразведки) был носителем секретной информации, которая в случае публикации могла представлять опасность для Гитлера.

Когда убивали генералов Шлейхера и Бредова, рейхсвер оставался спокойным; это сделало его руководителей сообщниками неправового нацистского государства. После волны убийств в «ночь длинных ножей» немецкий юрист, специалист по государственному праву Карл Шмитт сказал: «Фюрер защищает право» [9, с. 172]. Тем самым произвол диктатора был возведен в степень высшего закона. Это было оскорблением, нанесенным чести германского офицерства. Но вермахт оставил его без ответа.

Следующей «пощечиной», которую Гитлер нанес генералам, было официальное соединение после смерти Гинденбурга в 1934 г. государственного и партийного титулов, причем партийный был поставлен

впереди государственного: «фюрер и рейхсканцлер». По закону «О главе государства Германского рейха» были объединены посты президента и канцлера, а Гитлер стал единоличным правителем Германии.

По закону «О приведении к присяге государственных служащих и солдат вооруженных сил» от 20 августа 1934 г. чиновники и солдаты отныне присягали на верность не Родине, не Конституции, а лично Адольфу Гитлеру. Текст присяги был по-военному краток: «Клянусь хранить верность и послушание фюреру Германского рейха и народа Адольфу Гитлеру, соблюдать законы и добросовестно выполнять свои служебные обязанности, да поможет мне Бог» [3, с. 325]. Таким образом «фюрер и рейхсканцлер» получил всю полноту власти. В нацистской Германии окончательно победил «принцип фюрерства»: «Один народ, одно государство, один вождь».

Весной 1935 г. была введена новая структура германских вооруженных сил. Верховным главнокомандующим был объявлен Гитлер; военным министром – Бломберг. Им подчинялись три вида вооруженных сил: сухопутные силы (главнокомандующий генерал-полковник Вернер фон Фрич); военно-морской флот – кригсмарине (главнокомандующий гросс-адмирал Эрих Редер); люфтваффе (главнокомандующий генерал-полковник Герман Геринг).

С весны 1935 г. ускоренными темпами шло создание и вооружение вермахта – массовой призывной армии. К октябрю 1935 г. были сформированы первые танковые дивизии. В генштабе также кипела работа: разрабатывались уставы, инструкции, военные планы. Вновь открылась военная академия. К концу 1935 г. 27 новых дивизий были поставлены в строй.

К 1 сентября 1939 г. были сформированы 12 армейских корпусов из 38 дивизий. Общая численность вермахта составляла 3 млн. 214 тыс. солдат и офицеров. На 22 июня 1941 г. общая численность вермахта возросла до 7 млн. 234 тыс. чел. (с 1935 по 1945 годы через вермахт прошли 17 млн. 893 тыс. чел.) [10, с. 718].

Создание массовой армии открывало головокружительные перспективы как перед генеральским, так и перед офицерским составом бывшего рейхсвера. Развертывание вооруженных сил создавало резкую нехватку подготовленных командных кадров. В этих условиях опытные офицеры ценились на вес золота. Повышения и выдвижения происходили непрерывно. Засидевшиеся в чинах в веймарские времена капитаны и майоры делали в вермахте головокружительную карьеру, становясь за год-два генералами. Их признательность Гитлеру, который совершил для них это «чудо», было нетрудно себе представить. Впоследствии, говоря о позиции германских вооруженных сил

в первые годы гитлеровского режима, генерал Бломберг признавал: «Немецкие генералы не были настроены против Гитлера. Ведь он обеспечил им успехи, которых они желали» [11, s. 55].

Базой для формирования в нацистской Германии современной массовой армии служил не только рейхсвер, но и полиция, значительная часть которой находилась на казарменном положении. Организованная по армейскому принципу, она проходила регулярную боевую подготовку. Из полиции было взято около 2500 офицеров для вермахта. Вермахт пополнялся за счет кадров различных военизированных организаций, примыкавших к нацистской партии: СА, «Гитлерюгенда» (молодежь Гитлера), национал-социалистских автомобильного и авиационного корпусов, спортивных обществ.

Задачи нацистских молодежных организаций Гитлер объяснил на имперском съезде партии в Нюрнберге в 1935 г.: «Мальчик идет в “Юнгфольк” (молодой народ), подросток – в «Гитлерюгенд», затем он вступает в СА, в СС или другие формирования, члены СА и СС затем призываются на трудовую службу, в этих организациях молодой человек созревает и становится солдатом народа». Один из руководителей «Гитлерюгенда» заявлял: «С течением лет мы хотим добиться того, чтобы немецкий мальчик так же уверенно обращался с оружием, как с пером» [12, с. 249–304]. Построенная по военному образцу, нацистская молодежная организация имела свои части и подразделения, члены ее носили униформу, имели ранги и звания, обучались стрелковому делу под руководством офицеров-инструкторов. По «Закону о Гитлерюгенде» (1936 г.) вся немецкая молодежь должна была «воспитываться физически, умственно и духовно в духе национал-социализма». С 1940 г. членство в «Гитлерюгенде» было для молодых немцев обязательным [13, с. 234].

Несмотря на пополнение вооруженных сил молодыми нацистами, прошедшими школу «Гитлерюгенда», традиционные консервативные морально-нравственные ценности в армии в целом оставались христианскими: вермахт оставался армией христианской страны; сохранялся институт военных священников – католиков и протестантов. Гитлер говорил, что армия у него все еще христианская, военно-морской флот – кайзеровский, и лишь люфтваффе – национал-социалистические. С созданием вермахта встала задача нацификации германской армии.

Расовые аспекты не играли для традиционно мыслящих немецких военных такой роли, как для нацистов. Германский офицерский корпус считал гораздо более важной задачей, чем преследование евреев,

сохранение своего социального статуса и влияния в качестве военно-политической силы, обеспечивающей выполнение государственных внешнеполитических задач.

Лучшие консервативные прусско-германские военные традиции были основаны на принципах корпоративности, офицерской чести, боевого товарищества, доверия и ответственности: «ответственность в обмен на доверие, доверие в обмен на ответственность». Прусские аристократы имели свое, отличавшееся от нацистского, понимание пруссачества. «От истинного пруссачества неотделимо понятие свободы. Истинное пруссачество означает синтез привязанности и свободы, гордости за собственное и понимания чужого, суровости и сочувствия. Вне такой связи существует опасность погрязнуть в бездушной солдатчине и черствой несговорчивости», – учил своих сыновей потомственный прусско-германский военный, участник антигитлеровского заговора генерал Хеннинг фон Тресков. Авантюристическую политику Гитлера Тресков считал «политикой в стиле Дикого Запада» [14, с. 169].

Нацисты же рассматривали пруссачество как абсолютную власть, передаваемую по военно-государственной вертикали сверху вниз при безусловной ответственности снизу вверх, народное единство на основе принадлежности к «высшей» расе, принцип «фюрерства», основанную на нем строгую иерархию и военную муштру. Ценностные ориентации германского офицерства и нацистов, при всей их близости, не совпадали, что в дальнейшем привело к появлению оппозиционных настроений среди военнослужащих вермахта.

5 марта 1937 г. началась новая фаза в отношениях между вермахтом и Гитлером: на совещании в имперской канцелярии Гитлер сообщил командованию вермахта о своем решении напасть на Чехословакию под предлогом защиты Судетских немцев. Военный министр Бломберг, как и главком сухопутных сил Фрич, отнеслись к этому намерению Гитлера весьма настороженно. Вермахт по технической оснащенности уступал армии Чехословакии, а если бы в конфликт вмешалась союзная Чехословакии Франция, сухопутная армия которой считалась лучшей в мире, то поражение Германии представлялось немецким генералам неизбежным.

Вскоре над Бломбергом и Фричем, осмелившимися перечить Гитлеру, сгустились тучи: в январе 1938 г. Бломберг был обвинен в том, что его жена была проституткой. Гитлер потребовал от Бломберга немедленного развода с женой. Генерал отказался. Разразился громкий скандал. Гитлер отстранил военного министра от дел. Генерал Фрич был также скомпрометирован: Гитлеру был представлен материал

скрытого полицейского наблюдения, якобы свидетельствующий о склонности Фрича к гомосексуализму. Гитлер, поддерживавший на протяжении более 10 лет самые дружеские отношения с гомосексуалистом Ремом, разыграл бурное возмущение. 4 февраля 1938 г. Фрич был отправлен в отставку. Однако офицерский суд чести оправдал Фрича; он был восстановлен в армии в должности почётного шефа 12-го артиллерийского полка.

«Этот человек – судьба Германии как в добром, так и в злом, – говорил Фрич о Гитлере. – Если он теперь свалится в пропасть, он увлечет за собой всех нас. Сделать ничего нельзя» [15, s. 142]. Во время нападения Германии на Польшу Фрич специально искал смерти на поле битвы – он погиб в бою под Варшавой 22 сентября 1939 г., пожертвовав жизнью ради офицерской чести.

В 1938–1939 гг. фронда консервативных противников Гитлера стала преобразовываться в движение Сопротивления, в котором приняли участие некоторые германские политики и военачальники. Британский политический деятель Уинстон Черчилль в своих воспоминаниях подтверждает, что в 1938 г., перед нападением на Чехословакию, был заговор против Гитлера, в котором участвовали «генералы Гальдер, Бек, Штюльпнагель, Вицлебен (командующий берлинским гарнизоном), Томас (заведующий вооружением), Брокдорф (командующий потсдамским гарнизоном) и граф Гельдорф, стоявший во главе берлинской полиции. Главнокомандующий генерал фон Браухич был осведомлен и одобрил» [16, с. 66–67]. Напомним, что летом 1938 г. Бек покинул свой пост начальника Генштаба сухопутных сил в знак протеста против агрессивных планов Гитлера в отношении Чехословакии, а Гальдер стал преемником Бека на этом посту; генерал Штюльпнагель был оберквартирмейстером (заместителем начальника) Генштаба. Заговорщики собирались свергнуть Гитлера 14 сентября 1938 г. в 8 часов вечера. Танковая дивизия генерала Гёпнера должна была войти в Берлин и занять узловые пункты города. «Планировалось, – рассказывал Гальдер, – занять силами войск рейхсканцелярию и те правительственные учреждения, в частности министерства, которыми руководили нацисты и сторонники Гитлера» [17, с. 448]. Гитлера намечалось захватить живым, судить Народным трибуналом, затем, признав душевнобольным, отправить в сумасшедший дом. Заговорщики пытались заручиться поддержкой Лондона. Однако британский премьер-министр Невилл Чемберлен трижды летал в Германию на переговоры с Гитлером, что нарушало планы заговорщиков. Поэтому реализация «Берлинского путча» была сначала отложена, а потом, как стало известно, что Чемберлен вылетает в Мюнхен для подписания соглашения с Гитлером, и вовсе отменена. 29 сентября 1938 г. состоялся «Мюнхенский сговор».

Таким образом, Англия и Франция в 1938 г. не только отдали Гитлеру часть Чехословакии, но и спасли его самого. Однако о подготовке свержения Гитлера никто из генералов не проговорился: Гитлер о заговоре не узнал, а генералы стали искать другого случая «устранения» своего фюрера и Верховного главнокомандующего. Во главе заговорщиков стояли генерал-полковники Людвиг Бек, Курт фон Хаммерштейн, Франц Гальдер, а также шеф военной разведки (абвера) адмирал Вильгельм Канарис и начальник штаба абвера и заместитель Канариса полковник Ханс Остер. Причем «крышей» заговора служил абвер.

4 февраля 1938 г. было ликвидировано Военное министерство и создано Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) во главе с Гитлером. Начальником штаба ОКВ был назначен генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, прозванный армии за свою лакейскую преданность Гитлеру «Лакейтель». Кейтель занимал эту должность в течение всего существования ОКВ – до мая 1945 г.

С 1938 по 1941 гг. Верховное командование сухопутных сил (ОКХ) находилось в подчинении ОКВ. В эти годы ОКХ возглавлял генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич. После провала германского наступления на Москву Браухич был смещен с должности; ОКХ было подчинено непосредственно Гитлеру.

Таким образом, с 1935 по 1939 гг. германская армия, послушная нацистам, готовилась не к защите отечества, а к агрессивной войне за господство «арийской» расы. Для большинства офицеров и генералов вермахта, как подчеркивал участник антигитлеровского заговора Ульрих фон Хассель, «карьера в самом мелком плане, доходы и виды на маршальский жезл стали гораздо важнее, чем общие идеалы и моральные ценности».

К началу Второй мировой войны Гитлер сосредоточил в своих руках всю полноту власти над принятием военно-политических и военных решений. До Гитлера, чтобы стать Верховным главнокомандующим вооруженными силами Германии, надо было годами учиться военному делу, обладать качествами стратега, сделать успешную военную карьеру, иметь солидный опыт командования воинскими объединениями, а главное – принадлежать к военной элите рейха. Ничего этого у Гитлера не было, но в его руках была абсолютная власть над страной и армией. В 1939 г. Гитлер вверг Германию в мировую войну, которая закончилась в 1945 г. безоговорочной капитуляцией и расформированием германских вооруженных сил, разделом территории Германии на оккупационные зоны.

Источники и литература

1. Мирный договор между Союзными и Объединившимися державами и Германией (Версальский мирный договор) 28 июня 1919 г. // Документы международных отношений (1917–1945 гг.). – М. : МГІМО, 1999. – 148 с.

2. Gesetz für den Aufbau der Wehrmacht (16.03.1935), in: documentArchiv.de [Hrsg.], URL: http://www.documentArchiv.de/ns/1935/wehrmacht_ges.html, Stand: 08.04.2025.

3. История Германии: учебное пособие: в 3 тт. / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – М. : КДУ, 2008. – Т. 3: Документы и материалы. – 592 с.

4. Мир между войнами: Избранные документы по истории международных отношений 1910–1940-х годов. – М. : [Б. и.], 1997. – 264 с.

5. Хавкин, Б. Л. Германские консервативные элиты и антигитлеровская фронда / Б. Л. Хавкин // Исторические исследования. –2016. – № 5. – С. 133–161.

6. Деметр, К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве, 1650–1945 / К. Деметр. – М., 2007. С. 361–362, 200–201.

7. Патрушев, А. И. Германия в XX веке / А. И. Патрушев. – М. : Дрофа, 2004. – 432 с.

8. Галкин, А. А. Германский фашизм / А. А. Галкин. – М. : Наука, 1989. – 356 с.

9. Шульце, Х. Краткая история Германии / Х. Шульце. – М. : Издательство «Весь Мир», 2004. – 256 с.

10. Мюллер-Гиллебранд, Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. – М. : Издательство «Изографус», 2002. – 855 с.

11. Dulles, A. Verschwörung in Deutschland / A. Dulles. – Kassel : Harriet Schleber Verlag, 1949. – 256 s.

12. Нюрнбергский процесс : сборник материалов / [под ред. К. П. Горшенина (гл. ред.) и др.] : в 2 т. – Москва : Госиздат, 1951–1952. – Т. 2: Нюрнбергский процесс. – М. : Госиздат, 1951. – 608 с.

13. Васильченко, А. В. История Гитлерюгенда / А. В. Васильченко. М. : Яуза-Пресс, 2010. – 320 с.

14. Хавкин, Б. Л. Сопротивление в рядах вермахта на Восточном фронте и генерал Х. фон Тресков / Б. Л. Хавкин // Новая и новейшая история. – 2013. – № 1. – С. 157–175.

15. Buchheit, G. Soldatentum und Rebellion : Die Tragödie der deutschen. Rastatt / G. Buchheit – Baden : Published by Rastatt Grotte, 1961. – 509 s.

16. Хавкин, Б. Л. Провал операции «Валькирия» / Б. Л. Хавкин // Военная мысль. – 2004. – № 7. – С. 65–76.

17. Ширер, У. Взлет и падение третьего рейха / У. Ширер. М. : Изд-во Эксмо, 1991. – Т. 1. – 467 с.

УДК 94:327((47+57):430)«1922–1933»

С. Н. Рожкова
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПЕРИОД РАПАЛЛО В ОТРАЖЕНИИ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматривается взаимодействие РСФСР / СССР и Германии в сфере культуры в 1922–1933 гг. Установлено, что белорусские историки выявили как успехи в сотрудничестве двух государств в указанной сфере, так и возникавшие проблемы. Белорусские исследователи отмечают значительную роль БССР в советско-германском культурном взаимодействии.

В современной белорусской историографии значительное внимание уделяется изучению культурного сотрудничества между Советской Россией и Германией в период Рапалло. В. А. Космач, один из ключевых исследователей этой темы, выделяет три этапа научно-технического и культурного взаимодействия между СССР и Германией в Веймарский период. Первый этап (1922–1926 гг.) характеризовался установлением культурных связей. На втором этапе (1926–1929 гг.) научное сотрудничество достигло пика интенсивности. Третий этап (1929–1932 гг.) ознаменовался постепенным снижением активности культурного взаимодействия из-за усиления антисоветских настроений в Германии [1, с. 145].

В. А. Космач отмечает, что Германию к сотрудничеству с СССР подталкивали несколько факторов. Во-первых, духовная изоляция Германии на Западе способствовала её ориентации на Восток, что стимулировало активное взаимодействие с Советской Россией в науке и культуре. Во-вторых, в 1920-х – начале 1930-х годов наблюдалось интенсивное военно-техническое и научное сотрудничество между двумя странами. Третий фактор был связан с работой Германии с

немецкой диаспорой за рубежом. В. А. Космач подчёркивает, что Германия активно использовала культурный экспорт как инструмент для укрепления своих позиций на международной арене и создания «духовного барьера» против распространения идей мировой пролетарской революции и большевистской культуры [2, с. 56, 57].

Научно-технические связи между СССР и Германией достигли наибольшего развития в 1922–1932 годах, отмечает В. А. Космач. Совместные исследования проводились практически во всех областях науки, осуществлялся обмен научной информацией и специалистами. Основными формами сотрудничества были участие в выставках, книгообмен, совместные эксперименты и экспедиции, а также проведение научных мероприятий [1, с. 144].

Схожую точку зрения высказывает Д. А. Кривошей, изучавший внешнюю культурную политику европейских стран в межвоенный период. Он отмечает, что в Германии в начале 1920-х годов был создан отдел по работе с немцами за границей и культурным вопросам, который занимался миграцией, образованием, искусством и научным обменом. Советское руководство также активно развивало культурные связи, создав в 1922 году комитет по организации художественных выставок и поездок артистов за рубеж [3, с. 115]. Важную роль в реализации культурной политики Германии играли научные общества, такие как общество изучения Восточной Европы, которое занималось исследованиями в области истории, экономики, права и культуры. Члены общества публиковали работы, посвящённые достижениям советской и немецкой науки [1, с. 20, 22].

Белорусские историки пришли к выводу, что в 1920–1930-х годах Германия проводила активную внешнюю культурную политику в отношении СССР, чему способствовало подписание Рапалльского договора. Изоляция Германии на Западе стимулировала её сотрудничество с Советским Союзом.

Белорусские историки постсоветского периода акцентируют внимание на том, что советско-германские отношения в период Рапалло были непростыми. В. А. Космач указывает на противоречия в экономическом сотрудничестве, вызванные требованиями немецких предпринимателей отменить монополию внешней торговли в СССР. Советское руководство, в свою очередь, оказывало идеологическое давление на Запад, что осложняло советско-германское взаимодействие. Немецкие правящие круги также вели идеологическую борьбу против СССР, обвиняя большевиков в подготовке революции в Германии [4, с. 114].

Д. А. Мигун, П. С. Романович, Д. В. Романовский отмечают, что согласно советско-германскому соглашению от 5 ноября 1922 года,

Рапалльский договор распространялся на союзные республики РСФСР, что привело де-юре к признанию БССР правительством Германии [5, с. 24; 6, с. 145; 7, с. 55]. Это признание открыло новые возможности для экономического и культурного сотрудничества. А. А. Осмоловский подчеркивает, что Дополнительный договор от 5 ноября 1922 года предоставил БССР перспективы ускоренного экономического развития благодаря нормализации торговых отношений с Германией [8, с. 443, 444]. В. А. Космач, А. В. Тихомиров и Д. А. Мигун отмечают, что БССР получила право создавать свои торговые бюро в Германии, а её граждане были уравнены с гражданами РСФСР в части защиты прав в Германии [2, с. 65; 9, с. 42, 43; 5, с. 97].

Несмотря на юридическое признание БССР, Д. А. Мигун, В. Е. Снапковский указывают, что в 1920-е годы республика не смогла в полной мере расширить своё сотрудничество с Германией, так как все внешнеполитические решения контролировались Наркоматом иностранных дел СССР [5, с. 90; 10, с. 67].

В. А. Космач выделяет несколько направлений сотрудничества между Советской Беларусью и Германией. Во-первых, это экономическое сотрудничество с государственными и негосударственными организациями. Во-вторых, научные контакты с учеными, не поддерживающими коммунистическую идеологию. В-третьих, поддержка белорусизации и активности белорусской национально-культурной интеллигенции, включая белорусскую эмиграцию в Германии. В-четвертых, интерес к развитию научных исследований и художественного творчества в Беларуси [2, с. 124].

В. И. Ермалович отмечает, что белорусско-немецкое экономическое сотрудничество началось осенью 1921 года с переговоров о поставках необходимых товаров. В 1920-е годы импорт из Германии составлял 15,2 % от общего объема импортных приобретений БССР, а к концу 1920-х годов экспорт в Германию вырос до 65 % [11, с. 47]. Д. В. Романовский и В. А. Космач подчеркивают успешность белорусско-германского экономического сотрудничества, основанного на Рапалльском договоре, и отмечают, что открытие торгового представительства Белвнешторга в Берлине произошло до подписания Рапалльского договора [7, с. 65, 1, с. 37].

В. А. Космач выделяет значительный вклад Советской Беларуси в советско-германское культурное сотрудничество. Общество культурной связи Советской Беларуси с заграницей, созданное при ВОКС, способствовало распространению немецкой литературы в Беларуси. В немецкой прессе начали появляться статьи о белорусском искусстве,

театре и музыке [2, с. 110–111]. Д. А. Мигун также положительно оценивает развитие культурных и научных связей, считая их активными и плодотворными в 1920-е годы [5, с. 84].

Белорусские историки отмечают активное издание белорусской литературы в Германии, включая произведения таких авторов, как Я. Купала и М. Богданович. В Берлине были напечатаны на белорусском языке различные учебные и научные издания [1, с. 78–79; 11, с. 127; 5, с. 204]. И. А. Сараковик указывает на обмен научной литературой между Беларусью и Германией, в том числе отправку «Трудов БГУ» и получение изданий на немецком языке [12, с. 213, 214]. В. А. Космач подчеркивает, что белорусский кинематограф также способствовал развитию культурных связей, включая экспорт и импорт кинофильмов, а также закупку киноаппаратуры в Германии.

В начале 1930-х годов сопротивление советскому культурному экспорту в Германию возросло, что свидетельствовало о смене внешнеполитической ориентации Веймарской республики. В. А. Космач отмечает, что развитие культурных связей сдерживалось жесткой регламентацией со стороны советских властей, что усложняло процесс духовного сближения двух народов [1, с. 117; 2, с. 165].

Таким образом, современные белорусские историки пришли к выводу, что подписание Дополнительного договора 5 ноября 1922 года, который распространял действие Рапалльского договора на другие советские республики, включая БССР, оказало положительное влияние на немецко-белорусское сотрудничество. В целом, в 1920-е годы между Германией и БССР наблюдалось активное экономическое и культурное сотрудничество.

Источники и литература

1. Космач, В. А. До и после Рапалло: Советская Россия и СССР во внешней культурной политике Германии (1917–1932 гг.): монография / В. А. Космач; УО «ВГУ им. П. М. Машерова». – Витебск : ВГУ, 2003. – 178 с.

2. Космач, В. А. Внешняя культурная политика Веймарской Германии в политической жизни страны и на международной арене (1919–1932 гг.): монография / В. А. Космач. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2006. – 390 с.

3. Крывашэй, Д. А. Інстытуцыяналізацыя знешняй культурнай палітыкі краін Еўропы ў міжваенны час (1919–1939 гг.) / Д. А. Крывашэй // От Версаля и Веймара до образования двух Германий

(ФРГ и ГДР), 1919–1949 гг.: актуальные вопросы исторической германистики, отечественной и всеобщей истории, геополитики и истории международных отношений, социально-гуманитарных наук и права: материалы Международ. науч. конф., Витебск, 3–4 октября 2019 г. / ВГПУ им. П. М. Машерова; редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2019. – С. 115–117.

4. Космач, В. А. Внешнеполитический курс Германии во второй половине 1922–1923 гг. Обострение германо-польских отношений. Сближение и враждебность с Москвой / В. А. Космач // История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты: материалы Международ. науч. конф. / редкол. В. А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : МИТСО, 2009. – С. 114–124.

5. Мигун, Д. А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д. А. Мигун. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2013. – 303 с.

6. Рамановіч, П. С. Тэрыторыя і палітычна-прававы статус ССРБ у 1919–1922 / П. С. Рамановіч // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця : матэрыялы Рэспубл. навук. канф., 3–4 мая 2002 г., Гродна : у 4 ч. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі, БДУ, ГрДУ імя Я. Купалы ; [пад. рэд. І. П. Крэня і інш.]. – Гродна : ГрДУ імя Я. Купалы, 2003. – Ч. 4. – С. 145–148.

7. Романовский, Д. «Белорусский вопрос» во внешней политике Веймарской Германии : деятельность IV отдела министерства иностранных дел – секция «Weissruthenien» / Д. Романовский // Белорусско-германско-российская международная научная конференция «Актуальные проблемы германской, российской и белорусской истории и культуры в контексте развития цивилизаций и мировой геополитики в XX веке» и «круглый стол» «Беларусь и Германия в истории европейской дипломатии и мировой политики XX века: опыт и уроки для современности», 6–7 июня 2013 года : сб. материалов / [редкол.: В. А. Космач (отв. ред.) и др.]. – Витебск : МИТСО, 2013. – С. 53–58.

8. Осмоловский, А. А. Значение ратификации Рапалльского договора для БССР в военной сфере / А. А. Осмоловский // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XVI (63) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, 16–17 марта 2011 г. – Витебск : ВГУ, 2011. – Т. 1 / [редкол.: А. П. Солодков (гл. ред.) и др.]. – С. 442–444.

9. Тихомиров, А. В. Проблемы белорусско-германских отношений в 1914–1922 гг. / А. В. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2002. – № 4. – С. 36–44.

10. Снапкоўскі, У. Е. Аб пашырэнні Рапальскага дагавора паміж РСФСР і Германіяй на іншыя савецкія рэспублікі / У. Е. Снапкоўскі // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: [зб. навук. артыкулаў] / МДЛУ, Ін-т гісторыі НАН Беларусі ; [рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) і інш.]. – Вып. 7: Матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 25 красавіка 2008 г. – Мінск : МДЛУ, 2009. – С. 65–70.

11. Ермаловіч, В. З гісторыі беларуска-нямецкага грамадскага супрацоўніцтва ў 20-х гадах XX ст. / В. Ермаловіч // Беларуска-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне: гісторыя, сучаснасць, перспектывы: матэрыялы міжнарод. “круглага стала”, (29–30 красавіка 1996 г.) / [рэдкал.: А. Мальдзіс (адк. рэд.) і інш.]. – Мінск : Нац. навукова-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны, 1996. – С. 46–50.

12. Саракавік, І. А. Беларуска-германскія навуковыя сувязі (1920-е – 1930-е гг.) / І. А. Саракавік // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: [зб. навук. артыкулаў] / МДЛУ, Ін-т гісторыі НАН Беларусі; [рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) і інш.]. – Мінск, 2017. – Вып. 15: матэрыялы Міжнарод. навук. канф., Мінск, 8 красавіка 2016 г. – Мінск : МДЛУ, 2016. – С. 212–216.

УДК 930(476)«20»:94:327((47+57):430)«1933-1938»

С. Н. Рожкова
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1933–1938 ГОДОВ В БЕЛОРУССКОЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматривается белорусская постсоветская историография советско-германских отношений в период с 1933 по 1938 годы. Автор установила ключевые положения и выводы, сделанные белорусскими историками в постсоветский период, касающиеся изменений в этих отношениях после прихода Гитлера к власти. В статье дана оценка научной обоснованности выводов белорусских историков, показано, что их исследования помогают глубже понять сложность и многогранность советско-германских отношений в указанный период.

Белорусские ученые продолжают активно исследовать советско-германские отношения в период с 1933 по 1938 годы, когда они переживали период глубоко кризиса. С приходом к власти нацистов в Германии завершился рапалльский период, характеризовавшийся многосторонним сотрудничеством между СССР и Германией. В условиях антисоветской направленности внешней политики нацистского режима главной задачей советского руководства стало обеспечение военной безопасности страны от германской экспансии.

В белорусской историографии общепризнанным является тезис о том, что приход к власти Гитлера 30 января 1933 года стал рубежом в развитии советско-германских отношений и важным моментом в международных отношениях Европы, ознаменовав начало подготовки Германии к новой мировой войне. Этот период стал тем временем для советско-германских отношений, когда рапалльское сотрудничество сменилось похолоданием и нарастающей напряженностью [1, с. 135].

Д. А. Мигун утверждает, что основой внешней политики нацистской Германии стала теория «жизненного пространства». Эта теория представляла собой комплекс взглядов на будущее развитие Германии и всего человечества. Нацисты считали, что «от качества территории зависит развитие государства», и поэтому необходимо расширить его до «жизненного пространства», которое должно включать все области с немецким населением и обеспечивать единство и полноту экономической жизни немцев [2, с. 4, 5]. Согласно этой теории, «жизненное пространство» Германии могло охватывать всю поверхность Земли, что затрагивало интересы других государств. Реализация этой теории предполагалась на территории Советского Союза, что воспринималось советским руководством как угроза. Приход к власти нацистов и их стремление завоевать «жизненное пространство» Д. А. Мигун связывает с поражением Германии в Первой мировой войне [2, с. 7].

И. А. Литвиновский и Л. Н. Кулеш также отмечают, что главным направлением агрессивной политики Германии стало завладение «жизненным пространством», что в первую очередь касалось Советского Союза [3, с. 243; 4, с. 118]. Л. М. Хухлындина подчеркивает, что Гитлер искал жизненное пространство для арийской нации через колонизацию «деградированных» славяно-азиатских территорий. Она выделяет основные черты внешнеполитической деятельности Германии на Востоке: втягивание Прибалтики в германскую сферу влияния, переговоры с Польшей для создания антисоветской коалиции и проекты, направленные на ослабление советской власти [5, с. 5].

Н. Н. Ковалева считает, что СССР сосредоточил свои усилия на создании системы коллективной безопасности в Европе для

нейтрализации германской агрессии. Гитлер, в свою очередь, стремился предотвратить образование антигитлеровской коалиции с участием Англии, Франции и СССР, рассматривая её как препятствие на пути к мировой гегемонии. Для этого немецкая дипломатия использовала враждебность и недоверие западных держав к СССР, заявляя о готовности спасти Европу от большевистской угрозы [6, с. 54–55].

Л. М. Хухлындина также рассматривает проблему создания системы коллективной безопасности в Европе в 1930-е годы. Она утверждает, что для срыва советской инициативы Гитлер сделал ставку на переговоры с Великобританией, убеждая британских политиков в устаревании принципа равновесия. Это было связано с нарастанием военной угрозы на Востоке Европы и перспективой большевизации континентальной Европы. Результатом сближения нацистской Германии с Великобританией на антисоветской основе стало заключение в 1933 году «пакта четырех» (Лондон, Париж, Берлин, Рим) [5, с. 5].

Изучение историографии советско-германских отношений в указанный период позволяет сделать вывод об их сложности и многогранности, а также о существенном влиянии их состояния на дальнейшие события в Европе. Д. А. Мигун подчеркивает, что с приходом Гитлера к власти в 1933 году начался резкий поворот в советско-германских отношениях. Несмотря на первоначальные попытки сохранить рапалльский курс, в Германии начались преследования советских граждан, создавались трудности для работы советских учреждений. Экономические связи между двумя странами также начали ухудшаться: экспорт СССР в Германию сократился на 44 %, в то время как импорт из Германии уменьшился лишь на 12 %. Протекционистская политика Германии негативно сказалась на советской экономике, и все попытки СССР смягчить эти меры оставались без ответа. Политические кампании в Германии, направленные против СССР, также способствовали ухудшению отношений, включая призывы к войне и клевету на советские торговые компании [1, с. 139; 7, с. 170–171]. Д. А. Мигун также указывает на резкие расхождения между СССР и Германией по международным вопросам, в частности, по гражданской войне в Испании (1936–1939 гг.), где СССР поддерживал республиканцев, а Германия – мятежников. Это вмешательство, по его мнению, стало одним из факторов, способствующих фашистскому перевесу в Европе [8, с. 27].

30 сентября 1938 года, когда западные державы передали Судетскую область Чехословакии Германии, стало поворотным моментом в международной политике и советско-германских отношениях. Это событие окончательно подорвало доверие советского руководства к Англии и Франции как потенциальным союзникам, что привело

к осознанию возросшей внешнеполитической угрозы для СССР. Л. М. Хухлындина отмечает, что опасность международной изоляции и неудачи в создании системы коллективной безопасности способствовали сближению Германии и СССР [5, с. 5].

Таким образом, белорусские историки пришли к выводу, что в 1933–1938 годах советско-германские отношения были сложными и противоречивыми. Приход к власти нацистов в Германии стал решающим фактором, изменившим внешнеполитический курс обеих стран. Несмотря на ухудшение отношений, обе стороны стремились избегать полного разрыва, прибегая к дипломатическим маневрам. В отличие от рапалльского периода, стороны не подписывали крупных соглашений о сотрудничестве, и недоверие между ними нарастало. Гитлер использовал сближение с СССР как инструмент давления на Англию и Францию, стремясь ослабить ограничения, наложенные Версальским договором, который сдерживал германскую экспансию. Сталин, в свою очередь, также не желал окончательного разрыва с Германией, опасаясь формирования антисоветской коалиции, в которую могли бы войти западные державы, способные подтолкнуть нацистов к агрессии на восток. В ответ на эти угрозы советская дипломатия в конце 1933 года предложила идею создания системы коллективной безопасности, которая предполагала военный союз стран, заинтересованных в предотвращении войны. Однако эта инициатива не нашла поддержки среди западных держав.

Белорусские исследователи отмечают, что официальная линия внешней политики СССР, нацеленная на создание системы коллективной безопасности, оставалась неизменной до октября 1938 года, когда ситуация в Европе начала меняться, и нарастали угрозы, требующие пересмотра подходов к международным отношениям.

Источники и литература

1. Мигун, Д. А. Германо-советские политико-экономические отношения в 1933 г /Д. А. Мигун // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: Сборник научных статей. Вып. 11 / под ред. В. Ф. Беркова: в 2 ч. – Минск : РИВШ, 2011. – Ч. 1. – С. 135–140.

2. Мигун, Д. А. Планы Германии в отношении Восточной Европы в преддверии второй мировой войны / Д. А. Мигун // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова Гісторыя, Філасофія, Філалогія. – 2001. – №2 (38). – С. 4–9.

3. Литвиновский, И. А. Советско-германские договоренности августа 1939 года: начало переговоров / И. А. Литвиновский,

Литвиновская // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : Матэріялы Міжнародной навуковай канферэнцыі. – Мінск : МДЛУ, 2014. – С. 239–245.

4. Кулеш, Л. Н. Общественная жизнь Германии в годы нацизма / Л. Н.Кулеш // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : Матэріялы Міжнародной навуковай канферэнцыі. – Мінск : МДЛУ, 2009. – С. 118–121.

5. Хухлындзіна, Л. М. “Drang nach Osten” у кантэксце беларускай і сусветнай гісторыі / Л. М. Хухлындзіна // Веснік БДУ, – 2005. – № 2. – С. 3–8.

6. Ковалёва, Н. Н. Из истории дипломатии: роль германской дипломатии в нейтрализации Англии (1938–1939 гг.) / Н. Н. Ковалёва // Актуальные проблемы германской истории, политики, экономики, культуры. Материалы III международной научной конференции 12–14 октября 2006 года. – Брест : Брестский государственный технический университет, 2007. – С. 54–57.

7. Мигун, Д. А. Германо-советские экономические и политические отношения в 30-х гг. XX в. / Д. А. Мигун // Международная научно-теоретическая конференция «Актуальные проблемы истории Нового и Новейшего времени (к 100-летию профессора Л. М. Шнеерсона)». – Минск : РИВШ, 2012. – С. 170–172.

8. Мигун, Д. А. Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. и ее влияние на германо-советские отношения / Д. А. Мигун // Веснік Палескага дзяржаўнага універсітета. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук. – 2011. – № 1. – С. 27–33.

УДК 94:316.44:355.09(47+57)(476.2)«192/194»

М. И. Старовойтов
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ ЧАСТЕЙ РККА, ДИСЛОЦИРОВАННЫХ НА ГОМЕЛЬЩИНЕ И МОЗЫРЩИНЕ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Впервые в белорусской историографии на основе оригинальных опубликованных и рассекреченных архивных источников установлен национальной и социальной состав военнослужащих частей РККА, дислоцированных в Гомельской и Полесской областях в межвоенный период.

В многонациональном составе военнослужащих преобладали русские, затем шли украинцы, белорусы и представители других наций и народностей. Установлено, что в социальном составе военнослужащих абсолютно преобладали рабочие и крестьяне (колхозники).

Исследование региональных, национальных, половозрастных особенностей позволяет дать адекватную оценку изменениям в национальном и социальном составе полиэтничного населения БССР в 1920–1930-е годы, произошедшим в результате форсированной советской модернизации всех сфер жизни общества, укрепления обороноспособности страны Адекватная оценка социума БССР, межвоенного периода и, особенно накануне войны, невозможна без количественной и качественной характеристики частей РККА, дислоцируемых на территории республики.

Отсутствие данных переписи 1939 г. о национальном составе городского и сельского населения Беларуси и его социокультурной характеристике является общим недостатком многих публикаций. Нет таких сведений даже в статьях, посвященных как белорусам, так и другим национальностям, проживавшим в республике в конце 1930-х годов, в белорусских энциклопедических изданиях и многотомных изданиях по истории Беларуси, истории белорусской государственности, по истории городов и сел, в том числе и по Гомельской области в современных ее границах). Нет таких сведений и в специальном сборнике документов о Белорусском военном округе [1].

Опубликованные и выявленные в архивах документы, имевшие гриф «совершенно секретно» или «секретно» позволяют показать национальный и социальный состав частей Красной Армии Западного военного округа (с октября 1926 г. – Белорусский военный округ, РВС и штаб которого до 1932 г. находились в г. Смоленске, а затем были переведены в г. Минск), дислоцированных на территории Гомельщины и Мозырщины в межвоенный период. В региональном плане в таком контексте обозначенная проблема в отечественной историографии не только не рассматривалась, но и не ставилась. Автором предпринята попытка восполнить этот пробел. Представляется целесообразным выделить как абсолютные, так и относительные сведения о военнослужащих (таблицы составлены и % подсчитаны автором).

По данным переписи 1926 г. в БССР насчитывалось 58 905 военнослужащих мужчин и 14 – женщин, 51 576 человек мужчин и 12 женщин находились в частях, дислоцированных в городских поселениях (87,6 %) и 7 329 мужчин и 2 женщины – в частях расположенных в сельской местности (12,4 %) [подсчитано по: 2, с. 2].

Представленные в таблице 1 [2, с. 3, 8, 11, 14] свидетельствуют об абсолютном преобладании русских в составе воинских частей не только в целом по БССР, но и в регионах. Численное преобладание русских в СССР составляло костяк/основу воинских частей и формирований РККА.

Таблица 1 – Национальный состав мужчин-военнослужащих в 1926 г.

Всего	Белорусы		Евреи		Русские		Поляки		Прочие	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
БССР										
58 905	13 536		1 757		36 677		530		6 405	
Гомельский округ										
3 303	512		61		2 417		44		269	
Мозырский округ										
1 084	137		47		650		7		243	
Речицкий округ										
62	11		–		43		–		8	

Дислокация воинский частей в крупных городах существенно повлияла на численность военнослужащих в округах. В 8 округах из 12, в которых численность военнослужащих была свыше 3 000 человек, она составила 96,2 % от всей численности дислоцированных в БССР военных. По численности военных Гомельский округ был на 7 месте, Мозырский – на 9 и Речицкий – на 12 месте. По концентрации военнослужащих Гомельско-Мозырский регион был на последнем месте в БССР. В регионе дислоцировалось только 7,6 % от общей численности военнослужащих в БССР [подсчитано по: 2, с. 2–15]. Из крупных воинских соединений только в Гомеле находилась Чонгарская дивизия.

Значительное преобладание русских в частях РККА на Гомельщине объясняется тем, что призывниками Приволжского ВО, Оренбургской и Смоленской губерний пополнялись 37-я Новочеркасская и 6-я Чонгарская дивизии. В 1927 г. Новочерскасская дивизия на 10 % пополнилась за счёт татар и чувашей, та немцы Поволжья составляли значительную часть 109 полка. В 1928 г. в 37-ой дивизии русские составляли 42,6 %, белорусы – 40,7, вотяки – 5,5, евреи – 5,2, украинцы – 4,4, поляки – 1,3, татары – 0,5 % [3, лл. 4, 39, 42, 60].

В середине 1920-х годов штурмовая авиация выделилась в самостоятельный род военной авиации. К 1928 г. в Гомеле была образована штурмовая часть ВВС (впоследствии – 114-я штурмовая авиабригада). Аэродром бригады с несколькими ангарами располагался у загородного шоссе.

К нему примыкал жилой городок семей лётчиков. В 1932 г. на должность командира Гомельской авиабригады был назначен А.А. Туржанский - один из организаторов Военно-воздушных сил СССР [4, с. 151].

В отличие от достаточно полных данных переписи 1926 г. о численности и составе РККА, такие сведения о национальном и социальном составе военнослужащих в последующий период были строго засекречены. По рассекреченным документам переписи 1939 г. нами установлен этносоциальный состав лиц, нераспределенных по отраслям народного хозяйства (так в документах переписи выделены военнослужащие и их семьи). Проанализирована графа «прочие», в данных которой преобладали народы Закавказья и Средней Азии, Поволжья и Прикамья, малочисленные народы Сибири. Абсолютное большинство мужчин из них относилось к военнослужащим. Значительно меньшее число женщин этих национальностей (в основном армянки, грузинки, казашки) являлись женами командного и офицерского состава переведенного в общевойсковые единицы РККА после расформирования национальных воинских частей [подробнее см. 5 и 6].

Рассредоточение военных по районам Гомельской и Полесской областей представлено в таблице 2 [7, л. 45; 8, л. 42]. В 7 городах и одноименных районах численность войск была большой, что видно из данных 3 и 4 колонок таблицы 2. В этих районах численность военных составляла от 2 000 до 4 000 человек.

Таблица 2 – Концентрация численности военнослужащих по областям БССР в 1939 г. (абс.)

Группировка районов по численности военнослужащих (человек)			
1 000–1 999	1 000–1 999	2 000–2 499	2 500–4 000
Гомельская область			
Буда-Кошелевский	Лоевский	Гомельский	Жлобинский
Ветковский	Светиловичский	Речицкий	Рогачевский
Добрушский	Тереховский		
Журавичский	Уваровичский		
Кормянский	Чечерский		
Полесская область			
Брагинский	Копаткевичский	Глусский	
Василевичский	Лельчицкий	Мозырский	
Домановичский	Наровлянский	Хойникский	
Ельский	Паричский		
Житковичский	Петриковский		
Комаринский*	Туровский		
Примечание: *) в этом районе военнослужащих было меньше 1 000 человек.			

Что касается национального состава воинских формирований Белорусского военного округа (большая их часть размещалась в сельской местности) дислоцированных на Гомельщине и Мозырщинев в конце 1930-х годов, то такие данные хорошо представлены в таблице 3 [9, л. 43–88, 199–245]. Из них видно, что русские как в городе, так и в сельской местности составляли примерно 2/3 численности военнослужащих, затем шли украинцы и белорусы. Представители не восточнославянского составляли около 10 %.

Таблица 3 – Не распределенные по отраслям народного хозяйства 1939 г.

Национальность* (абс. и %).	Гомельская область				Полесская область			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Всего	10 307	21 944	1 709	563	3 094	20 866	702	798
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Русские	6 758	14 164	336	77	2 001	13 460	28	44
	60,2	64,5	19,7	13,7	64,7	64,5	4,0	5,5
Украинцы	1 646	3 084	340	29	479	2 939	20	66
	14,7	14,1	19,9	5,2	15,5	14,1	2,8	8,3
Белорусы	852	2 603	920	444	286	2 459	601	656
	7,6	11,9	53,8	78,8	9,2	11,8	85,6	82,2
Татары	193	394	3	–	57	375	–	–
	1,7	1,8	0,2	0,0	1,8	1,8	0,0	0,0
Немцы	4	5	3	–	2	8	2	5
Евреи	184	345	86	8	73	327	35	11
	1,6	1,6	5,0	1,4	2,4	1,6	5,0	1,4
Цыгане	1	3	–	–	-	3	–	–
Латыши	2	6	2	–	-	6	–	3
Литовцы	2	1	–	1	-	1	–	–
Поляки	7	16	17	3	3	26	16	12
НЦЛЛП**	0,1	0,1	1,3	0,7	0,2	0,2	2,6	2,5
Прочие	658	1 323	2	1	193	1 262	–	1
	5,9	6,0	0,1	0,2	6,2	6,0	0,0	0,1
Примечание: *) – перечень национальностей сохранен по документу; **) – немцы, цыгане, латыши, литовцы, поляки в % даны по совокупности.								

Нами выявлены данные, которые также подтверждают преобладающее представительство русских в воинских частях. Это данные о брачности населения, которые представлены в таблице 4 [10, л. 29; 11, л. 29]. В возрастной группе 20–29 лет, которая абсолютно преобладает среди военнослужащих, относительная численность женатых русских была самой низкой в сравнении с беларусами и евреями (такого рода сведения о других национальностях нами не выявлены).

Таблица 4 – Брачность населения Гомельской и Полесской областей в 1939 г.

Возраст лет	Городское население			Сельское население			Все население		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Гомельская область									
Белорусы									
20–29	12 947	14 515	27 462	34 028	48 641	82 669	46 975	63 156	110 131
В браке	6 343	9 013	15 356	22 658	34 580	57 238	29 001	43 593	72 594
%%	49,0	62,1	55,9	66,6	71,1	69,2	61,7	69,0	65,9
30–39	9 575	10 760	20 335	35 988	42 206	78 194	45 603	52 966	98 529
В браке	8 751	8 295	17 046	34 924	35 927	70 851	43 675	44 222	87 897
%%	91,4	77,1	83,8	97,0	85,1	90,6	95,8	83,5	89,2
Евреи									
20–29	3 371	5 326	8 697	537	375	912	3 908	5 701	9 609
В браке	1 888	3 319	5 207	252	231	483	2 140	3 550	5 690
%%	56,0	62,3	59,9	46,9	61,6	53,0	54,8	62,3	59,2
30–39	3 859	6 188	10 047	411	360	771	4 270	6 548	10 818
В браке	3 560	4 781	8 341	378	272	650	3 938	5 053	8 991
%%	92,3	77,3	83,0	92,0	75,6	84,3	54,8	77,2	83,1
Русские									
20–29	8 740	3 957	12 697	14 056	1 865	15 921	22 796	5 822	28 618
В браке	3 432	2 660	6 092	4 892	1 404	6 296	8 324	4 064	12 388
%%	39,3	67,2	48,0	34,8	75,3	39,5	36,5	69,8	43,3
30–39	2 584	2 956	5 540	2 145	1 285	3 430	4 729	4 241	8 970
В браке	2 357	2 223	4 580	2 013	1 075	3 088	4 370	3 298	7 668
%%	91,2	75,2	82,7	93,8	83,7	90,0	92,4	77,8	85,5
Полесская область л. 29 доп.									
Белорусы									
20–29	3 938	4 424	8 362	32 319	42 841	75 160	36 257	47 265	83 522
В браке	2 068	2 697	4 765	21 392	30 453	51 845	23 460	33 150	56 610
%%	52,5	60,9	57,0	66,2	71,1	69,0	64,7	70,1	67,8
30–39	2 881	3 028	5 909	32 610	36 589	69 199	36 491	39 617	75 108
В браке	2 606	2 269	4 875	31 077	31 397	62 474	33 683	33 666	67 349
%%	90,4	74,9	82,5	95,3	85,8	90,3	92,3	85,0	89,7
Евреи									
20–29	1 087	1 895	2 982	728	627	1 352	1 812	2 522	4 334
В браке	622	1 158	1 780	338	356	694	960	1 514	2 474
В%%	57,2	61,1	59,7	46,4	56,8	51,3	53,0	60,0	57,1
30–39	1 333	2 096	3 429	563	566	1 129	1 896	2 662	4 558
В браке	1 233	1 717	2 950	510	470	980	1 743	2 187	3 930
%%	92,5	81,9	86,0	90,6	83,0	86,8	91,9	82,2	86,2
Русские									
20–29	2 169	415	2 574	12 884	901	13 785	15 043	1 316	16 359
В браке	764	345	1 109	4 313	748	5 061	5 077	1 093	6 170
%%	35,2	83,1	43,1	33,5	83,0	36,7	33,7	83,1	37,7
30–39	310	241	551	1 516	525	2 041	1 826	766	2 592
В браке	288	216	504	1 383	454	1 837	1 671	670	2 341
%%	92,9	89,6	91,5	91,2	86,5	90,0	91,5	87,5	90,3

Примечание: порядок указания национальностей сохранен по документу; другие национальности не представлены.

Представленные в таблице 5 [12, л. 4; 13, л. 4] данные свидетельствуют о том, что РККА состояла из рабочих и крестьян. Это и соответствовало ее названию. Рабочие и крестьяне (колхозники) составляли 72–73 % (подсчитано по таблице 5) от общего количества военнослужащих рассматриваемых областей. Прежде всего, это был рядовой и сержантский состав. Категорию служащих представляли лица офицерского и командного состава. Менее одного процента (подсчитано по таблице 5) приходилось на кооперированных и некооперированных кустарей и крестьян-единоличников среди военнослужащих частей дислоцировавшихся в городских поселениях и 1–1,1 % – в частях размещенных в сельской местности. Эти данные примерно отражали социальный срез советского общества. Среди женщин, которые являлись женами офицерского и командного состава, 80–94 % по Гомельской области и 89–97 % по Полесской области (подсчитано по таблице 5) были выходцами из рабочих семей, что имело важное значение в продвижении по службе их мужей.

Таблица 5 – Социальный состав нераспределенных по отраслям в 1939 г.

Общественные группы**	В городских поселениях				В сельской местности			
	Муж.	Жен.	Всего	%%*	Муж.	Жен.	Всего	%%*
Гомельская область доп. л.								
Рабочие	4 417	1 614	6 031	42,9	9 709	455	10 164	44,2
Служащие	2 835	42	2 877	27,5	5 648	37	5 685	25,7
Колхозники	2 992	45	3 037	29,0	6 345	38	6 383	28,9
Коопкустари	18	–	18	0,2	36	1	37	0,2
Некоопкустари	14	8	22	0,1	22	19	41	0,1
Единоличнике	31	–	31	0,3	184	15	199	0,8
Всего***	10 307	1 709	12 016	100,0	21 944	565	22 509	100,0
Полесская область доп. л.4								
Рабочие	1 351	681	2 032	43,7	9 236	723	9 959	44,3
Служащие	835	5	840	27,0	5 354	32	5 386	25,7
Колхозники	882	13	895	28,5	6 052	34	6 086	29,0
Коопкустари	7	–	7	0,2	33	–	33	0,1
Некоопкустари	5	1	6	0,2	7	1	8	0,0
Единоличнике	14	2	16	0,4	184	24	208	0,9
Всего***	3 094	702	3 796	100,0	20 866	814	21 680	100,0
Примечание: *) – процент к итогу мужчин; **) – так в материалах переписи 1939 г. обозначалась социальная структура общества; ***) – всего нераспределенных по отраслям народного хозяйства в области.								

Сравнительный анализ данных распределенных и не распределенных по отраслям народного хозяйства в национальном разрезе позволил установить, что из всех русских мужчин, имеющих занятия в Гомельской и Полесской областях, абсолютное большинство являлось военнослужащими. Так, в Гомельской области среди всех занятых русских мужчин на их долю в городах приходилось 48,2 % от всего самодеятельного населения, а в сельской местности – 74,9 %, тогда как в госучреждениях и партийных органах городских поселений работало 4,3 % русских, а на селе – 0,5 % (подсчитано по: 14, лл. 43–88). Это дает основание считать, что русские не являлись абсолютным большинством в составе чиновничьего аппарата, как иногда пишут некоторые авторы.

Даже такой краткий анализ этносоциального состава военнослужащих Белорусского военного округа на материалах Гомельской и Полесской областей свидетельствует о сложившейся к концу предвоенного периода практике прохождения воинской службы для большинства представителей различных национальностей за пределами своих этнических территорий. Интернациональный состав военных и русскоязычная среда, рабоче-крестьянский костяк РККА способствовали сплоченности советского народа, внесшего решающий вклад в Победу над фашистской Германией и ее сателлитами.

Источники и литература

1. Накануне: Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.): док. и материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2007. – 662 с.

2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Белорусская Советская Социалистическая Республика. Т. XXVII. Отдел II. Занятия. – М. : Изд-во ЦСУ Союза ССР, 1928. – 156 с.

3. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 3. Оп. 1. Д. 160.

4. Гомельщина в событиях 1917–1945 гг.: материалы науч. – практ. конф. / ред. кол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Гомель, 2007. – 304 с.

5. Старовойтов, М. И. Национальный и социальный состав военнослужащих Белорусского военного округа накануне Второй мировой войны / М. И. Старовойтов // Идеологические аспекты военной безопасности. Научно-практическое приложение к журналу «Армия» Министерства обороны Республики Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 8–15.

6. Старовойтов, М. И. Титульные этносы кавказских и среднеазиатских республик в составе населения белорусско-российско-украинского

пограничного региона в 1920-1930-е годы / М. И. Старовойтов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2019. – № 1. – С. 39–44.

7. Гомельская область // Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 376.

8. Полесская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 380.

9. Общественные группы и отрасли народного хозяйства по БССР // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 913.

10. Гомельская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 548.

11. Полесская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 552.

12. Гомельская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 548.

13. Полесская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 552.

14. РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 913.

УДК 94:352/354(476-15)«1939-1940»

Д. М. Толочко
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

СОЗДАНИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (ОКТЯБРЬ 1939–1940 ГОД)

Предметом исследования в статье является создание органов государственной власти в Западной Беларуси (октябрь 1939–1940 г.). На основании источников, часть из которых вводится в научный оборот впервые, автор приходит к выводу, образцом для органов государственной власти в регионе служили структуры, функционирующие в СССР.

Деятельность Временных управлений и крестьянских комитетов в Западной Беларуси носила переходный характер. Они функционировали в период между завершением работы польской администрации и окончательным установлением в регионе советской власти. Решение вопроса о государственной власти в регионе мог принять только полномочный орган. Им стало Народное собрание. В отечественной исторической литературе был распространён тезис о том, что инициатива созыва Народного собрания Западной Беларуси исходила от Временного управления города Белостока. На этот факт обращали внимание в том числе и непосредственные организаторы и участники

этого мероприятия. Так, выступая на заседании Минского городского партийного актива 12 октября 1939 г. П. К. Пономаренко заявил: «Вы спросите, кто назначил эти выборы. А вот, было дело таким образом. Тов. Гайсин и вся группа товарищей, которые в Белостоке образуют Временное управление, проявила инициативу и обратилась с обращением ко всем другим Временным управлениям собрать Народное собрание» [1, л. 81].

Однако в действительности, решение о проведении Народных собраний Западной Украины и Западной Беларуси было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 1 октября 1939 г. Более того, в этом постановлении содержалась подробная инструкция не только относительно места и времени проведения Народных собраний, но даже выработаны основные положения, которые должны были принять эти органы.

Следует отметить, что идея проведения подобных политических форумов возникла у высшего партийного руководства страны ещё до начала операции Красной Армии в Западной Беларуси и Западной Украине. Так, в директиве НКВД СССР от 15 сентября 1939 г. было отмечено, в частности, следующее: «Работникам НКВД принять активное участие в подготовке и проведении временных управлений – народных собраний – украинского, белорусского и польского. Для обеспечения усиленного проведения народных собраний наладить необходимую агентурно-оперативную работу по выявлению и репрессированию к/р организаций, групп и лиц, противодействующих и срывающих организацию новой власти».

Кроме того, хотелось обратить внимание на следующий факт, который также не был отражён в отечественной историографии. Руководству страны не только принадлежала инициатива созыва Народного собрания Западной Беларуси, выработаны основные положения, которые ему надлежало принять, но и определен национальный состав будущих кандидатов. Так, 13 октября 1939 г. на совещании представителей Временных управлений у секретаря ЦК КП(б)Б Н. Г. Грековой по этому поводу выступил председатель Временного управления Белостокской области В.Б. Гайсин, который заявил: «Я думаю, что товарищи приехавшие на места, должны посмотреть составы (избирательных комиссий – Д. Т.) с тем, чтобы процент белорусских депутатов был такой, чтобы у нас было большинство белорусов». На этом совещании было решено, что в Народном собрании должно быть представлено «минимум 70 % белорусов из них…не менее 30 % женщин» [2, л. 39–44]. Кандидаты в депутаты Народного собрания, члены избирательных комиссий отбирались партийными органами, кроме того, они проходили контроль со стороны органов НКВД.

В польской историографии распространены тезисы о том, что выборы проходили под давлением со стороны органов НКВД, на них осуществлялись различные формы манипулирования избирателями. Однако, доказательная база такого рода заключений очень слаба. Кроме того, исследователи, на наш взляд, недооценивают степень популярности советской власти среди населения Западной Беларуси осенью 1939 г. Так, согласно оперативным сводкам НКВД БССР, выборы в Народное собрание повсюду проходили «с большим подъёмом и большой активностью трудящихся. Подавляющая масса населения высказывалась за восстановление в Западной Белоруссии Советской власти и присоединение ее к БССР» [3, л. 87].

Вместе с тем в период проведения выборов в Народное собрание Западной Беларуси отмечались отдельные случаи антисоветских проявлений. В городе Белостоке некая Буловская среди собравшихся на участке женщин заявила: «Голосовать за большевиков не нужно, я была в России и знаю, как там живут, верить большевикам не надо, они обманывают народ, заслоняют глаза». Пенсионер из города Бреста отметил: «На выборы идти не следует, все это недолговечно, скоро Советы отсюда уйдут, когда же придут поляки, то вас, русских, всех перережут». Можно привести и другие примеры [4, л. 125–144]. Кроме того, органы НКВД в процессе проведения выборов фиксировали «контрреволюционные вылазки враждебных элементов в форме террора, расклеивания контрреволюционных листовок, срыва портретов вождей, опускания бюллетеней с контрреволюционными надписями, отказа от включения в списки избирателей и др.». В большинстве своём такого рода явления наблюдались среди жителей региона польской национальности.

Всего в выборах 22 октября 1939 года из общего количества избирателей 2 763 191 приняло участие в голосовании 2 672 280, что составило 96,71 % человек. За выставленных кандидатов проголосовало 2 409 522 человека (90,67 %) против – 247 245 (9,3 %). Признано недействительными – 14 932 бюллетеня. Наибольший процент голосовавших против кандидатов был отмечен в Белостокской области – 15 %. Далее следует поветы бывшей Виленской области – 13,2 %, город Гродно с поветом – 8 %, Новогрудская область – 7,9 %. В остальных регионах Западной Беларуси данное число не превышало 2–3 %. Вместе с тем в Белостокской области наблюдалась самая низкая явка избирателей – 93,9 % и наибольший процент бюллетеней, признанных недействительными – 5547. Кроме того, в двух округах Мазовецкого уезда Белостокской области кандидатуры депутатов были забаллотированы.

Из 929 зарегистрированных кандидатов в депутаты Народного собрания Западной Беларуси было избрано 927 человек, в их числе 804 мужчины и 123 женщины. Национальный состав депутатов был представлен следующим образом: 621 белорус, 43 русских, 127 поляков, 53 украинца, а также представители других национальностей. Таким образом, число избранных белорусов составило 67 %, из них количество женщин равнялось 20 %. Эти цифры фактически соответствовали тем, которые были заранее утверждены руководством республики.

Народное собрание избрало уполномоченную комиссию в составе 66 человек, которая должна была передать сессии Верховного Совета СССР решения Народного собрания о вхождении Западной Беларуси в состав СССР. 5-ая Чрезвычайная сессия Верховного Совета СССР 2 ноября 1939 года удовлетворила просьбу комиссии Народного собрания Западной Беларуси и приняла «Закон о включении Западной Белоруссии в состав Союза ССР». Последним этапом законодательного оформления Западной Беларуси в составе БССР стало постановление Внеочередной 3-ей сессии Верховного Совета БССР.

В конце ноября 1939 г. в Западной Беларуси начинается второй этап формирования органов власти. Теперь уже по образцу остальных регионов СССР. В этой связи следует отметить, что центральное место в этом процессе отводилось партийным органам. Именно на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)Б, обкомов и райкомов республики решались все кадровые и организационные вопросы по созданию системы государственного управления в регионе. Так, 19–20 ноября 1939 г. ЦК КП(б)Б принял постановление о создании 32 укомов, 3 горисполкомов и утвердил их состав. В этом же постановлении были утверждены составы организационных бюро ЦК КПБ(б)Б по областям, городам и уездам Западной Беларуси [5, л. 13–14].

29 ноября 1939 г. ЦК КП(б)Б обсудил вопрос об образовании Вилейской, Барановичской, Белостокской, Брестской и Пинской областей в составе БССР и утвердил бюро обкомов КП(б)Б и облисполкомов. Затем составы бюро обкомов и облисполкомов западных областей были утверждены на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 декабря 1940 г.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 декабря 1939 г. в БССР было образовано 5 новых областей: Вилейская, Барановичская, Белостокская, Брестская, Пинская. С образованием областей областные Временные управления были реорганизованы во временные областные исполнительные комитеты в составе председателя исполкома и семи – восьми членов. Областные исполкомы утверждали составы уездных исполкомов. В частности, Кобринское Временное управление приостановило свою деятельность в середине декабря 1939 г. Вместо него

был создан Кобринский уездный исполком, который существовал до 15 января 1940 г. Его структурная организация представляла собой совокупность разных отделов: дорожного, земельного и др.

15 января 1940 г. указом Президиума Верховного Совета СССР вводилось новое деление областей на районы. Всего был создан 101 район вместо 32 уездов. 10 января 1940 г. на заседании ЦК КП(б)Б были утверждены списки райкомов, райисполкомов, горкомов и горисполкомов новых областей. В этой связи уездные исполкомы были реорганизованы в райисполкомы. Абсолютное большинство во вновь созданных органах власти получили выходцы из БССР и других регионов СССР.

Руководство республики столкнулось с определенными трудностями при формировании сельских советов. Оно планировало создать эти органы выборным путём. Однако, руководство страны рассудило иначе. Согласно постановлению Политбюро ЦК КП(б)Б от 7 января 1940 г. «Об образовании районов в западных областях БССР» ЦК КП(б)Б было предложено сформировать эти органы из назначенцев. По-видимому, это было из опасения, что туда могут проникнуть атнисоветски настроенные элементы. 29 января 1940 г. бюро ЦК КП(б)Б на основании этого решения приняло постановление «Об организации сельских Советов в районах западных областей ССР». В этом постановлении райкомы и райисполкомы получали возможность создавать в сельской местности исполкомы сельских советов и утверждать их состав. В состав исполкомов сельских советов входили председатель, зам. председателя, секретарь и 2–3 членов советов: всего 5–7 человек. В документе особо подчёркивалась необходимость «отбирать в городские, поселковые сельские Советы наиболее передовых людей, доказавших свою преданность партии, проявивших себя в период установления нового революционного порядка» [6, л. 1а]. Городские и районные исполкомы были сформированы в основном из проверенных кадров с востока. В сельские советы пришлось назначать представителей местного населения. Определяющее место в их создании принадлежало, прежде всего, районным комитетам партии. Именно они утверждали окончательные списки членов сельских советов. Как правило, туда назначались представители белорусской национальности из малоимущих слоёв.

К августу 1940 г. в регионе было создано 1558 сельских советов. Из них: в Белостокской области – 368, Барановичской – 370, Вилейской – 350, Брестской – 300, Пинской – 170. Однако, необходимо отметить, что в состав сельских советов нередко входили антисоветски настроенные элементы: крупные земельные собственники, бывшие польские служащие. Это объяснялось неудовлетворительной работой по подбору кадров

со стороны райкомов и райисполкомов [7, л. 411]. Более того, в отдельных районах Вилейской области крестьянские комитеты продолжали функционировать параллельно с сельскими советами вплоть до осени 1940 г. В этой связи бюро ЦК КП(б)Б 23–24 августа 1940 г. было вынуждено издать специальное постановление, в котором местным органам власти предлагалось немедленно приостановить работу всех органов и лиц, подменяющих работу сельских советов.

В декабре 1940 г. состоялись выборы в депутаты областных, районных, городских и сельских советов. Следует отметить, что первоначально партийное руководство республики предполагало провести эту кампанию уже поздней весной 1940 г. Так, 19 ноября 1939 г. ЦК КП(б)Б обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой назначить местные выборы на 26 мая 1940 г. Однако Политбюро ЦК ВКП(б), сочтя это преждевременным, назначило выборы на 15 декабря 1940 г.

В советской историографии отмечалось, что кандидаты в депутаты местных советов выдвигались на общих собраниях рабочих, колхозников. Однако, в действительности, они подбирались партийными органами западных областей (обкомами, райкомами и горкомами), а только затем утверждались на общих собраниях населения региона. Кроме того, ЦК КП(б)Б в инструкции относительно проведения выборов настоятельно рекомендовал партийным комитетам «Обеспечить выдвижение в областные Советы не менее 40 % беспартийных и 20–25 % женщин; в районные Советы не менее 50 % беспартийных и 20–25 % женщин; в городские Советы – 50–60 % беспартийных и 20–25 % женщин». Особое внимание, согласно этому документу, следовало обратить на подбор кандидатов в сельские советы. Это объяснялось тем, что подавляющая масса кандидатов в составы сельских советов отбирались непосредственно из местного населения.

В период проведения предвыборной кампании и самих выборов органами НКВД отмечалась активизация деятельности враждебных к новой власти элементов. Последние проводили агитацию, направленную на срыв выборов, запугивали местных жителей, совершали убийства агитаторов, членов избирательных комиссий, кандидатов в депутаты. Например, в деревне Озерничи Лунинецкого района два кулака, возвращаясь с предвыборного собрания, заявляли: «Пусть помнят бедняки, они сейчас у власти, но придет время, мы будем у власти и будем драть с них волосы». В Каменецком районе Брестской области бывший торговец среди крестьян говорил: «Вот Вам и выбирайте на свою шею, депутатов избрали, а магазины пустые стали, возможно, как собакам в связи с выборами чего-нибудь их товаров подбросят, чтобы задавить народ, а потом опять ничего не будет». В деревне Гать

Замбровского района Белостокской области был убит кандидат в депутаты Пухальского сельсовета. После чего в районе шесть человек отказались баллотироваться депутатами в сельские советы. Можно привести и другие примеры [8, л. 213–214].

Всего было избрано в областные советы – 367, районные – 4243, городские – 2519, сельские и поселковые – 32945 депутатов. Большинство должностей во вновь избранных сельских советах заняли местные кадры. Так, по Брестской области в сельские и поселковые советы депутатов из местного населения было избрано 5401 человек (из 5607). В Белостокской области – 7554 из 7771. Часть работников сельсоветов составили присланные из восточных регионов БССР. Так, только по Вилейской области на должности председателей сельских советов было направлено из восточных регионов БССР 30 человек. Вместе с тем руководящие должности в советах областного и районного уровня в большинстве своем заняли командированные из Восточной Беларуси. Например, в областной совет депутатов, трудящихся по Брестской области было избрано 28 представителей местного населения и 39 присланных. Из 36 председателей и такого же количества секретарей городских и районных советов Белостокской области коренных жителей насчитывалось соответственно 7 и 11 человек. Выборами в местные советы завершилась перестройка государственных органов власти в Западной Беларуси.

Формирование органов государственного управления в Западной Беларуси проходило в несколько этапов. В начале были созданы и функционировали Временные управления и крестьянские комитета. Следующий период был связан с созданием органов власти, образцом для которых служили структуры, функционирующие в СССР.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4. Оп. 3. Д. 800.

2. Там же. Оп. 21. Д. 1486.

3. Там же. Д. 1683.

4. Там же. Д. 1684.

5. Там же. Д. 1685.

6. Там же. Оп. 3. Д. 895.

7. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 659. Оп. 1. Д. 35.

8. Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГрО). – Ф. 6195. Оп. 1. Д. 91.

УДК 930(470+571):94«1939/1945»

В. А. Космач
Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова

НАЧАЛО И ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

По своим гигантским масштабам и влиянию на последующее историческое развитие Вторая мировая война является самым крупным и значимым событием мировой истории. Актуальность изучения всех сюжетов, связанных со Второй мировой войной, по-прежнему остаётся весьма востребованной. Цель данной работы – проследить новые подходы в современной российской исторической науке к началу и окончанию Второй мировой войны, которые раньше не прослеживались в зарубежной, советской и ранней постсоветской историографии.

Вторая мировая война была самой разрушительной и самой кровопролитной войной, известной истории. По своим масштабам она далеко превзошла все войны прошлого, в том числе Столетнюю войну XIV–XV вв., Тридцатилетнюю войну XVII в., Наполеоновские войны начала XIX в. и Первую мировую войну 1914–1918 гг. Принято считать, что Вторая мировая война длилась шесть лет – с 1939 по 1945 г. В ней участвовало 61 государство с общим населением 1 млрд 700 млн человек, в том числе все великие державы: Германия, Великобритания, Франция. Италия, Советский Союз, Соединенные Штаты Америки и Япония. Военные действия велись на территории 40 государств, на трех континентах и на всех океанах. В армии воюющих стран было мобилизовано 110 млн человек; кроме того, десятки миллионов участвовали в движении Сопротивления, в партизанской войне, строили военные укрепления, работали в военной промышленности. В общей сложности война втянула в свою орбиту 3/4 населения земного шара [1, с. 9].

Потери и разрушения, вызванные Второй мировой войной, не имеют себе равных. Они настолько велики, что их даже невозможно точно подсчитать, а можно лишь приблизительно оценить. По подсчетам историков, людские потери во Второй мировой войне составили не менее 50–60 млн человек. Они в пять с лишним раз превысили потери в Первой мировой войне и более чем в два раза потери во всех войнах XVII, XVIII и XIX вв. Материальный ущерб оказался в 12 раз больше, чем в Первой мировой войне [1, с. 9; 2, с. 400–402].

По истории Второй мировой войны написано сотни тысяч монографий, статей, других изданий, включая учебные пособия и материалы. Опубликованы многочисленные архивные материалы. Но «белых пятен» по-прежнему много. Один из парадоксов – начальная дата Второй мировой войны. До сих пор всем было удобно, особенно в Вашингтоне и европейских столицах, повторять, казалось бы, «незыблемую» истину – Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. нападением фашистской Германии на Польшу. А затем «коварный» Сталин и СССР поддержали Гитлера и разделили «бедную» Польшу (прямо слеза прошибает от жалости к полякам! – *В.К.*). А вот далее следовал вывод уже серьёзный, как клеймо для нас – Вторую мировую войну развязали Гитлер и Сталин, т. е. фашистская Германия и «диктаторско-сталинский» Советский Союз [3; 4].

Настало время однозначно покончить с этой догмой. И это (наконец-то! – *В.К.*) сделали современные российские историки, нашедшие мужество вспомнить о правде и исторической справедливости. В 2009 г. издательство «Вече» в Москве опубликовало книгу Н.А. Нарочницкой и В.М. Фалина «Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?». Авторы сборника отмечают, что «если провести краткий суммарный анализ того, что уже произошло в мире в 1930-е гг., до 1939 г., то станет понятно, что к этому времени уже шла мировая война – самая масштабная и по жертвам, и по амбициям, и по охвату стратегических регионов» [5, с. 14].

Можно воспроизвести полностью обращение Ф. Д. Рузвельта к американскому народу от 9 декабря 1941 г., в котором тогдашний американский президент перечислил ключевые события уже шедшей Второй мировой войны [6, с. 33]:

«В 1931 г. Япония захватила Маньчжурию – без объявления войны.

В 1935 г. Италия захватила Абиссинию – без объявления войны.

В 1938 г. Гитлер оккупировал Австрию – без объявления войны.

В 1939 г. Гитлер захватил Чехословакию – без объявления войны.

В том же 1939 г. Гитлер вторгся в Польшу – без объявления войны.

В 1940 г. Гитлер вторгся в Норвегию, Данию, Голландию, Бельгию и Люксембург – без объявления войны.

В 1940 г. Италия напала на Францию и позднее на Грецию – без объявления войны.

В 1941 г. Гитлер вторгся в Россию – без объявления войны.

А сейчас Япония напала на Малайские острова и Таи и на Соединенные Штаты – без объявления войны. Метод везде один». К перечню Ф. Д. Рузвельта можно добавить ещё вторжение Японии в Центральный Китай в 1937 г. и германо-итальянскую интервенцию в Испанию в 1936–1938 гг.».

По В. М. Фалину, «на момент нападения Германии на Польшу погибло около 20 млн. китайцев. Однако считается, что Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года. В скорбном списке жертв этой войны нет имён 35–40 млн. убиенных жителей Китая, миллионов погибших индонезийцев, вьетнамцев, лаосцев, камбоджийцев и других народов Юго-Восточной Азии» [6, с. 33]. Профессор кафедры политической психологии СПбГУ Андрей Вассоевич в этой связи предлагает отодвинуть хронологические рамки начала Второй мировой войны на 7 июля 1937 года, когда японцы напали на Китай, т. е. задолго до 1 сентября 1939 г. [7, с. 5].

Н. Нарочницкая полагает, что будет верным и справедливым начало Второй мировой войны увязать с началом агрессии японской Квантунской армии против Китая 18 сентября 1931 г. Тогда Япония захватила у Китая территории равные площади Франции, а передел мира на Дальнем Востоке в 1931–1945 гг. унёс жизни более 35 млн. человек – прежде всего китайцев [5, с. 14]. Глава британской делегации заключительной сессии Лиги Наций в 1946 г. Ф. Ноэль-Бэйкер так и заявил: «Мы знаем, что мировая война началась в Маньчжурии 15 лет назад». В свою очередь, Г. Стимсон, госсекретарь США при президенте Г. Гувере и военный министр в администрации Ф. Д. Рузвельта вывел траекторию Второй мировой войны от железнодорожных рельсов под Мукденом (сентябрь 1931 г.) до атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки (август 1945 г.) [6, с. 33].

10 марта 1939 г. в Москве открыл свою работу XVIII съезд ВКП(б). В тот же день, на вечернем заседании, с Отчётным докладом перед делегатами съезда выступил И. В. Сталин. Анализируя международное положение Советского Союза, он подчеркнул, что «уже второй год идёт новая империалистская война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая более 500 миллионов населения. Насильственно перекраивается карта Европы, Африки, Азии. Потрясена в корне вся система послевоенного так называемого мирного режима». Говоря о мировом экономическом кризисе 1929–1933 гг., И. В. Сталин заявил, что за ним последовала депрессия, а затем некоторое оживление, «которое, однако, не переросло в процветание». Мир и Европа снова оказались в начале нового экономического кризиса. «Нынешний кризис, – заявил И. В. Сталин, – разыгрался не в мирное время, а в период уже начавшейся второй империалистической войны». Правда, даже И. В. Сталин оговорился: «Характерная черта новой империалистической войны состоит в том, что она не стала ещё всеобщей, мировой войной. Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего

Англии, Франции, США, а последние пятятся назад и отступают, давая агрессору уступку за уступкой». Но до этого И. В. Сталин говорил: «Вот перечень важнейших событий за отчетный период, положивших начато новой империалистической войне. В 1935 году Италия напала на Абиссинию и захватила ее. Летом 1936 года Германия и Италия организовали военную интервенцию в Испании, при чем Германия утвердилась на севере Испании и в испанском Марокко, а Италия – на юге Испании и на Балеарских островах. В 1937 году Япония, после захвата Манчжурии, вторглась в Северный и Центральный Китай, заняла Пекин, Тяньцзин, Шанхай и стала вытеснять из зоны оккупации своих иностранных конкурентов. В начале 1938 года Германия захватила Австрию, а осенью 1938 года – Судетскую область Чехословакии. В конце 1938 года Япония захватила Кантон, а в начале 1939 г. – остров Хайнань.

Таким образом, война, так незаметно подкравшаяся к народам, втянула в свою орбиту свыше пятисот миллионов населения, распространив сферу своего действия на громадную территорию, от Тяньцзина, Шанхая и Кантона через Абиссинию до Гибралтара.

После первой империалистической войны государства-победители, главным образом Англия, Франция и США, создали новый режим отношений между странами, послевоенный режим мира. Главными основами этого режима были на дальнем Востоке – Договор девяти держав, а в Европе – Версальский и целый ряд других договоров. Лига Наций призвана была регулировать отношения между странами в рамках этого режима на основе единого фронта государства, на основе коллективной защиты безопасности государств. Однако три агрессивных государства и начатая ими новая империалистическая война опрокинула вверх дном всю эту систему послевоенного мирного режима. Япония разорвала Договор девяти держав, Германия и Италия – Версальский договор. Чтобы освободить себе руки, все эти три государства вышли из Лиги Наций. Новая империалистическая война стала фактом» [8, с. 10, 12, 14–15].

Всё это говорит о том, что И. В. Сталин был уверен в том, что вторая «большая война» уже шла, второй год, как он отметил в своём Отчётном докладе XVIII съезду ВКП(б). И. В. Сталин, несомненно, понимал под началом «второй империалистической войны» события начала июля 1937 г. на Дальнем Востоке.

Что же там случилось? 7 июля 1937 г. у старинного моста Лугоуцяо (мост Марко Поло) в окрестностях Пекина произошло вооруженное столкновение между китайскими и японскими солдатами [9, с. 614–615; 10, с. 143]. Воспользовавшись этим инцидентом, японские войска развернули наступление вглубь Китая. С 27 июля 1937 г. началась

полномасштабная война, продлившаяся восемь лет. Япония формально не объявляла войны правительству Гоминьдана и именовала её «Китайским инцидентом» (так же как захват Маньчжурии в 1931 г. был официально назван «Маньчжурским инцидентом»), стремясь тем самым принизить значение происходящих событий в глазах Запада и собственного общественного мнения. Япония утверждала, что не намерена завоёвывать Китай и действует лишь «в порядке самозащиты». Она даже «признавала» суверенитет правительства Чан Кайши над оккупированными территориями, хотя и смещала там местную гоминдановскую администрацию. Китай тоже воздерживался от официального объявления войны агрессору, оставляя себе возможность для политического маневрирования. Оба государства продолжали поддерживать дипломатические отношения. Это была «странная война наоборот», если сравнивать её с периодом «странной войны» в Европе в 1939–1940 гг.: она велась, но не была объявлена, в то время как в Европе война была объявлена, но не велась [11, с. 371–372]. Так началась национально-освободительная война китайского народа против японских захватчиков, ставшая впоследствии составной частью Второй мировой войны. Она продолжалась до 2 сентября 1945 г. и стоила жизни более чем 30 млн жителям Китая. В. П. Смирнов отмечает, что «военные потери Китая составляют примерно 5 млн человек, а всего за годы войны в Китае погибли около 18 млн человек, главным образом от голода и болезней» [2, с. 402].

Из всего вышеизложенного следуют, как минимум, два вывода. Два ключевых игрока и творцы всей мировой геополитики и международных отношений 1930-х годов не называют 1 сентября 1939 г. началом Второй мировой войны, справедливо полагая, что она уже шла несколько лет: Ф. Д. Рузвельт – с 1931 г., И. В. Сталин – с 1937 г. Современный лидер КНР Си Цзиньпин заявляет неоднократно о том, что китайский народ 14 лет (то есть с 18 сентября 1931 г.) вел непрерывную войну сопротивления японской агрессии. Это первое. И, во-вторых, современные российские историки и политики с солидным дипломатическим прошлым также называют эти два года в своих исследованиях.

В одной из статей автора также отмечалось, что Вторая мировая война началась не 1 сентября 1939 г., а 18 сентября 1931 г. и продолжалась по 2 сентября 1945 г. Число ее жертв – более 100 млн человек, в том числе 27 млн жителей Советского Союза и 35 млн китайцев [12, с. 283].

Дискуссии о начале и финале Второй мировой войны не завершены у россиян в наши дни. В газете «Завтра» (№ 26, июль 2024) была опубликована статья Александра Маркова «Почему 1937-й? Когда началась и когда закончилась Вторая мировая война». Автор этой

статьи справедливо заявил, что «1 сентября 1939 г. как начало Второй мировой – дата, удобная для Запада, чтобы выставить Советский Союз в качестве одного из разжигателей войны, а себя оправдать, заявляя, что Мюнхенский сговор и накачка Гитлера технологиями и деньгами – это совсем другое и со Второй мировой не имеет ничего общего… Вообще получается: войну начали германия и Советский Союз, а конец ей положили Соединенные Штаты». А. Марков сделал вывод: «Но США не положили конец этой войне. На континенте японцы сопротивлялись еще неделю. Лишь 9 сентября 1945 г. в Нанкине китайский генерал Хэ Инцинь принял капитуляцию Японии. И лишь тогда Япония закончила боевые действия. Итак, Вторая мировая война началась в Китае и там же закончилась. И шла она не с 1 сентября 1939 г. по 2 сентября 1945 г., а с 7 июля 1937 г. по 9 сентября 1945 г., не немцы ее начали, а японцы, и вовсе не американцы поставили в ней точку, а китайцы, и именно Китай и Советский Союз внесли основной вклад в разгром нацистов и японских милитаристов» [13, с. 4].

На статью А. Маркова отозвался своей статьей в газете «Завтра» (№ 29, июль 2024) Вячеслав Зимонин, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Академии военных наук РФ, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук. Он отметил следующее [14, с. 4]: «Абсолютно согласен с мнением А. Маркова о фальсификационной ущербности принятой на Западе даты 1 сентября 1939 года как даты начала Второй мировой войны. Однако и предлагаемая им дата 7 июля 1937 года тоже спорна, хотя и справедливо подтверждает тот факт, что Япония является агрессором, виновным в развязывании именно мировой войны, учитывая масштабы её агрессии в Китае и в целом в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

До пресловутой даты 1 сентября 1939 года, впрочем, как и до отстаиваемой А. Марковым даты 7 июля 1937 года, очаги уже развязанной Японией мировой войны разжигались и другими агрессорами, ставшими союзниками милитаристской Японии, – в Африке и Европе.

Гораздо логичнее, на мой взгляд, подход ряда китайских историков и официальных лиц, считающих началом Второй мировой войны именно 18 сентября 1931 года – день развёртывания японской агрессии в Маньчжурии. Мои китайские коллеги при этом справедливо задают вопрос: а что же такое было в Китае до 1 сентября 1939 года, если, по разным оценкам, Китай к этой дате с 18 сентября 1931 года уже потерял от 10 до 15 миллионов военных и гражданских лиц в результате варварской агрессии Японии? Замечу, что значительная часть их была потеряна до 7 июля 1937 года».

Таким образом, в современной российской историографии активно продвигаются две даты начала Второй мировой войны: 18 сентября 1931 г. и 7 июля 1937 г. О 1 сентября 1939 г. как о начальной дате Второй мировой войны говорится все меньше. Ряд российских историков отвергают ее вообще. Пора исправлять школьные и вузовские учебники, как и ставшую уже устаревшей цифру числа погибших во Второй мировой войне – 60 млн человек [15, с. 548]. Жертв, как и разрушений, было гораздо больше.

А вот дата окончания Второй мировой войны остается в силе. Безоговорочная капитуляция Японии подписана 2 сентября 1945 г. в Токийском заливе на борту американского линкора «Миссури». В церемонии подписания акта участвовали с японской стороны от правительства министр иностранных дел Сигэмицу и от императорской ставки генерал Й. Умэдзу. От союзных держав подписали: от имени всех союзных стран – верховный главнокомандующий генерал Д. Макартур, от США – адмирал Ч. Нимиц, от Китая – гоминдановский генерал Су Юнчан, от Великобритании – адмирал Б. Фрейзер, от Советского Союза – генерал К. Н. Деревянко, а также представители от Австрии, Франции, Голландии, Новой Зеландии и Канады. Вся церемония продолжалась 20 минут [16, с. 329–330].

Источники и литература

1. Смирнов, В. П. Краткая история Второй мировой войны / В. П. Смирнов. – М. : Издательство «Весь Мир», 2005. – 352 с.

2. Смирнов, В. П. Две войны – две победы / В. П. Смирнов. – М. : АСТ Пресс книга, 2015. – 416 с.

3. Мурхаус, Р. Дьявольский союз. Пакт Гитлера – Сталина, 1939–1941 / Р. Мурхаус. – М. : Издательство АСТ : CORPUS, 2020. – 544 с.

4. Фляйшхауэр, И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939 / И. Фляйшхауэр. – М. : Прогресс, 1990. – 480 с.

5. Нарочницкая, Н. А. Партитура Второй мировой войны. Кто и когда войну? / Н. А. Нарочницкая, В.М. Фалин и др. – М. : Вече, 2009. – 416 с.

6. Фалин, В. М. «История – наилучший учитель, а мы – нерадивые ученики» / В. М. Фалин // Вопросы истории. – 2015. – № 5. – С. 18–34.

7. Вассоевич, А. Когда же началась Вторая мировая / А. Вассоевич // Невское время. – 2015. – 4 сент. – С. 5.

8. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. – М. : ОГИЗ / Государственное издательство политической литературы, 1939. – 743 с.

9. История Востока : в 6 т. / отв. ред. Р. Г. Ланда. – М. : Вост. Литература, 2006. – Т. 5: Восток в новейшее время: 1914–1945 гг. – 717 с.

10. Молодяков, В. Э. История Японии. XX век / В. Э. Молодяков, Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарьян. – М. : Издательство «Крафт+», 2007. – 528 с.

11. Сидоров, А. Ю. История международных отношений. 1918–1939 гг. : учебник / А. Ю. Сидоров, Н. Е. Клеймёнова. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2006. – 640 с.

12. Космач, В. А. Начало и причины Второй мировой войны в современной российской историографии / В. А. Космач // Наука – образованию, производству, экономике: матер. XXI(68) региональной науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 11–12 февраля 2016 г.: в 2 т. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2016. – Т. 1. – С. 282–283.

13. Марков, А. Почему не 1937-й? Когда началась и когда закончилась Вторая мировая война / А. Марков // Завтра. – 2024. – Июль. – № 26(1589). – С. 4.

14. Зимонин, В. Когда Япония начала Вторую мировую / В. Зимонин // Завтра. – 2024. – Июль. – № 29(1592). – С. 4.

15. Мировые войны XX века : в 4 кн. / отв. ред. Е. Н. Кульков. – М. : Наука, 2020. – Кн. 3: Вторая мировая война: истор. очерк. – 597 с.

16. Ольштынский, Л. И. Разгром фашизма. СССР и англо-американские союзники во Второй мировой войне (политика и военная стратегия: факты, выводы, уроки истории / Л. И. Ольштынский. – М. : ИТРК, 2010. – 360 с.

УДК 94:327.5((47+57):430)«1941-1945»:94:327.5(476.2)«1943»

В. У. Цацарын
Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

ПАДЗЕІ БІТВЫ ЗА ДНЯПРО НА ГОМЕЛЬШЧЫНЕ

Разгледжаны асноўныя падзеі Бітвы за Дняпро – важнейшай падзеі Вялікай Айчыннай вайны. Паказана значнасць падзеі ў ходзе вызвалення тэрыторыі Савецкага Саюза ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Больш дэталёва паказаны падзеі, звязаныя з бітвай за Дняпро на тэрыторыі

БССР. Пададзена храналогія падзей Чарнігаўска-Прыпяцкай наступальнай аперацыі як часткі Чарнігаўска-Палтаўскай стратэгічнай наступальнай аперацыі. Даводзіцца, што Бітва за Дняпро – гэта важная частка, пачатак, вызвалення Беларусі ад нацысцкай акупацыі.

Бітва за Дняпро – важная падзея ў гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. Яна вылучаецца тым, што лакалізуецца на прасторы ў амаль 700 кіламетраў. Такіх маштабных фарсіраванняў рэк да таго часу гісторыя войн яшчэ не ведала. Сітуацыю для Чырвонай Арміі ўскладнялі яшчэ два моманты. Першы з іх – прыроднага характару. Дняпро – рака вялікая, глыбокая і паўнаводная. І, як рэкі, што накіраваны ў Чорнае мора, высокім берагам мае менавіта правы, заходні. У гэтым сэнсе, у 1941 годзе нацысцкім войскам было фарсіраваць Дняпро значна прасцей, бо яны наступалі з высокага берага на нізкі. Другі момант, – гэта Усходні вал: сістэма ўмацаванняў, магутная абарончая лінія, створаная ў 1943 годзе. Вядома выхваленне, прыпісваемае Гітлеру, што хутчэй вада ў Дняпры пацячэ ў адваротны бок, чым Чырвоная Армія здолее пераадолець гэтыя ўмацаванні.

Бітва за Дняпро – падзея даволі добра вывучаная і апісаная як асобнымі даследчыкамі падзей Вялікай Айчынная і Другой сусветнай войнаў, так і ў манаграфіях агульнага, калектыўнага характару. Аднак не так шмат публікацый, прысвечаных падзеям бітвы, што адбываліся на Гомельшчыне.

Тэрыторыю Гомельшчыны закранула Чарнігаўска-Прыпяцкая аперацыя (як частка больш маштабнай Чарнігаўска-Палтаўскай наступальнай аперацыі), што праходзіла з 26 жніўня па 30 верасня 1943 года. Задзейнічаны былі Цэнтральны, Варонежскі і Стэпавы фронты. Ім супрацьстаялі часткі групп армій “Цэнтр” і “Поўдзень” вермахта, злучэнні 4-га і 6-га паветраных флотаў [1, с. 555].

Нягледзячы на аптымізм фашысцкага камандавання, доўга трымаць абарону на Левабярэжжы ім не ўдалося. Да канца верасня 1943 года Чырвоная Армія з баямі прайшла каля 250–300 кіламетраў і выйшла да Дняпра. Таксама праз цяжкія і крывавыя баі, часам без належнага прыкрыцця і выкарыстоўваючы падручныя сродкі пераправы, савецкім воінам удалося захапіць важныя плацдармы на заходнім беразе Дняпра. Пачалося і вызваленне БССР. Як вядома, быў вызвалены першы раённы цэнтр рэспублікі – Камарын. Страты Чырвонай Арміі падчас Чарнігаўска-Палтаўскай аперацыі ацэньваюцца больш чым у 420 тысяч чалавек, з іх беззваротныя – больш за 102 тысячы чалавек [2, с. 597]. Страты менавіта ў Чарнігаўска-Прыпяцкай аперацыі – больш за 141 тысяча чалавек, з іх беззваротныя – больш за 33,5 тысячы чалавек.

З 25 верасня на гомельскім накірунку цяжкія баі праводзілі войскі 61-ай і 48-ай армій фронта, якім камандаваў К. К. Ракасоўскі. Да ракі Сож першым удалося выйсці падраздзяленням 65-ай арміі. Амаль штурмам ім удалося захапіць плацдарм на міжрэччы Сажа і Дняпра. Пасля гэтага перайшлі да абароны [3, с. 211]. Трымалі абарону на дваццаці кіламетрах. І было вырашана праводзіць фарсіраванне Дняпра на ўсім гэтым участку (ад Лоева да Радуля). Гэта дазволіла б захапіць некалькі плацдармаў ужо на іншым беразе Дняпра.

Для распылення намаганняў ворага чатыры стралковыя дывізіі накіравалі ў наступленне на Міхалькі і Аляксандраўку. А пяць дывізій і адну брыгаду – на фарсіраванне Дняпра на азначаным участку. Пры гэтым, галоўны ўдар наносіўся ў накірунку вёсак Каўпень і Надзвін.

На поўдзень войскі Чырвонай Арміі прасоўваліся пабатальённа ў начны час. Таму перагрупавацца ўдалося толькі 12 кастрычніка. Але гэта дало плён. Удалося стварыць перавагу над войскамі Германіі. Цяпер у Чырвонай Арміі на 20-кіламетровым плацдарме размяшчалася не адна, а чатыры стралковыя дывізіі [4, с. 44–45].

К. К. Ракасоўскі ў сваіх пасляваенных мемуарах асабліва пахваліў камандуючага гэтымі войскамі П. І. Батава за знаходлівасць і хітрасць. Па словах палкаводца, камандарм арміі Батаў справіўся з манёўрам усяго за 6 сутак. Адзін корпус (камандваў ім генерал Д. І. Самарскі) паводзіў сябе вельмі актыўна ў міжрэччы Сожа і Дняпра, адцягваючы на сябе ўсю ўвагу войск вермахта. А астатнія здолелі скрытна перайсці на новыя пазіцыі [5, с. 236]. У сваю чаргу, П. І. Батаў у мемуарах за дадзенае рашэнне хваліць начальніка штаба “сваёй” 65-ай арміі генерал-маёра І. П. Глебава [6, с. 162].

Фарсіраванне Дняпра на прызначаным участку мела вялікія цяжкасці. Сама рака была шырокай (каля 400 метраў) і глыбокай (да 8 метраў). У ворага меліся дзве лініі абароны: першая траншэя размяшчалася амаль адразу каля вады, другая – вышэй, па беразе “старыка”. Былі там зроблены і кропкі вядзення прамога артылерыйскага абстрэлу.

Разумеючы абстаноўку, кіраўніцтва, у асобе К. К. Раксаоўскага перадало 65-ай арміі амаль усе сродкі пераправы (тым не меньш, забяспечанасць імі ацэньвалася напярэдадні да пачатку аперацыі толькі на 20–25 %, таму экстранна рабіліся плыты і лодкі, на якіх абсталёўваліся месцы для прыладжвання кулямётаў, а таксама назапашвалі анучі, драўляныя заклёпкі і кубкі для вычэрпвання вады, бо засмаліць лодкі, а тым больш, даць ім высахнуць, магчымасці не было) і прыкрыцця, якія меліся ў распараджэнні. Для адцягвання ўвагі войск вермахта напярэдадні пачалі наступальныя акцыі дзве яшчэ не перагрупаваўшыяся арміі (50-ая і 3-яя). Значных вынікаў гэтае наступленнне даць

не магло, але патрэбны эффект быў ім дасягнуты [7, с. 29]. Паралельна праводзілі трэніроўкі (на азёрах Белавод, Заборская і іншых) весляроў і сапёраў (іх вучылі збіраць паромы). Нялішнімі былі і рэзервы, якія падцягнуліся з вызваленых раёнаў Украіны [4, с. 50].

Само фарсіраванне Дняпра распачалі рэактыўныя мінамёты ўранку 15 кастрычніка 1943 года. Іх падтрымалі іншыя гарматы, а крыху пазней і авіяцыя. Тут жа пачалася пераправа. Першымі ішлі найбольш падрыхтаваныя штурмавікі, якіх вылучылі з кожнага падраздзялення (каля 600 чалавек). Прыменена была і завеса з дыму.

“Першапраходцы” здолелі захапіць плацдармы глыбінёй да паўкіламетра: каля вёсак Крупейкі і Шчытцы. Пасля гэтага да фарсіравання Дняпра перайшлі асноўныя сілы 65-ай арміі. Цяжкія баі вялі розныя падраздзяленні каля вёсак Бывалькі, Крупейкі, Шчытцы, а таксама на поўдні ад Лоева. Першым з названых населеных пунктаў удалося вызваліць Шчытцы [3, с. 212].

Фашысты імкнуліся адкінуць чырвонаармейцаў назад за Дняпро. З Гомеля і міжрэчча Сожа і Дняпра былі перакінуты немалыя рэзервы (дзве пяхотныя дывізіі) [3, с. 212–213]. Аднак плёну ім гэта не прынесла. Зранку 16 кастрычніка пераправіцца праз Дняпро на ўтрымліваемы плацдарм здолелі ўсе палкі дывізій першага эшалона. Вельмі дапамагло ў гэтым будаўніцтва сапёрамі маста меньш чым за суткі ва ўмовах перыядычных абстрэлаў нямецкімі войскамі.

Лоеў быў вызвалены да вечара 16 кастрычніка 1943 года. Палітаддзел 106-ай Забайкальскай дывізіі далі справаздачу 17 кастрычніка 1943 года, што Даурскі стралковы полк абыйшоў у Лоеў, стварыўшы фашыстам пагрозу акружэння. А 263-ці Нерчынскі полк з пачынаючы з паўднёвай часткі, к вечару ачысціў Лоеў ад ворага. Было знішчана каля 400 нямецкіх ваеннаслужачых, захоплена 7 палонных, 23 гарматы, 15 мінамётаў, шмат кулямётаў, аўтаматаў, вінтовак, некалькі радыёстанцый і тэлефонных апаратаў, шмат тэлефоннага кабелю, склад рэчаў [8, с. 58]. У той жа день былі вызвалены Крупейкі і Бывалькі.

Паралельна перапраўляліся праз Дняпро іншыя вайсковыя часткі Чырвонай Арміі (усяго перад пачаткам фарсіравання войскі падзялілі на тры эшэлоны).

Немцы, каб узмацніць фронт, былі вымушаны перакідваць часткі з міжрэчча Сожа і Дняпра ў паўднёва-заходні накірунак. Але гэта ім не дапамагло: 18 кастрычніка 1943 года Чырвоная Армія вызваліла вёскі Карпаўка, Хамінка, Абакумы, Шарпілаўка, Рудня Каменева, Папоўка. Іншыя часткі савецкіх войскаў у гэты ж час ачысцілі ад ворага Мохаў, Каўпень і некаторыя іншыя вёскі [3, с. 213–214].

Чырвоная Армія падышла да так званых “надзвінскіх пазіцый”: да другой паласы абароны нямецка-фашысцкіх войскаў, што мела галоўным цэнтрам вёску Надзвін. Прарваць абарону штурмам не ўдалося. Тады К. К. Ракасоўскі быў вымушаны аддаць загад прыпыніць наступленне і дачакацца падыходу рэзерваў (чакалі пяць карпусоў) [9, с. 2].

61-ая армія (камандаваў П. А. Бялоў) была накіравана наступаць да Брагіна. Яна размясцілася на заходнім беразе Дняпра, фарсіраваўшы раку, яшчэ ў верасні 1943 года, але далей поспех не развіла. Тым не меньш, дзякуючы таму, што плацдарм быў утрыманы, цяпер можна было праводзіць наступленне. І 22 кастрычніка 1943 года часткі гэтай арміі з баямі авалодалі вёскамі Дзяражычы, Новая Лутава, Старая Лутава, Гарадок, Вазон, Райск і Міхалёўка. А 24 кастрычніка 1943 года імі былі вызвалены ад акупацыі населеныя пункты Сяўкі, Добры Рог, Трасцянец, Дуброўка, Астравы, Тучкі і Чанец.

20 кастрычніка 1943 года адбыліся перайменаванні франтоў: Варонежскі стаў называцца Першым Украінскім, Стэпавы – Другім Украінскім, Паўднёва-Заходні – Трэцім Украінскім, Паўднёвы – Чацвёртым Украінскім. Яны працягвалі Бітву за Дняпро, вызваляючы тэрыторыю УССР. Цэнтральны фронт стаў называцца Беларускім. Пад камандаваннем К. К. Ракасоўскага ён праводзіў наступальныя аперацыі на тэрыторыі Гомельшчыны: Гомельска-Рэчыцкую, Калінкавіцка-Мазырскую і Рагачоўска-Жлобінскую. Іх да бітвы за Дняпро не адносяць. Але дзякуючы іх правядзенню напачатку 1944 года значная частка цяперашняй Гомельскай вобласці была вызвалена ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў.

Такім чынам, Бітву за Дняпро можна лічыць не толькі падрыхтоўкай, але і пачаткам вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Падзеі на тэрыторыях сучасных Брагінскага і Лоеўскага раёнаў – вызваленне Камарына і фарсіраванне Дняпра каля Лоева – гэта важная частка падзей 1943 года. Яны і самі па сабе – праява гераізма воінаў Чырвонай Арміі. І падрыхтавалі вызваленне двух абласных цэнтраў БССР: Гомеля (16 лістапада 1943 года) і Мазыра (14 студзеня 1944 года).

Крыніцы і літаратура

1. Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / С. П. Платонов [и др.]; Военно-научное управление Генерального Штаба : Военно-исторический отдел. – М. : Воениздат, 1961. – 982 с.

2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. / Министерство обороны Российской Федерации. – М. : «Кучково поле», 2012. – Т. 3: Битвы и сражения, изменившие ход войны / М. В. Виниченко [и др.]. – 2012. – 864 с.

3. Памяць. Лоеўскі раён: гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / укладальнікі В. П. Крупейчанка [і інш]. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2000. – 588 с.
4. Батов, П. И. Форсирование рек. 1942–1945 гг. / П. И. Батов. – М. : Воениздат, 1986. – 158 с.
5. Рокоссовский, К. К. Солдатский долг / К. К. Рокоссовский. – 5-е изд. – М. : Воениздат, 1988. – 367 с.
6. Батов, П. И. В походах и боях / П. И. Батов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Воениздат, 1974. – 528 с.
7. Свинтицкий, Ф. А. Лоевский плацдарм / Ф. А. Свинтицкий. – Могилёв : МГУП, 2014. – 235 с.
8. Долатаў, А. С. Дапаможнік па краязнаўству Лоеўшчыны / А. С. Долатаў. – Лоеў : Карані, 2002. – 81 с.
9. Лизарев, А. Битва за Днепр: начало освобождения / А. Лизарев // Гомельская праўда. – 2009. – 2 ліпеня. – С. 2.

УДК 94(476))«1944»

С. А. Елизаров
Гомельский государственный технический
университет имени П. О. Сухого

БЕЛОРУССКАЯ ССР 1944 ГОДА: СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ГРАНИЦА – АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ

В статье рассматриваются изменения в областном административно-территориальном делении Белорусской ССР в первый год после полного освобождения республики от немецко-фашистских захватчиков. Отмечается, что эти изменения определялись общей линией высшего союзного руководства на дробление административно-территориального деления для усиления контроля и оперативного управления процессами послевоенного возрождения в условиях продолжавшейся войны. В Белорусской ССР этот процесс стимулировался ещё и внешнеполитическими обстоятельствами, связанными с изменением советско-польской границы.

Великая Отечественная война потребовала перестройки всех сфер жизни советского общества, в том числе и создания соответствующей военным условиям системы управления, в том числе и реорганизации административно-территориального деления как неотъемлемого его

элемента. Однако данная проблема в современной российской и белорусской историографии находятся на дальней периферии научных интересов и ограничиваются преимущественно справочными сведениями краеведческого характера. В связи с этим представляет научный интерес исследование проблемы советских административно-территориальных реорганизаций в годы Великой Отечественной войны, их мотивы и механизмы реализаций. В представленной статье предпринята попытка рассмотреть это на примере административно-территориальной реорганизации на освобожденных от немецко-фашистской оккупации территории Белорусской ССР.

С 1943 г. в СССР возобновилась довоенная практика разукрупнения административно-территориальных единиц как следствие проводившейся политики «приближения органов управления к местам», расширения «вертикали власти», регламентации всех сфер деятельности общества. Эта линия в 1930-е гг. проявилась главным образом в разукрупнении больших («госплановских») административно-хозяйственных областей, созданных в 1920-е гг. преимущественно на основе принципов экономического районирования и представлявших собой относительно законченные производственно-территориальные комплексы. С укреплением централизации руководства экономикой функции таких «госплановских» областей и краев, а также и приравненных к ним союзных республик, постепенно переходили в руки союзных отраслевых наркоматов, которые стали руководить крупными промышленными предприятиями непосредственно из центра. За республиками и областями сохранялись прежде всего административные функции, управление местным хозяйством и социально-культурной сферой. В 1934–1937 гг. были разукрупнены Северо-Кавказский, Нижне-Волжский, Горьковский (Нижегородский), Средне-Волжский, Западно-Сибирский, Азово–Черноморский и Восточно-Сибирский края, крупные Московская, Западная, Ленинградская, Северная, Московская, Воронежская области, а также ряд других областей РСФСР и УССР [1, с. 52; 2].

К началу Великой Отечественной войны все «госплановские» области разукрупнили и на время этот процесс приостановился.

Но с января 1943 г. в СССР вновь началось разукрупнение, но уже этих административных областей. Пик пришелся на март–август 1944 г., когда в СССР появились 22 новых области, в том числе 9 на территориях, освобожденных от нацистской оккупации: Брянская область была создана путем выделения из состава Орловской области, Новгородская (площадь 50,9 тыс. км^2) – из Ленинградской области, Псковская (30 тыс. км^2) – за счет части территорий Ленинградской

и Калининской областей, Великолукская (42,7 тыс. км^2) – части территорий Калининской, Смоленской и Новгородской областей, Калужская область (30,0 тыс. км^2) – части территорий Смоленской. Тульской. Московской и Оровской областей, Херсонская (24,7 тыс. км^2) – за счет частей Запорожской и Николаевской областей [3, с. 7–53].

Три новые области (Бобруйская, Гродненская и Полоцкая) образовались на освобожденной территории Белорусской ССР. Формальное обстоятельство, потребовавшее корректировки довоенного административно-территориального деления Белорусской ССР, было связано с внешнеполитическими факторами – определением послевоенной советско-польской границы. 11 января 1944 г. в заявлении правительства СССР о советско-польских отношениях говорилось о возможности пересмотра советско-польской границы на основе «линии Керзона», рекомендованной в ноте лорда Керзона в декабре 1919 г. странами Антанты как линия восточной границы Польшы [4, с. 22]. Эту же позицию центрального руководства СССР продублировал в своем докладе на VI сессии Верховного Совета БССР (март 1944 г.) Председатель Президиума Верховного Соввета БССР Н. Я. Наталевич [5, с. 223–224].

В тое время польское эмигрантское правительство в Лондоне твердо стояло на позиции возвращения довоенной советско-польской границы с включением в состав возрожденной Польши территорий Западной Белоруссии и Западной Украины. Такая неуступчивость привела к созданию в Москве в июне 1944 г., после освобождения части польской территоиии, еще одного правительства Польши – Польского комитета национального освобождения (ПКНО), ориентированного на СССР. 27 июля 1944 г. между правительством СССР и ПКНО было подписано соглашение о советско-польской границе. в соответствии с которым обе стороны соглашались с проведением границы по «линии Керзона» с отступлением от неё в пользу Польши части территорий, расположенных к востоку от этой линии. Данное соглашение было закреплено Договором между СССР и Польской Республикой о советско-польской границе (август 1945 г.) [4, с. 156, 541].

В результате от Белорусской ССР в состав Польши отошли 17 районов Белостокской (в том числе 2 из 3 городов областного подчинения) и 3 района Брестской областей. Территория БССР сокращалась с довоенных 225,7 до 207,6 тыс. км^2 [6, с. 215; 7, с. 232].

В БССР от Белостокской области остались только 6 из 23 районов общей площадью в 5 620 км^2 (примерно 25 % прежней территории области) и населением (по данным на начало 1940 г.) в 291 216 человек (около 22,5 % всего населения области). Потери Брестской области

были менее существенные: её территория сократилась на 18 %, численность населения – на 19 %. В составе Брестской области осталось 15 районов общей площадью 14 100 км^2 с населением 607 156 человек (подсчитано автором по: [6, с. 217–220; 7, с. 236–242]).

Реорганизация областного районирования западных территорий БССР стимулировала процесс разукрупнения восточных областей республики, в первую очередь Могилевской (территория 29,1 тыс. км^2), Минской (28,3 тыс. км^2), Витебской (28,1 тыс. км^2), Полесской (24,6 тыс. км^2). Этого требовала, как указанная выше официальная линия на «улучшение повседневного руководства и обслуживания нужд и запросов населения», так и потребности быстрейшего восстановления, разрушенного войной хозяйства.

Немалую роль сыграла деятельность на освобожденной территории антисоветских вооружённых формирований, слабость советского идеологического влияния и последствия воздействия нацистской пропаганды в период оккупации на население республики, особенно ее западных областей. Уже в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1 января 1944 г. «О ближайших задачах СНК БССР и ЦК КП(б) Белоруссии» говорилось о необходимости белорусским властям в своей работе учитывать, «что население освобожденных районов Белоруссии длительное время жило в условиях немецкой оккупации, лживой фашистской пропаганды и было лишено правдивой советской информации» [8, с. 485–489].

25 августа 1944 г. Бюро ЦК КП(б)Б приняло решение об образовании Бобруйской, Гродненской и Полоцкой областей. Одновременно предлагалось областной центр Вилейской области перенести из г. Вилейка в более крупный промышленный город и железнодорожный центр Молодечно с соответствующим переименованием Вилейской области в Молодечненскую [9, л. 5–10].

По воспоминаниям первого секретаря ЦК КП(б))Б П. К. Пономаренко, инициатива создания новых областей в БССР на оперативных направлениях времен двух мировых войн и советско-польской войны принадлежала И. В. Сталину [10, с. 156]. Вместе с тем в отчёте ЦК КП(б)Б в ЦК ВКП(б) эта инициатива подаётся как предложение ЦК КП(б)Б: «ЦК КПБ в свете уроков войны считал необходимым поднять значение этих исторически сложившихся городов как стратегически важных центров, лежащих на главных оперативных направлениях и развить эти города в промышленном и культурном отношениях» [11, л. 35]. Сомнительно, что в тех условиях предложение И. В. Сталина руководство ЦК КП(б)Б решилось бы присвоить себе. Кроме того, по словам П. К. Пономаренко, И. В. Сталин предложил

образовать 4 области – Барановичскую, Бобруйскую, Молодечненскую и Полоцкую [10, с. 157]. Однако Барановичская область была создана ещё в 1939 г., существовала и Молодечненская (под названием «Вилейская»).

Как видно, выбор центров вновь образованных областей определялся прежде всего логикой ещё продолжавшейся войны. К тому же Полоцк и Бобруйск в 1920-е гг. уже были окружными центрами, а Гродно по всем признакам наилучшим образом подходил как центр новой области – до войны Гродно был вторым после Белостока по величине и промышленному значению городом западных областей БССР.

Отдельно необходимо остановиться на проблеме образования Полоцкой области. По воспоминаниям П. К. Пономаренко, в Политбюро ЦК ВКП(б) был существовал проект образования Полоцкой области в составе РСФСР. Инициаторами такого решения П. К. Пономаренко называет Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева. Вопрос этот, как утверждал П. К. Пономаренко, обсуждался на встрече с И. В. Сталиным 14 августа 1944 г. и ему (П. К. Пономаренко) удалось убедить И. В. Сталина в необходимости сохранить новую область в составе БССР. При этом главным аргументом П. К. Пономаренко стало то, что «это не будет понято народом и многих обидит», после чего И. В. Сталин сказал: «Полоцкую область надо образовать, но в составе Белоруссии. Народ хороший и обижать его, действительно, не следует» [10, с. 156–159].

Российский исследователь Ю. А. Борисёнок в Архиве Президента Российской Федерации обнаружил проекты постановления ЦК ВКП(б) «Об образовании в составе РСФСР Полоцкой области» и соответствующего указа Президиума Верховного Совета СССР [12, с. 126–127]. 17 июля 1944 г. эти документы, подписанные Г. М. Маленковым, А. А. Андреевым, А. С. Щербаковым, А. А. Ждановым, были представлены И. В. Сталину. Область предполагалось создать за счёт разукрупнения Витебской и Вилейской областей БССР и Калининской области РСФСР. Ю.А. Борисёнок считает, что проект Полоцкой области РСФСР связывался прежде всего с решением вопросов социально-экономических: область проектировалась вдоль железной дороги Бологое – Седлец с Полоцком, Великими Луками и Торопцом (Калининская область), как важнейшими станциями, и должна была обеспечить ресурсами постблокадный Ленинград [12, с. 128]. Эта версия представляется достаточно перспективной. При этом необходимо учитывать, что «полоцкий проект» являлся лишь частью указанного выше плана массового разукрупнения областей на освобожденных от немецко-фашистской оккупации территориях РСФСР с целью

быстрейшего восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Кроме Полоцкой области изменение межреспубликанских границ предусматривал осуществлённый на практике вариант создания Псковской области с включением в её состав части территорий Латвии и Эстонии. Поэтому и проект образования Полоцкой области в составе РСФСР при существовавшей системе принятия решений по территориальным вопросам представлялся его инициаторам вполне реальным.

Можно согласиться с утверждением Ю. А. Борисёнка, что решающую роль в отказе от создания Полоцкой области в составе РСФСР сыграли внешнеполитические факторы («польский вопрос») [12, с. 128–129]. Проект был подготовлен до принятия решения о передаче Польше большей части Белостокской и части Брестской областей БССР. После подписания советско-польского соглашения 27 июля 1944 г. ещё одно значительное сокращение территории БССР с политической точки зрения стало рассматриваться нецелесообразным и Полоцкая область формировалась в составе БССР. Кроме того, передача Полоцкой области в состав РСФСР стала бы опасным прецедентом и могла бы стимулировать новые предложения об изменениях межреспубликанских границ в масштабе всего СССР.

В сентябре 1944 г. ЦК КП(б)Б направил в ЦК ВКП(б) проект образования в составе республики трех новых областей – Бобруйской, Гродненской и Полоцкой за счёт разукрупнения Могилевской, Минской, Полесской, Брестской, Барановичской, Витебской, Вилейской областей и оставшихся в составе БССР районов бывшей Белостокской области. Одновременно предлагалось центр Вилейской области переместить в более экономически развитый город и железнодорожный центр Молодечно с переименованием Вилейской области в Молодечненскую [13, л. 92–95]. 19 сентября 1944 г. белорусские предложения были одобрены Политбюро ЦК ВКП(б) [14, л. 11].

В советском порядке административно-территориальная реорганизация в БССР была оформлена Постановлением Президиума Верховного Совета БССР и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1944 г. [15, с. 56].

Таким образом, и в годы Великой Отечественной войны в административно-территориальном делении продолжалась (в первую очередь на областном уровне) прежняя линия на дробление административно-территориальных единиц. Решающими стали мотивы усиления контроля и оперативного управления в условиях послевоенного возрождения, для чего использовали уже привычное дробление административно-территориальных единиц. В Белорусской ССР этот процесс стимулировался ещё и внешнеполитическими обстоятельствами,

связанными с изменением советско-польской границы. В республике реорганизация с точки зрения совершенствования системы размещения производительных сил значительных оснований не имела, а даже нарушала сложившиеся экономические связи.

Источники и литература

1. Лужин, А. В. Административно-территориальное устройство Советского государства / А. В. Лужин. – М. : Юрид. лит., 1969. – 172 с.
2. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. – 1937. – № 61. – Пост. 267; № 63. – Пост. 27–276; № 66. – Пост. 298–302.
3. Дополнение к справочнику «Административно-территориальное деление союзных республик», выпуска 1941 г. (Изменения, происшедшие за период с 1 января 1941 г. по 1 октября 1944 г.). – М. : Изд-во «Известий Советов депутатов трудящихся СССР», 1944. – 110 с.
4. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 14 т. – М. : Наука, 1974. – Т. VIII: Январь 1944 г. – декабрь 1945 г. – 684 с.
5. Шестая сессия Верховного Совета БССР, 21–24 марта 1944 г. Стенографический отчёт. – Минск : Госиздательство БССР, Ред. полит. лит-ры. 1946. – 310 с.
6. СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1941 г. – М. : Ведомости Верхов. Совета РСФСР, 1941. – 436 с.
7. СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1946 г. – М. : Изв. Президиума Верхов. Совета СССР, 1946. – 484 с.
8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986 гг.) : в 16 т. 9-е изд., доп. и испр. – М. : Политиздат, 1985. – Т. 7: 1943–1945. – 576 с.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 62.
10. Куманев, Г. А. Рядом со Сталиным / Г. А. Куманев. – Смоленск : Русич, 2001. – 528 с.
11. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 29. Д. 521.
12. Борисёнок, Ю. А. «Этот город называется Полоцк…». Проблема границы между БССР и РСФСР в первые десятилетия советской власти / Ю. А. Борисёнок // Родина. – 2012. – № 1. – С. 122–130.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. Оп. 122. Д. 83.

14. РГАСПИ. – Ф. 17. Оп. 3. Д. 82.
15. Свод законов Белорусской ССР. – Минск : Беларусь, 1984–1988. – Т. 1. – 1984. – 474 с.

УДК 327(476)(091)

У. Е. Снапкоўскі
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

СУМЕСНЫ ШЛЯХ БЕЛАРУСІ І УКРАІНЫ Ў ААН: РЭТРАСПЕКТЫЎНЫ ДЫСКУРС

У артыкуле раскрываецца рэтраспектыўны дыскурс вывучэння праблемы першапачатковага членства савецкіх саюзных рэспублік у ААН у савецкай і постсавецкай гістарыяграфіі. Паказваюцца дасягненні беларускай і ўкраінскай школ у справе даследавання праблемы "Саюзныя рэспублікі і савецкая дыпламатыя ў гады Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай вайны". Аўтар характарызуе асабісты ўклад у распрацоўку праблемы, якой займаецца з канца 1980-х гг., праз спасылкі на навуковыя, вучэбныя і энцыклапедычныя працы і рэцэнзіі на свае манаграфіі ў замежным друку (ФРГ і Расійскай Федэрацыі).

У савецкай гістарыяграфіі галоўнымі прычынамі ўключэння Украінскай ССР і Беларускай ССР (манавіта ў такім парадку, усталяваным на Ялцінскай і пацверджаным на Сан-Францыскай канферэнцыях, ішлі тады назвы гэтых дзвюх саюзных рэспублік) у склад першапачатковых дзяржаў-членаў Арганізацыі Аб'яднаных Нацый лічыліся вялікія ахвяры, якія яны панеслі ў выніку нападу нацысцкай Германіі на СССР, і істотны ўклад украінскага і беларускага народаў у барацьбу Аб'яднаных Нацый супраць фашызму. Гэта аргументацыя, упершыню выкарыстаная народным камісарам замежных спраў СССР В. М. Молатавым на Ялцінскай канферэнцыі, да канца 1980-х гадоў вызначала трактоўку савецкай, у тым ліку беларускай і ўкраінскай гістарыграфіяй пытання аб першапачатковым членстве савецкіх саюзных рэспублік у ААН. Айчынныя гісторыкі як з цэнтральных, так і рэспубліканскіх навуковых устаноў гэта пытанне адмыслова не даследавалі і выкарыстоўвалі напрацоўкі спецыялістаў у галіне міжнароднага права, якія закраналі гэту тэматыку ў публікацыях па гісторыі стварэння ААН [1; 2]. Прычым першым сярод савецкіх юрыстаў-міжнароднікаў, які ў 1963 г. прысвяціў спецыяльны навуковы артыкул пытанню аб першапачатковым

членстве Беларускай ССР у ААН, быў беларускі вучоны Ю. П. Броўка [3]. У 1966 г. украінскі даследчык міжнароднага права К. С. Забігайла апублікаваў артыкул пра ўдзел Украінскай ССР у выпрацоўцы Статута ААН [4]. Сярод савецкіх гісторыкаў прыярытэт у даследаванні тэматыкі першапачатковага членства УССР і БССР належаў украінскім вучоным В. С. Кавалю [5; 6] і М. М. Белавусаву [7], якія апублікавалі свае працы таксама ў сярэдзіне 1960-х гадоў.

У 1994 г. у рэчышчы запаўнення "белых плям" айчыннай, беларускай гісторыі з'явілася першае манаграфічнае даследаванне ў гістарыяграфіі постасавецкіх дзяржаў, прысвечанае апісанню складанага і цярністага шляху БССР і УССР у ААН, выканае беларускім аўтарам У. Е. Снапкоўскім [8]. Кніга з'явілася як частка доктарскай дысертацыі, абароненай у Інстытуце гісторыі НАН Беларусі ў 1993 г. [9].

Праца атрымала станоўчую рэцэнзію ў аўтарытэтным заходнегерманскім выданні "Штогоднік гісторыі Усходняй Еўропы", напісаную дактарантам Цюбінгенскага ўніверсітэта Р. Ліндэнерам (1997 г.) [10]. Рэцэнзент адзначыў наватарскі характар манаграфіі на тэму, якую раней не маглі закранаць у беларускай гістарыяграфіі. Цытата: "Аўтар гэтай кнігі з'яўляецца супрацоўнікам самай маладой кафедры (міжнародных адносін!) гістарычнага факультэта Мінскага ўніверсітэта і належыць да пакалення даследчыкаў, якія стаяць на мяжы эпох. Таму не вельмі дзіўна, што ў абранай ім праблеме савецкая і нацыянальная гісторыя своеасаблівым чынам перасякаюцца". Сярод недахопаў рэцэнзент указаў на вузасць архіўнай базы, бо аўтар сапраўды выкарыстаў толькі некалькі матэрыялаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь.

Агульная выснова рэцэнзіі гучыць наступным чынам: "Дадзеная праца не можа папоўніць дэфіцыт архіўных даследаванняў па савецкай знешняй палітыцы 1940-х гадоў. Яе заслуга для беларускай гістарыяграфіі, безумоўна, заключаецца ў тым, што яна ўпершыню на аснове лёгка даступных заходніх дакументаў выявіла пазіцыі і дзейныя асобы ў гульні сіл вакол еўрапейскага пасляваеннага парадку. Акрамя таго, у сувязі з 50-годдзем Арганізацыі Аб'яднаных Нацый у Беларусі ўпершыню з'явілася сур'ёзная работа аб яе ўступленні ў сусветную арганізацыю". Адбітак нечаканай і прыемнай для аўтара рэцэнзіі Р. Ліндэнер перадаў пры асабістым знаёмстве падчас міжнароднай навуковай канферэнцыі ў Гарвардскім універсітэце ў красавіку 1999 г. Праз год я "адплаціў" разгорнутай рэцэнзіяй на яго фундаментальную працу пра гістарычную палітыку і лёсы гісторыкаў у Беларусі [11].

Працягам кнігі пра шлях Беларусі ў ААН стала манаграфія пра знешнепалітычную дзейнасць БССР у 1944–1953 гг. [12]. У ёй апісаны

заключны этап гэтага крыху драматычнага і ўхабістага пуці, прысвечаны Сан-Францыскай канферэнцыі. Гэта кніга – фактычна другая частка доктарскай дысертацыі. Назва дзяржавы ў тытуле “Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі” адлюстроўвае тагачаснае (1997 г.) стаўленне рэдакцыі выдавецтва “Навука і тэхніка” да гістарычнай спадчыны Беларускай ССР, якую тады пазітыўна не жадалі прымаць і параілі замяніць на нейтральную назву “Беларусь”.

У наступныя гады аўтар развіваў, пашыраў і паглыбляў тэму першапачатковага членства савецкіх саюзных рэспублік у новай міжнароднай арганізацыі і на пасляваенных міжнародных канферэнцыях у навуковых артыкулах [14; 15] і беларускіх энцыклапедычных выданнях [16; 17]. Гэта тэма знайшла асобнае і годнае таму адлюстраванне ў падручніках па знешнепалітычнай гісторыі Беларусі [18; 19; 20] і гісторыі міжнародных адносін, выдадзеных у БДУ [21]. У вучэбнай праграме дысцыпліны “Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі”, якая чытаецца на факультэце міжнароных адносін БДУ з 1993–1994 навучальнага года, тэматыка ўключэння саюзных рэспублік, перш за ўсе БССР і УССР у склад дзяржаў-стваральніц ААН, таксама знаходзіць сваё пачэснае месца. Прысутнічае яна на семінарскіх занятках, у экзаменацыйных білетах, у тым ліку ў выпускных дзяржаўных экзаменах [22; 23].

У пачатку 2020-х гг. аўтар вярнуўся да любімай тэматыкі, якая шырока гучыць як “Другі выхад Беларусі на міжнародную арэну ў заключны перыяд Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай вайны” і “Праблема прадстаўніцтва саюзных рэспублік у міжнародных адносінах ў заключны перыяд вайны і пасляваенны час”. Гэтаму прысвечаны дзве апошнія манаграфіі “Белорусская ССР в ООН: отряд советской дипломатии в действии” (2021 г.) [24] і “Союзные республики и советская дипломатия: из истории борьбы СССР за первоначальное членство УССР и БССР в ООН (1943–1945 гг.)” (2022 г.) [25]. У апошняй кнізе, якая выдадзена БДУ сумесна з Інстытутам Еўропы РАН і з прадмовай дырэктара інстытута члена-карэспандэнта РАН Ал. А. Грамыкі, улічана заўвага Р. Ліндnера пра вузасць архіўнай базы. Другая яе частка змяшчае падборку са 105 дакументаў і матэрыялаў, у тым ліку з архіваў Беларусі, Вялікабрытаніі, Расіі і Украіны. У кнізе аўтар падводзіць вынікі свайго 40-гадовага вывучэння ўдзелу саюзных рэспублік, перш за ўсё БССР, у знешнепалітычнай і дыпламатычнай дзейнасці Совецкага Саюза. Праведзенае даследаванне, якое дапаўняецца главой з падборкай дакументаў знешняй палітыкі СССР, США, Вялікабрытаніі і іншых дзяржаў, мае, як адзначаецца ў рэцэнзіях, наватарскі характар. Абедзве працы атрымалі станоўчыя рэцэнзіі ў беларускім і расійскім друку [26; 27; 28].

У рэцэнзіі прафесара Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта М. М. Мязгі адзначана: “Рецензируемая монография подготовлена с использованием широкого круга исторических источников. Ее автор глубоко изучил и обобщил белорусскую, российскую, украинскую и западную историографию по теме. Это позволило В. Е. Снапковскому внести существенный вклад в изучение истории советской внешней политики в годы Второй мировой войны, открыть новую страницу в изучение такого аспекта советской дипломатии, как борьба за включение Белоруссии и Украины в число учредителей ООН, а также начального этапа внешнеполитической деятельности БССР и УССР в связи с созданием международной организации” [26, с. 213].

Можна сказаць, што аўтарскі прыярытэт у даследаванні праблемы першапачатковаха членства саюзных рэспублік у ААН прызнаны ў акадэмічным супольніцтве, аб чым кажуць прыведзеныя вышэй рэцэнзіі і аўтарскія манаграфічныя, вучэбныя і энцыклапедычныя працы. Але ў абагульняючых гістарычных выданнях гэтая важная для беларускай гістарычнай навукі тэма неяк абыходзіцца. У 4 томе “Гісторыі беларускай дзяржаўнасці” (2019 г., на рускай мове) у раздзеле пра знешнепалітычную дзейнасць БССР у 1940-я гг. вельмі коратка (два абзацы!) сказана пра ўдзел беларускай дэлегацыі ў Сан-Францыскай канферэнцыі 1945 г. [29, с. 528]. На гэтым апісанне тэмы, як Беларусь апынулася ў складзе сусветнай арганізацыі, скончылася. Прыярытэт беларускай школы вывучэння праблемы “Саюзныя рэспублікі і савецкая дыпламатыя ў гады Другой сусветнай і Вялікай Айчынная вайны”, які прызнаны ў замежнай гістарыяграфіі, трэба замацоўваць і пашыраць у беларускай гістарычнай навуцы.

Крыніцы і літаратура

1. Коровин, Е. А. Конференция Объединенных Наций и международная безопасность (От Думбартон-Окса до Сан-Франциско) / Е. А. Коровин. – М. : Лекционное бюро при ВКВШ, 1945. – 28 с.

2. Крылов, С. Б. История создания Организации Объединенных Наций. Разработка текста Устава ООН (1944–1945 гг.). 2 доп. изд. / С. Б. Крылов. – М. : Изд-во ИМО, 1960. – 343 с.

3. Броўка, Ю. П. Да пытання аб удзеле Беларускай ССР у стварэнні Арганізацыі Аб’яднаных Нацый / Ю. П. Броўка // Весці АН БССР. Серыя грамад. навук. – 1963. – № 2. – С. 115–125.

4. Забигайло, К. С. К истории участия Украинской ССР в выработке Устава ООН / К. С. Забигайло // Советский ежегодник международного права. 1964–1965. – М. : Наука, 1966. – С. 123–133.

5. Коваль, В. С. В роки фашистської навали: Україна в міжнародних віндосінах у період Велікой Витчизняной війни / В. С. Коваль. – Київ : Держполітвидав, 1963. – 70 с.

6. Коваль, В. С. Міжнародний імперіалізм і Україна. 1941–1945 / В. С. Коваль. – Київ : Навукова думка, 1966. – 268 с.

7. Білоусов, М. М. Рішення Ялтинськой конференції про участь УРСР та БРСР в ООН / М. М. Білоусов // Український историчний журнал. – 1965. – № 2. – С. 117–119.

8. Снапковский, В. Е. Путь Беларуси в ООН. 1944–1945 гг. / В. Е. Снапковский. – Минск : Навука і тэхніка, 1994. – 141 с.

9. Снапковский, В. Е. Внешнеполитическая деятельность Белорусской ССР (1944–1953 гг.). Автореф. дис… д-ра ист. наук. Мн., Институт истории АН Беларуси, 1992. – 45 с.

10. Lindner, R. Рэцэнзія на кн. Снапковский, В. Е. Путь Беларуси в ООН. 1944–1945 гг. // Jahrbűcher fűr Geschichte Osteuropas. – 1997. – № 2. – S. 335–336.

11. Снапкоўскі, У. Е. Беларускі гісторык пад прыгнётам улады: беларуская гістарыяграфія XIX–XX ст. вычыма нямецкага даследчыка. Рэц. на кн.: Rainer Lindner. Historiker und Herrschaft: Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weissrussland im 19. und 20. Jahrhundert (Гісторык і улада: Фармаванне нацыі і палітыка адносна гістарычнай навукі ў Беларусі ў XIX і XX ст.). – Munchen : R. Oldenburg Verlag, 1999. 536 s. / У. Е. Снапкоўскі // Беларускі гістарычны агляд. – Т. 7. Сшытак 1 (12). – Чэрвень 2000. – С. 214–227.

12. Снапкоўскі, У. Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі: 1944-1953 гг. / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : Беларуская навука, 1997. – 207 с.

13. Снапковский, В. Е. О советском требовании включить ряд союзных республик в состав Комиссии Объединенных Наций по военным преступлениям (июль –декабрь 1943 г.) / В. Е. Снапковский // Труды Факультета международных отношений. Науч. сб. Вып. 2. – Минск : БГУ, 2011. - С. 29–32.

14. Снапкоўскі, У. Е. Шлях у ААН: Беларуская ССР – заснавальніца Арганізацыі Аб’яднаных Нацый / У. Е. Снапкоўскі // Беларуская думка. –2015. – № 5. – С. 77–82.

15. Снапкоўскі, У. Е. Ад Думбартон-Оксе да Сан-Францыска: этапы ўключэння Беларускай ССР у склад першапачатковых членаў Арганізацыі Аб’яднаных Нацый / У. Е. Снапкоўскі // Беларусь в геополитических процессах XX – начала XXI в.: Сборник научных статей / редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2017. – С. 162–178.

16. Снапкоўскі, У. Е. Сан-Францыская канферэнцыя 1945 г. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск : БелЭн, 2001. – Т. 6. Кн. 1: Пузелі-Усая. – С. 221–222.

17. Снапкоўскі, У. Е. Беларусь – адна з заснавальніц Арганізацыі Аб'яднаных Нацый / У. Е. Снапкоўскі // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. – Мінск : БелЭн, 2004. – Том 18. Кн. 2: Рэспубліка Беларусь. – С. 713–716.

18. Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: Вучэб. дапам. для студэнтаў фак. міжнар. адносін: у 2 ч. / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : БДУ, 2004. – Ч. 2: Ад канца ХУІІІ да пачатку ХХІ ст. – 303 с.

19. Снапковский, В. Е. История внешней политики Беларуси / В. Е. Снапковский. – Минск : БГУ, 2013. - 495 с.

20. Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: дапаможнік / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : БДУ, 2023. – 383 с.

21. Снапковский, В. Е. Беларусь в международных отношениях в 1918–1945 гг. / В. Е. Снапковский // История международных отношений: учеб. пособие : в 4 ч. – Минск : БГУ, 2007. – Ч. 2. – С. 306–379.

22. Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: Вучэбная праграма і планы семінарскіх заняткаў: для студ. спец. 1-23 01 01 «Міжнародныя адносіны» / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : БДУ, 2005. – 45 с.

23. Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: Вучэбная праграма і планы семінарскіх заняткаў: для студ. спец. 1-23 01 03 «Лінгвакраіназанўства», 1–24 01 01 «Міжнароднае права», 1–25 01 03 «Міжнародныя эканамічныя адносіны», 1–26 02 10 «Міжнародны турызм». / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : БДУ, 2005. – 34 с.

24. Снапковский, В. Е. Белорусская ССР в ООН: отряд советской дипломатии в действии / В. Е. Снапковский. – Минск : Право и экономика, 2021. – 318 с.

25. Снапковский, В. Е. Союзные республики и советская дипломатия: из истории борьбы СССР за первоначальное членство УССР и БССР в ООН (1943–1945 гг.) / В. Е. Снапковский / БГУ, Институт Европы РАН, Ассоциация внешнеполитических исследований имени А. А. Громыко. – Минск : Право и экономика, 2022. – 366 с.

26. Мезга, Н. Н. Страницы борьбы советской дипломатии за членство УССР и БССР В ООН / Н. Н. Мезга // Современная Европа. – 2023. – № 3. – С. 210–213.

27. Стрелец, М. В. Как Советская Белоруссия и Советская Украина стали членами ООН: К мнению Минска и Киева при этом не слишком прислушивались / М. В. Стрелец // Независимое военное обозрение. 2023. 15 июня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

file:///C:/Users/user/Desktop/рэц%2023/Как%20Советская%20Белоруссия%20и%20Советская%20Украина%20стали%20членами%20ООН%20_%20Реалии%20_%20Независимая%20газета.html – Дата доступа: 20.05.2024.

28. Селиванов, А. В. Исследование роли БССР в Организации Объединенных Наций / А. В. Селиванов, М. В. Стрелец // Журнал международного права и международных отношений. – 2023. – № 2 (105). – С. 51–55.

29. Великий, А. Ф. Белорусская государственность в геополитических процессах 1945–1953 гг. / А. Ф. Великий, А. В. Тихомиров // История белорусской государственности: в 5 т. Отв. ред. Н. Б. Нестерович. – Минск : Беларуская навука, 2019. – Т. 4: Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.). – С. 496–540.

УДК 94:327.7:341.123«1945»

А. С. Лапицкий, Е. Н. Дубровко
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

А. А. ГРОМЫКО И ИДЕЯ СОЗДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ

Статья посвящена выявлению и характеристике роли советского дипломата А. А. Громыко в разработке идеи создания международной организации безопасности на исходе Второй мировой войны. Показано, что эта роль заключалась в непосредственном участии А. А. Громыко в конференциях, в ходе которых обсуждалась идея будущей международной организации, и отстаивании позиций СССР и БССР в ходе дипломатических переговоров.

Сегодня в условиях трансформации системы международных отношений всё чаще звучат разговоры о необходимости реформирования её ключевых элементов, в том числе и такой масштабной организации как ООН. Такая ситуация актуализирует новое обращение к изучению и осмыслению процесса и обстоятельств появления Организации Объединённых Наций на исходе Второй мировой войны. В представленной статье сделана попытка выявить и охарактеризовать роль советского дипломата А. А. Громыко в разработке идеи создания ООН.

Уроженец Гомельщины Андрей Андреевич Громыко в годы Великой Отечественной войны был послом СССР в США с 1943 года. В 1944 году возглавлял делегацию СССР на международной конференции в Думбартон-Окс в Вашингтоне по проблеме создания Организации Объединённых Наций. В последующие годы входил в состав и возглавлял делегации СССР на 22 сессиях Генеральной Ассамблеи ООН.

Когда впервые зародилась идея создания международной организации после Второй мировой войны, сказать сложно. Но вопрос о создании международной организации был поднят ещё во время Московской конференции с 19 по 30 октября 1943 года. В документе от 26 октября 1943 года впервые была зафиксирована идея о создании комиссии трёх держав для совместной разработки вопросов, связанных с учреждением Всеобщей международной организации [1, с. 31]. 1 ноября 1943 года был подписан секретный протокол, в котором было подтверждено начало работы по созданию комиссии трёх держав. Чуть позже в донесении А. А. Громыко также говорилось, что было бы желательно приступить к разработке планов международной организации. В этом донесении также были приведены слова заместителя секретаря США Данна о том, что на первой стадии работа будет скорее на техническом уровне и все наброски будут рассмотрены как предварительные [1, с. 32]. На конференции была подписана Декларация по вопросу о всеобщей безопасности, которая заложила основы ООН [2, с. 90].

Следующим шагом стала Тегеранская конференция, проходившая с 28 ноября по 1 декабря 1943 года. Во время конференции была подписана Декларация трёх держав. В этом документе впервые говорилось о стремлении к сотрудничеству между всеми странами-участницами Объединённых наций после окончания войны: «Что касается мирного времени, то мы уверены, что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных Нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранит бедствия и ужасы войны на многие поколения. Совместно с нашими дипломатическими советниками мы рассмотрели проблемы будущего. Мы будем стремиться к сотрудничеству и активному участию всех стран, больших и малых, народы которых сердцем и разумом посвятили себя, подобно нашим народам, задаче устранения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости. Мы будем приветствовать их вступление в мировую семью демократических стран, когда они пожелают это сделать» [3].

Однако участие в Тегеранской конференции А. А. Громыко не принимал, только в её организации. Андрей Андреевич принимал

участие в двух последующих конференциях «большой тройки»: в Ялте и Потсдаме. Также А. А. Громыко был главой советской делегации на конференции в Думбартон-Оксе.

Международная конференция, обсуждавшая послевоенное устройство мира, в которой А. А. Громыко принимал непосредственное участие, проходила в Думбартон-Оксе (Вашингтон) с 21 августа по 7 октября 1944 г.

А. А. Громыко предложил сначала выработать основные принципы функционирования будущей организации на основе советского меморандума по этому вопросу от 12 августа 1944 г. Он определял в качестве целей будущей организации поддержание всеобщего мира и безопасности путем принятия коллективных мер для предотвращения агрессии. Решающая роль при принятии решений, направленных на противодействие агрессии, отводилась Совету Безопасности, и предусматривался принцип единогласия его постоянных членов при принятии решений о применении санкций [4, с. 301–302]. Дипломатические усилия А. А. Громыко способствовали тому, что советские предложения относительно состава Совета Безопасности, его функций были приняты на конференции. Однако до конца не был решен вопрос о порядке голосования в Совете Безопасности. Для достижения компромисса А. А. Громыко встречался с президентом Ф. Рузвельтом, но американская сторона продолжала настаивать на формуле, согласно которой постоянный член Совета Безопасности, участвовавший в конфликте, не мог воспользоваться правом вето [5, с. 158–159].

Президент Ф. Рузвельт в беседе с А. А. Громыко высказал опасения, что из-за привилегий, которые получат великие державы, малые государства откажутся от участия в международной организации [6, с. 577]. Для СССР возможность использовать право вето при решении всех вопросов в Совете Безопасности была принципиально важна, т. к. советское руководство исходило из того, что в этом органе СССР будет один противостоять капиталистическим странам. В такой ситуации право вето рассматривалось как важнейший инструмент отстаивания советских интересов. Участники конференции отмечали твердость, с которой А. А. Громыко отстаивал советскую позицию по вопросу голосования в Совете Безопасности. Глава английской делегации А. Кадоган писал, что попытки давления никак не действовали на Громыко [4, с. 305]. Сам глава советской делегации, отмечая, что в Думбартон-Оксе вопрос о единогласном принятии решения постоянными членами Совета Безопасности не был решен, высказывал убеждение в неизбежном изменении позиции США и Великобритании по этому вопросу [6, с. 378]. Его прогноз оказался во многом верным.

Именно на конференции в Думбартон-Оксе советская делегация во главе с А. А. Громыко впервые поставила вопрос о членстве союзных республик СССР, в том числе и БССР, в ООН [5, с. 157–158]. Советская делегация получила директиву из Москвы добиваться принятия в число государств – учредителей ООН всех 16 союзных республик. 28 августа А. А. Громыко озвучил перед представителями США и Великобритании это предложение [6, с. 574].

На конференции в Думбартон-Оксе, можно сказать, были решены практически все вопросы, которые касались создания ООН. Оставался несогласованным главный вопрос – о полномочиях Совета Безопасности при разделении прав и полномочий между ним и Генеральной Ассамблеей. Как в фокусе, все это находило отражение в позициях участников по вопросу о принципе единогласия постоянных членов Совета Безопасности. Среди нерешенных был и вопрос исключительной важности: о порядке принятия решений в Совете Безопасности – органе ООН, на который возлагалась бы главная ответственность за поддержание мира. Позиция США в этом вопросе проявилась в их предложении, которое предусматривало, что в тех случаях, когда один из членов Совета Безопасности сам замешан в споре, его голос не должен учитываться при вынесении Советом соответствующего решения. Англия заняла подобную же позицию.

Как упоминал сам Андрей Андреевич, предложенный США порядок голосования в Совете Безопасности не обеспечивал должных гарантий против превращения ООН в инструмент навязывания воли одной группировки государств другим странам, прежде всего Советскому Союзу. Также Громыко упоминал, что Советский Союз выступал за то, чтобы ООН служила делу международной безопасности, и естественно советская делегация выступала против американского предложения. Советская делегация выступала за то, чтобы все решения по вопросам сохранения мира и поддержания отношений между государствами принимались лишь с согласия трёх держав-победительниц – СССР, США и Англии. Также к этому числу относились и Франция с Китаем. Таким образом советская делегация во главе с Громыко отстаивала принцип единогласия пяти держав как постоянных членов Совета Безопасности.

Несмотря на ряд нерешённых вопросов, касающихся деятельности международной организации по поддержанию мира в Думбартон-Оксе, эта конференция признается успешной. Конференция фактически открыла дорогу к созданию ООН. Именно в документах данной конференции было зафиксировано название Организация Объединенных Наций. По оценке А. А. Громыко, в Думбартон-Оксе было согласовано 90 % всего того, что касалось создания ООН [7, с. 292].

В феврале 1945 года состоялась Ялтинская конференция, проходившая в Ливадийском дворце. Участники Ялтинской конференции обсудили и оставшиеся нерешенными в Думбартон-Оксе вопросы, связанные с созданием ООН. На заседании 8 февраля 1945 года был поднят вопрос на счёт голосования и было рассмотрено американское предложение от 5 декабря 1944 года. В этом предложении говорится о том, что каждый член Совета Безопасности имеет только один голос. Решения Совета Безопасности принимаются большинством голосов. Во время обсуждения советская делегация выступала за то, чтобы государства, которые не являлись постоянными членами, имели право излагать свою точку зрения без каких-либо ограничений. Советская делегация настаивала на том, что если не соблюсти этот принцип, то и создать международную организацию не представляется возможным. Также в этом варианте устава было предложение о разделении всех конфликтов, которые поступали бы на рассмотрение Совета Безопасности, на две категории. К первой категории относились конфликты, для разрешения которых требовалось применение экономических, политических, военных или каких-либо других санкций. Во вторую категорию относились конфликты, которые можно было решить мирными путями без применения санкций [8, с. 87].

В процедуре голосования для США было два важных элемента. Первый элемент заключался в том, что для обеспечения мира необходимо единство среди постоянных членов. Второй элемент касался американского народа. Для американского народа было очень важно предусмотреть справедливость для всех членов организации.

К моменту встречи «большой тройки» в Ялте уже был решен вопрос о порядке голосования в Совете Безопасности. СССР согласился с предложенным Ф. Рузвельтом вариантом, который предусматривал, что постоянные члены Совета Безопасности не участвуют в голосовании, если они являются заинтересованной стороной в конфликте, и он может быть урегулирован без применения санкций [5, с. 171–177]. На конференции было принято решение о приглашении в состав ООН Украинской и Белорусской советских республик. Поддержку данному советскому предложению оказал У. Черчилль, заинтересованный в том, чтобы и Британские доминионы стали учредителями ООН.

Оценивая итоги конференции, А. А. Громыко писал в своих мемуарах, что в Ялте три державы торжественно согласились действовать в духе сотрудничества как в доведении войны до победы, так и в строительстве послевоенного мира [7, с. 238]. Важным итогом конференции по вопросу о создании после войны международной организации стало заявление «Единство в организации мира, как и в ведении войны».

В этом заявлении говорилось о продолжении сотрудничества и в послевоенный период для достижения всеобщего мира, а также подтверждались решения, принятые на конференции в Думбартон-Оксе [9].

А. А. Громыко являлся одной из важных фигур в вопросе создания Организации Объединённых Наций. Он принял участие лично или косвенно во всех международных конференциях с 1943 по 1945 год, когда закладывались основы ООН и обсуждался вопрос о создании организации. Наиболее важной конференцией, где обсуждались вопросы о формировании ООН, была конференция в Думбартон-Оксе, проходившая в США в 1944 году. Главой советской делегации был А. А. Громыко. На этой конференции были утверждены основные механизмы работы ООН. Как упоминал А.А. Громыко, на конференции было, собственно, закреплено название организации – ООН. Однако некоторые вопросы на конференции остались не решены. Остался не решённым вопрос о порядке голосования в Совете Безопасности ООН. Важным событием для истории Беларуси стала постановка на конференции вопроса о включении Белорусской ССР в состав членов ООН.

Источники и литература

1. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов: в 6 т. – М. : Политиздат, 1984 г. – Т. 3. – 277 с.

2. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.) : сборник документов. – М. : Политиздат, 1978. – 384 с

3. Декларация трех держав 1 декабря 1943 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/tehran11.htm. – Дата доступа: 21.02.2025.

4. Исраэлян, В. Л. Дипломатия в годы войны (1941–1945) / В. Л. Исраэлян. – М. : Международные отношения, 1985. – 480 с.

5. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 2. – 496 с.

6. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. – М. : Кучково поле, 2014. – Т. 8. – 864 с.

7. Громыко, А. А. Памятное : в 2 ч. – 2-е изд., доп. / А. А. Громыко. – М. : Политиздат, 1990. – Ч. 1. – 512 с.

8. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов : в 6 т. – Москва : Политиздат, 1984 г. – Т. 4. – 277 с.

9. Декларация об освобождённой Европе 4–11 февраля 1945 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/krim17.htm. – Дата доступа : 21.02.2025.

УДК 94(476)

С. Н. Авсянникова, Е. Н. Дубровко
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ И ПРИМИРЕНИЕ: РОЛЬ ООН В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Тема сохранения исторической памяти регулярно поднимается в рамках ООН. При этом формы сотрудничества разных стран зависят от исторических традиций, уровня отношений, состояния договорно-правовой базы и заинтересованности участников обменов. В статье проанализированы основные аспекты государственной политики на международном уровне по сохранению исторической памяти, деятельности Республики Беларусь в военно-мемориальной сфере, инициативной роли ООН в РБ по реализации проектов увековечения мест памяти и примирении. Общая задача – это возвращение массовому сознанию граждан всего мира представлений о месте военных событий в мировой истории.

В современном миропорядке международным организациям отводится значительная роль. В этой связи Организация Объединённых Наций является самой важной международной организацией на сегодняшний день. ООН создана в целях поддержания не только мира и международной безопасности, но и призвана развивать международное сотрудничество, в том числе по охране историко-культурного наследия, сохранению исторической памяти на международной арене, вопросам мемориализации памятников.

Республика Беларусь прошла огромный и сложный путь, чтобы стать членом и государством-основателем ООН. Получение этого

права стало свидетельством признания вклада белорусского народа в разгром нацизма и фашизма в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Особую актуальность сейчас приобретает вопрос увековечения и сохранения исторической памяти о подвигах и жертвах белорусских граждан, которые отдали свои жизни в борьбе за мир и свободу. Целью исследования стало выявление роли ООН в сохранении исторической памяти в Республике Беларусь на примере политики мемориализации и примирения.

Первая инициатива Беларуси, которая была выдвинута в 1946 году в ООН, – это предложение белорусской делегации «О выдаче и наказании военных преступников». Также в 1946 году в пригороде города Минска в Лошице размещался офис гуманитарной миссии ООН. Офис оказывал помощь не только Беларуси, но и другим странам, пострадавшим от Второй мировой войны [1, с. 244–248].

В 1968 году по белорусской инициативе была одобрена резолюция ООН о неприменении срока давности к военным преступникам и военным преступлениям. В сентябре 1992 года в Минске открылось представительство ООН, которое стало первым на постсоветском пространстве по противодействию нарушению прав человека и сохранению героической правды о событиях войны.

В сентябре 1998 г. ЮНЕСКО подписала с Республикой Беларусь меморандум о сотрудничестве. С этого времени она оказывала значительную помощь Беларусь в деле сохранения традиционной культуры, языка, фольклора, культурных и исторических памятников, расширения интернета. В список Всемирного наследия ЮНЕСКО были внесены Беловежская пуща, Мирский замок, Несвижский дворцово-парковый комплекс, дуга Струве. Беларусь трижды избиралась членом Исполнительного совета ЮНЕСКО (в 2000–2001, 2002–2005, 2009 2013 гг.), в 2013 г. она была избрана в состав Межправительственного комитета по охране и поощрению разнообразия форм культурного самовыражения.

С обретением независимости Республика Беларусь также расширила свои возможности в международном сообществе в рамках ООН. В резолюциях ООН белорусская делегация осуждает факты уничтожения или осквернения памятников воинам-освободителям, выступает за непринятие и недопущение попыток пересмотра или искажения итогов Второй мировой войны, противодействует реабилитации и героизации нацизма, осуждает факты геноцида. Кстати, первым термин «геноцид» использовал уроженец Гродненской области Рафаэль Лемкин, который входил в состав группы экспертов-юристов и авторов-составителей проекта Конвенции ООН по предупреждению преступлений геноцида

и наказания за него. В 2000 году на 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН по инициативе Республики Беларусь была принята резолюция о противодействии ксенофобии и неонацизму [2, с. 47–53].

Рассмотрим некоторые направления по сохранению исторической памяти в Республике Беларусь, которые инициированы ООН.

Во-первых, ООН проводит исследования и собирает данные о важных исторических событиях. Во-вторых, ООН оказывает поддержку Республике Беларусь по сохранению историко-культурного наследия. В-третьих, ООН способствует диалогу между различными группами населения, помогая в процессе примирения и установления справедливости в отношении исторической травли и конфликтов. В-четвёртых, ООН подчёркивает важность прав человека и исторической справедливости, что включает признание и уважение к жертвам исторических несправедливостей.

Специализированным учреждением ООН по вопросам образования, науки и культуры является ЮНЕСКО. На сайте ЮНЕСКО имеются разделы, которые касаются увековечения памяти и сохранения культурного наследия. Например, программа «Память мира» (посвящена сохранению документального наследия и увековечению памяти); программа «Память поколения» (посвящена сохранению и увековечению памяти о жертвах насилия и конфликтов через создание памятников и мемориалов); образовательная программа для молодёжи по предотвращению насилия и экстремизма (направлена на повышение осведомлённости о важности толерантности); инициатива «Мир через образование) (фокусируется на том, что образование может способствовать миру и взаимопониманию). После реализации этих программ ЮНЕСКО публикует отчёты о результатах эффективности своих программ, включая статистические данные и успешные примеры [3, с. 62–65].

В практике ООН – проведение специальных заседаний Генеральной Ассамблеи ООН и принятие документов в память о некоторых важнейших событиях Второй мировой войны. ООН сотрудничает с международными общественными организациями – партнёрами гражданского общества. Например, с Международным альянсом в память о Холокосте. Показательна поддержка ООН в создании и демонстрации документальных фильмов и кинохроник. Благодаря ООН мемориальные комплексы на территории Беларуси имеют правоустанавливающие документы как объекты международного внимания. Например, лагерь смерти «Тростенец» [4, с. 328–350].

Большую роль играет празднование ООН международных дней памяти. Например, Международный день памяти жертв Холокоста

(27 января), Международный день памяти и примирения, посвященный погибшим во Второй мировой войне (8–9 мая), Международный день памяти жертв преступлений геноцида (9 сентября).

Активную роль ООН в Республике Беларусь уделяет вопросам публикации исследований, которые помогают сохранять память о трагедиях. В каждом университете Республики Беларусь есть специальный курс по сохранению историко-культурного наследия [5].

Основная миссия государственной политики Республики Беларусь по сохранению исторической памяти в сотрудничестве с ООН – сохранение и передача новым поколениям правды о Великой Отечественной и Второй мировой войнах. Координационным центром по исследованию и мемориализации истории Великой Отечественной войны выступает Институт истории Национальной Академии наук Беларуси. Его деятельность выражается в проведении международных научных конференций, научно-исследовательских темах, многочисленных публикациях. 13 марта 2020 года в Институте истории состоялся круглый стол, посвященный презентации Всебелорусской акции «Народная летопись Великой Отечественной войны: вспомним всех!». В его работе приняли участие ведущие ученые, военные историки НАН Беларуси, представители высших учебных заведений, архивов, общественных организаций страны.

Цель данной акции – увековечивание и сохранение памяти поколения победителей. Участники круглого стола подчеркнули, что память о событиях Великой Отечественной войны живет в каждой белорусской семье. И очень важно, чтобы любой желающий мог прислать материалы, фотографии военной поры, воспоминания своих родных и близких для внесения в базу данных. Эти материалы можно выслать в электронном виде, можно прислать по почте или принести лично. Центром данной работы будет отдел военной истории Института истории НАН Беларуси.

Среди проблем, которые были обсуждены в ходе работы круглого стола: современное состояние работы по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь (научная историография, музеефикация, мемориализация средствами художественной литературы и изобразительного искусства, отражение в учебном процессе и средствах массовой информации); представление концепции и методологии современного этапа работы по созданию Народной летописи Великой Отечественной войны; продолжение централизованной работы над совершенствованием историко-документальных хроник «Память» городов и районов Беларуси и создание их электронных версий. Особое внимание будет уделено необходимости активизации данной работы на всех уровнях и привлечению к созданию Народной

летописи Великой Отечественной войны общественных организаций патриотической направленности. В ходе работы круглого стола состоялась презентация научных изданий, посвященных событиям Великой Отечественной войны. Была организована выставка тематической литературы [6].

Касательно вопроса идейного содержания памятников, новой для современной Беларуси является тема мемориализации первых трагических дней войны, а также проблема увековечения памяти военнопленных. О местах их захоронения в послевоенный период говорить было не принято. О них вспоминали лишь тогда, когда речь шла о зверствах фашистов в период оккупации. Сегодня военнослужащие, оказавшиеся в годы войны по ряду причин в плену и не предавшие Родину, подлежат увековечению.

Активную роль в деле мемориализации в Республике Беларусь играет Генеральная прокуратура. Именно ею был инициировано заведение уголовного дела по факту геноцида на территории Беларуси. Из отчёта по материалам дела о геноциде белорусского народа можно сделать множество выводов. Можно утверждать, что во время Великой Отечественной войны Беларусь подверглась всем формам геноцида, предусмотренным Конвенцией ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» (9 декабря 1948 г.).

Геноцид со стороны фашистских оккупантов не ограничился массовым убийством мирного населения всевозможными способами. Изощренная политика нацистской Германии по ликвидации белорусского народа включала в себя: создание мест принудительного содержания людей с применением пыток и создания нечеловеческих условий пребывания, насильственный вывоз гражданского населения БССР за пределы страны, в частности на территорию Германии для принудительного труда. При этом дети разделялись с родителями и, как правило, уже больше никогда не видели друг друга, поскольку дети для нацистов были бесполезным обременением. Происходило масштабное изъятие и отправка в Германию ресурсов (продовольствие, сырье, природные ископаемые, промышленная продукция и оборудование, музейные экспонаты, произведения искусства, памятники культуры) и уничтожение государственного имущества и личного имущества гражданского населения [7]. История не знает ни одного подобного факта, когда геноцид осуществлялся в таких масштабах и с таким ожесточением. В ходе расследования уголовного дела изучены руководящие документы гитлеровской Германии, которые возводили зверства по отношению к мирному населению в ранг государственной политики и освобождали солдат от ответственности за преступления.

Причиненный народному хозяйству, инфраструктуре, культурному наследию ущерб от целенаправленной политики уничтожения народов Беларуси значительно больше, чем установлено Государственной чрезвычайной комиссией. Расследование геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны является данью памяти погибших и способствует установлению и сохранению исторической справедливости [8].

Как уже показано, ООН и наша страна активно сотрудничают в сфере сохранения исторического наследия. Приведём пример сотрудничества: музей в деревне Потаповка Буда-Кошелёвского района, который был создан в 2017 году и посвящен истории Великой Отечественной войны в районе. Музей организован по инициативе «История моей земли» и реализована в рамках проекта «Содействие развитию на местном уровне в РБ», финансируемого Европейским Союзом и реализованного Программой ООН (ПРООН) в период с 2014 по 2018 год. Местные жители, пережившие тяготы войны, и их родственники передали в музей не только военную атрибутику, но и семейные альбомы, фотоматериалы, рассказывающие о судьбах ветеранов, уроженцев села Потаповка. Среди экспонатов имеется переписка с родственниками воинов 323 стрелковой Брянской дивизии, освобождавшей Потаповку в ноябре 1943 года.

Сегодня музей в деревне Потаповка Буда-Кошелёвского района это одна из достопримечательностей района. Сюда приходят не только жители деревни, но и гости со всего района. Организованный в помещении школы музей притягивает внимание подрастающего поколения. Школьники вместе с взрослыми работают над наполнением музейной комнаты и организацией экскурсий на постоянной основе [9].

Наряду с вышеуказанным примером сотрудничество Республики Беларусь и ООН в области сохранения исторической правды включает в себя несколько других примеров: проекты по восстановлению исторической памяти (создание вместе с ООН мемориалов и музейных экспозиций); исследования ООН и обсуждение в РБ вопросов о последствиях войны и восстановления исторической правды в контексте прав человека; участие ООН в образовательных инициативах в среде молодёжи; участие РБ в форумах ООН по обсуждению фальсификаций истории; культурные обмены между ООН и РБ, направленные на популяризацию культурного наследия и исторической правды, включая выставки и публикации. Эти примеры иллюстрируют, как Беларусь взаимодействует с ООН для сохранения исторической правды на международной арене.

4 марта 2025 года Президиум Совета Республики и Совет Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь поддержали резолюцию Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций под названием «Восьмидесятая годовщина окончания Второй мировой войны». Единогласная поддержка международным сообществом этой резолюции является важным шагом в деле сохранения памяти о трагических и героических страницах истории Второй мировой войны, великом подвиге народов, боровшихся с коричневой чумой фашизма и принесших себя в жертву во имя мира, свободы и жизни будущих поколений.

Это решение является своего рода сигналом политическим кругам тех стран, которые сегодня беспринципно обеляют и реабилитируют карателей и их пособников, пытаются искажать историческую правду, уничтожают монументы воинам-освободителям и вводят запреты на памятные мероприятия. ООН предложила этим решением отмечать соответствующим образом годовщину окончания Второй мировой войны, провести специальное торжественное заседание Генеральной Ассамблеи в течение второй недели мая 2025 года и впоследствии проводить такие заседания каждые пять лет [10].

Таким образом, деятельность ООН В Республике Беларусь по сохранению исторической памяти реализуется в полном объёме. Международное сотрудничество с ООН Беларуси по вопросам мемориализации и примирения способствует формированию уважительного отношения к героическому прошлому нашей республики.

Источники и литература

1. Сычев, А. Н. Республика Беларусь и ООН / А. Н. Сычёв // Дипломатически ежегодник – 2005 : сборник статей; под ред. Ю. Е. Фокина и [др.]. – Москва : Научная книга, 2006. – С.244–248

2. Внешняя политика Республики Беларусь в 2000-е гг. / Ю. И. Малевич [и др.]; под ред. А. В. Шарапо. – Минск : БГУ, 2010. – 84 с.

3. Шадурский, В. Г. Внешняя культурная политика Беларуси: поиск оптимальной модели / В. Шадурский // Материалы VIII Международной научной конференции, посвященной 88-летию Белорусского государственного университета, Минск, 30 октября 2009 г. / редколлегия: В. Г. Шадурский [и др]. – Минск: БГУ, 2009. – 103 с.

4. Памяць. Беларусь. Рэспубліканская кніга / Беларуская Энцыклапедыя.; Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1995. – 624 с.

5. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электронный ресурс]: 20 июля 2016 года / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск : [Б. и.], 2016.

6. НАН Беларуси выступила инициатором организации Всебелорусской акции по созданию «Народной летописи Великой Отечественной войны» // Национальная академия наук Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nasb.gov.by/rus/news/10127. – Дата доступа: 05.03.2025.

7. Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти = Genocide of the Belarusian people. Death camps / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общей редакцией А. И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2022. – 335 с.

8. Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarusian people : информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общей редакцией А. И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2022. – 175 с.

9. ЕС и ПРООН помогли сохранить богатое историческое наследие и героическое прошлое маленькой белорусской деревни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.undp.org/ru/belarus/press-releases/. – Дата доступа: 15.03.2025.

10. Парламент Беларуси принял заявление в связи с резолюцией Генассамблеи ООН к 80-летию окончания войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://belta.by/society/view/. – Дата доступа: 15.03.2025.

УДК [94(100)+327(100)(091)]«191/194»

В. Г. Шумилов
Институт истории НАН Беларуси

ПРОБЛЕМЫ КОАЛИЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ XX ВЕКА

В статье на основе историко-сравнительного анализа выявлена специфика создания коалиционных группировок периода Первой и Второй мировых войн. Установлены важнейшие черты коалиционной стратегии в условиях мировых войн XX в. и факторы, определившие ее характер для различных военно-политических группировок, участвовавших в них.

Введение

Итогом Первой мировой войны был пересмотр границ европейских государств и их заморских владений во всём Восточном полушарии

нашей планеты. В Западной Европе страны-победительницы расширили свои границы за счет побежденной Германии. В целом же мир, перекроенный Версальским и последовавшими за ним договорами и соглашениями 1919–1922 гг. (Сен–Жерменским, Нёйиским, Трианонским, Севрским и решениями Вашингтонской конференции), не удовлетворял ни победителей, ни тем более, побеждённых, что с учётом несовершенной системы коллективной безопасности привело к развязыванию следующей мировой войны.

Особенностью Второй мировой войны с точки зрения создания группировок её участников явилось то, что коалиция государств-агрессоров (Германия, Италия и Япония), которая формировалась заблаговременно, последовательно противостояли две коалиции, именуемые военно-политическими союзами демократических держав, причём первая из них бесславно завершила своё существование уже на первом году войны, а вторая возникла лишь на третьем году войны – на рубеже 1941–1942 гг. Поэтому в статье будем именовать первую группировку – коалицией государств-агрессоров, вторую – англо-французской, а третью – так, как она вошла в современную историографию, – Антигитлеровской (СССР, США и Великобритания).

На основе историко-сравнительного анализа создания коалиционных группировок периода Первой и Второй мировых войн в статье рассматриваются проблемы коалиционной стратегии XX в.

Таким образом, к сентябрю 1939 г. на Европе завершилось формирование двух враждебных одна другой коалиций. Отличие их от коалиций, созданных к началу Первой мировой войны, состояло в относительной политической и военной слабости и неготовности обоих союзов не только к длительной войне, но и к начальным операциям одновременно на двух театрах военных действий – Западном и Восточноевропейском.

В отличие от 1914 г., развёртывание военных действий в 1939 г. происходило совершенно иным путём: Германия, несмотря на определённые промахи, сумела искусно использовать слабые стороны противной стороны и последовательно выиграть три первые кампании (Польскую, Норвежскую и Французскую). Это был несомненный триумф германской политики и военной стратегии. Но дальнейшие шаги германского руководства последовательно вели рейх и с ним всю коалицию агрессоров к военному краху.

Основная часть

Ведение войны требует многосторонней подготовки в области внутренней и внешней политики и соответствующих усилий в обеих этих сферах в ходе вооружённой борьбы. Среди задач, решаемых внутренней политикой государства в период подготовки войны, главным

является моральное сплочение нации, достигаемое широким спектром мероприятий, проводимых систематически, методично, на протяжении ряда лет. Достигается путём разъяснения широким народным массам цели предстоящей войны и внедрением в общественное сознание «образа врага».

К решению этой задачи привлекаются все средства идеологического воздействия, которыми располагает государство: школа и церковь, литература и все виды искусства, позднее пресса и радио, а в ряду этих средств в XX в. особое внимание уделялось кино.

В высшей степени поучителен в этом плане опыт идеологической подготовки, осуществлявшийся в Германии и СССР в период, предшествовавший Второй мировой войне. В обоих государствах в дело был пущен обширный арсенал средств массового воздействия на общественное сознание.

В СССР со школьной скамьи молодёжь убеждалась в неотвратимости «решительной схватки с капитализмом» и эта схватка рисовалась как освободительный поход, в котором союзниками нашей страны будут трудящиеся всего мира. Тем же целям служило обращение к истории Отечества, крутой поворот к использованию которой в идеологической работе произошёл в середине 1930-х гг., несомненно, в прямой связи с событиями на западе Европы [1]. Развёрнутая идеологическая работа в СССР была глубокой, действенной и принесла свои плоды в 1941–1945 гг.

На иной основе велась идеологическая подготовка народа Германии к грядущей войне. Её составила расистская теория, утверждение в общественном сознании, прежде всего в сознании немецкой молодёжи, идеи превосходства германской нации, её предназначения быть хозяевами всего мира, внедрение расовой ненависти к «унтерменшам», в первую очередь славянам. Земли, населённые славянами, должны были составить объект завоевания, целью которого было определено расширение жизненного пространства германской нации. Следует признать, что эта обработка общественного сознания оказалась также весьма эффективной.

Политика гитлеровской Германии широко освещалась и комментировалась в СССР. Поэтому немедленно с началом Великой Отечественной войны её цели, сформулированные Сталиным 3 июля 1941 г., были поняты и с готовностью восприняты народом: «Дело идёт о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том – быть народам Советского Союза свободным или впасть в порабощение» [2, с. 13]. К пониманию этих целей государство настойчиво готовило население страны с конца 1920-х гг. в предвидении грядущего столкновения с враждебным Советскому Союзу капиталистическим окружением.

В области внешней политики особое значение в деле подготовки войны приобретают поиск союзников, создание военно-политических союзов – коалиций и изоляция будущего противника на международной арене. Обратим внимание на вторую внешнеполитическую проблему – изоляцию будущего противника. Это мероприятие осуществляется, как правило, в едином комплексе внешнеполитических усилий государства вместе с приобретением союзников.

Успехи гитлеровской Германии на первом этапе Второй мировой войны были обеспечены внешнеполитической изоляцией СССР. Заключив соглашение о разделе сфер интересов в Восточной Европе (секретные статьи договора о ненападении 23 августа 1939 г.), Гитлер тем самым подтолкнул Сталина на скорейшую их реализацию. Поспешно развязанная война с Финляндией окончательно изолировала СССР от «мирового сообщества». Эта изоляция в 1939–1940 гг. была столь прочна, что при более мудрой стратегии Гитлер мог бы получить куда более крупные дивиденды. Но, развязав агрессию против СССР, не покончив с Англией, он фактически сам разрушил созданный вокруг Советского Союза дипломатический вакуум; в первый же день германской агрессии Великобритания устами премьера У. Черчилля объявила о поддержке СССР, заложив тем самым основу создания – Антигитлеровской коалиции.

Таким образом, политическая подготовка государства к предстоящей войне составляет обширный комплекс усилий, конечной целью которых является прежде всего сосредоточение духовных сил народа своей страны и, во-вторых, создание максимально благоприятной обстановки на международной арене, в том числе приобретение союзников, устранение (нейтрализация) возможных противников и изоляция будущего главного врага.

Проблемы создание коалиций

В отличие от коалиций, формировавшихся в Европе в прежние века, военно-политические союзы XX в. приобрели глобальный характер. При этом кроме общих противоречий в экономике и политике, разделявших мир на два лагеря, каждой из противоборствующих коалиций были свойственны внутренние противоречия, обусловленные частными целями, преследуемыми каждым из партнёров и значительно осложнившими внутри коалиционные отношения, в частности выработку единой коалиционной стратегии.

Формирование военно-политический блоков возможно, как правило, при наличии единственного фактора: наличия общего врага, сокрушение которого отвечает политическим целям всех участников

заключаемого союза. Но взятые порознь национальные интересы далеко не всегда согласуются друг с другом и, более того, сплошь и рядом противоречат один другому.

Так, на в конце XIX в. русский военный теоретик Е. И. Мартынов справедливо утверждал: «Борьбой массовых армий, целых вооружённых народов имеет право руководить только политика строго национальная, преследующая исключительно интересы своего народа. Громадность средств и важность последствий делают в настоящее время совершенно недостаточными те поводы, из-за которых начинались войны ещё в начале XIX столетия. Честолюбие отдельных лиц, интересы династий, личные симпатии и антипатии правителей – все эти мелкие причины постепенно отходят на второй план, уступая место могучей силе – общественному мнению страны. … Политика должна связать одной политической целью войны известной эпохи, направляя их к достижению одной исторической цели» [3, с. 35].

Учитывая различные политические устремления великих держав в Первой мировой войне, то о противоречивых целях членов Антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне говорить не приходится. Проблема лидерства в коалиции обычно решается военным и экономическим превосходством одного из союзников и величиной вклада в общее дело коалиции. В соответствии с этим обстоятельством строятся взаимоотношения партнёров в области стратегического планирования, согласования экономических усилий и др. В прямой связи с проблемой лидерства решается вопрос о главнокомандовании союзными войсками, создании объединенных органов военно-стратегического руководства и даже об элементарном обмене военной информацией.

Коалиции создаются либо (реже) заблаговременно, как-то было с формированием Антанты и блока Центральных держав, либо (чаще) накануне и даже в ходе войны, как то происходило в эпоху Наполеоновских войн, а в 1939 г. – с формированием первой антигерманской и, наконец, в 1941–1942 гг. с формированием Антигитлеровской коалиции.

Формы участия государства в коалиции, в зависимости, от преследуемых им политической цели, могут варьироваться от активного участия в совместной вооружённой борьбе до ограничения этого участия формальным объявлением войны. Хороший пример тому представила политика Румынии в Первой мировой войне: своевременно «ускользнув» из ранее заключённого союза с Германией, румынское руководство на протяжении двух лет всеевропейской войны усиленно торговалось с Антантой и, в конце концов, вступило в войну, лишь

заручившись обещанием территориальных приращений за счёт Австро-Венгрии. Подобным был курс Румынии с началом Второй мировой войны: за счёт участия в агрессии против СССР Гитлером было ей обещано украинское Причерноморье.

Важным обстоятельством в формировании военно-политических союзов являются сроки их создания: заблаговременно, задолго до войны, ради которой они создаются, или накануне, или, тем более, в ходе ведения войны. Полуторастолетний опыт свидетельствует, что первый из вариантов представляет собой редкое исключение.

Так, за 40 лет до Первой мировой войны началось формирование двух противоборствующих коалиций: блока центральноевропейских монархий во главе с Германией и Антанты во главе с Францией, Англией и Россией.

За три года до Второй мировой войны началось создание глобального блока держав-агрессоров во главе с Германией и Японией (подписание Антикоминтерновского пакта в 1936–1937 гг.), завершённое уже в ходе войны, в 1940 г. оформление Берлинского пакта. И лишь за полгода до начала Второй мировой войны было оформлено англо-французское военной сотрудничество в предстоящей схватке с гитлеровской Германией. А Антигитлеровская коалиция создавалась на второмтретьем годах войны.

Таким образом, в подавляющем числе военные блоки формировались либо немедленно с началом, либо в ходе военных действий. Условием для заблаговременного заключения военно-политического союза является совпадение или, по крайней мере, близость политических курсов будущих партнёров на достаточно продолжительном отрезке истории. Но такие совпадения представляют собой редкие, можно сказать, исключительные случаи. Практика подготовки к войне участников первой антигерманской коалиции в 1939 г., с одной стороны, и подготовка германской агрессии в Европе, с другой стороны, служат тому убедительным примером [4, с. 221–222, 252–254, 360–369, 411–412, 464–465, 707–708].

Проблемы ведения коалиционной войны

Ведение войны силами коалиций в составе двух и более государств предполагает ряд вариантов создания стратегических группировок коалиционных сил и распределения театров военных действий (зон ответственности на театре войны), в том числе:

– ведение войны на смежных ТВД, в условиях локтевой связи между группировками коалиционных вооружённых сил (Германия и Австро-Венгрия в 1914–1918 гг.; выделение «финского ТВД» в составе Восточного фронта в 1941–1944 гг.);

– ведение военных действий группировками вооружённых сил на двух и более театрах, разобщённых между собой (Антанта в 1914–1917 гг., Антигитлеровская коалиция в 1942–1945 гг.);

– включение союзных военных контингентов в состав действующей армии сильнейшего партнёра по коалиции с оперативным подчинением их командованию его фронтовых (армейских) объединений (Наполеоновская Великая армия в 1812 г., коалиционная германская армия, созданная Пруссией в 1870 г., итальянская, румынская и венгерская армии в составе оперативно-стратегических объединений вермахта на Восточном фронте в 1941–1945 гг., включение румынских и болгарских объединений в советские фронты в 1944 г., включение 1-й французской армии в состав 6-й союзной группы армий, возглавляемой американским командованием в 1944–1945 гг.) [5, с. 828].

Организация и осуществление коалиционного руководства вооружённой борьбой составляет самостоятельную проблему, которая не рассматривается в данной статье. Главным условием обеспечения его эффективности является согласование действий группировок национальных вооружённых сил на театре войны. Оптимальным решением этого условия может быть принятие важнейших решений путем прямых контактов высшего военно-политического руководства союзных государств (как это осуществлялось лидерами Антигитлеровской коалиции в 1941–1945 гг.) и создание объединённых союзных командований на театрах военных действий (стратегических направлениях) для непосредственного оперативно-стратегического руководства группировками коалиционных вооружённых сил (практиковалось англо-американским руководством в 1942–1945 гг.).

Геостратегическая обстановка на Европейском театре из века в век определяла степень эффективности стратегического взаимодействия союзников по коалициям. Если в войнах начала XIX в. российские армии имели полную возможность беспрепятственной переброски на театры военных действия, то в Первой и Второй мировых войнах Восточно-европейский театр был практически изолирован и Россия, а затем СССР, вели военные действия вне непосредственного контакта с вооружёнными силами своих западных союзников.

В ходе войны, по мере вовлечения в неё всё больших людских и материальных ресурсов, выявился рост зависимости стран Антанты от поддержки заокеанским партнером – США. Экономический фактор – истощение сил блока центральноевропейских держав, предопределённое их геополитическим положением, наряду с вводом в войну огромных резервов Антанты – ресурсов колониальных владений Великобритании и Франции и военно-экономический потенциал США – в конечном счёте решил исход войны.

На протяжении всей Первой мировой войны обеими противоборствующими сторонами так и не было найдено эффективного решения проблемы коалиционного военно-политического руководства. Главную трудность для согласования военно-стратегических усилий Антанты составляла разобщённость фронтов, в частности Западного (Французского) и Восточного (Русского). В итоге Восточному фронту было отведено второстепенное место в стратегии западных союзников, хотя военные усилия России в абсолютных цифрах намного превосходили усилия её западных партнёров.

Такой же взгляд с Запада на Восточный (советско-германский) фронт получил развитие в годы Второй мировой войны. Так, в коалиции государств-агрессоров ведущая держава – Германия – была способна обеспечить решающее превосходство лишь против слабеющего противника – Польши, в случае же одновременного развёртывания активных военных действий на западе и востоке вермахт был обречён на поражение. Второй партнёр этой коалиции – Италия – вообще не была готова к войне. Не были приняты и меры по координации усилий партнёров по агрессивному блоку в Европе и на Дальнем Востоке. Мало того, заключение советско-германского пакта в августе 1939 г. было воспринято японским руководством как акт предательства – нарушения договоренностей, вытекающих из Антикоминтерновского пакта, что также не способствовало единству действий коалиций.

Перед партнёрами по двум коалициям, последовательно складывавшимся в 1939–1941 гг. на Европейском театре, был общий враг – гитлеровская Германия. Но это не исключало наличие у каждого из партнёров собственных интересов. Особо сложными были отношения западных союзников с СССР вследствие коренных противоречий их социальных систем. В основе же стратегического взаимодействия партнёров по коалиции – англо-американского блока и СССР – таилось взаимное недоверие и стремление добиться от своего союзника максимальной выгоды. Для западных союзников Советский Союз был прежде всего силой, с помощью которой достигалась цель нанесения поражения главному врагу – Германии. В то же время СССР вёл отчаянную борьбу за своё существование, и союз с западными партнерами был для него жизненно важен.

С точки зрения собственно стратегического планирования взаимодействие западных и восточных партнёров на Европейском театре осложнялось объективной невозможностью «сомкнуть фланги» или наносить удары по врагу, тесно увязанные по цели и месту в оперативном масштабе. Поэтому в основе стратегического взаимодействия оставалась главная возможность – увязка военных усилий по времени, имея в виду общую конечную цель войны – разгром врага на его территории.

Достижение этой цели требовало скорейшего открытия фронта во Франции и согласованного наступления союзников к столице рейха. Но ряд объективных обстоятельств и, не в последнюю очередь, различия в военно-политических устремлениях членов коалиции обусловливали затягивание открытия военных действий англо-американскими союзниками на Западно-Европейском ТВД, проведение ими стратегического курса «непрямых действий», предусматривавшего первоочередное сосредоточение усилий на периферийных театрах – Северо-Американском, далее Средиземноморском.

В истории Антигитлеровской коалиции проблема открытия англо-американскими союзниками второго фронта в Европе породила острую дискуссию. Не прекращаются обвинения в адрес союзников о намеренном затягивании этого акта. Действительно, если в 1941 г. десант во Францию был совершенно неосуществим как по причине неготовности группировки войск на исходном плацдарме – Британских островах, так и из-за нехватки десантных средств, то к концу 1942 г. эти трудности были преодолены, и союзники были в силах осуществить вторжение на материк. Но тогда они предпочли скорейшему разгрому Германии выполнение задач на периферийном театре – в Северной Африке, что соответствовало прежде всего стратегическим целям Великобритании.

При рассмотрении этой проблемы нельзя игнорировать специфические военные факторы, влияющие на сроки открытия фронта в Западной Европе: возможности и темпы мобилизационного развертывания военной промышленности и вооружённых сил, технические трудности переброски воинских контингентов и военных грузов через Атлантический океан, накопление боевых ресурсов на территории Британской метрополии и др. Но при всём этом западные союзники сохраняли преимущества сравнительной неуязвимости, которую обеспечивало им «заокеанское» положение их главных баз и плацдармов. Англо-американские союзники гарантировали себе выигрыш в качестве подготовки вооруженных сил, что нельзя было сказать о советской стороне, которая была вынуждена непрерывно наращивать силы своей действующей армии за счёт поспешно формируемых, слабо подготовленных контингентов. Отсюда невероятная диспропорция потерь вооружённых сил западных союзников и СССР.

Особый аспект проблемы коалиционной борьбы с общим противником составило участие в ней Франции, роль которой менялась в ходе войны в связи с понесённым в 1940 г. поражением и по мере дальнейшего воссоздания её вооруженных сил в рамках Антигитлеровской коалиции. Военное поражение в кампании 1940 г., капитуляция вишистского

правительства и последовавшее затем образование новой политической структуры – организация «Свободная Франция» (с 1942 г. – «Сражающаяся Франция») во главе с генералом де Голлем – обусловили возникновение двусмысленной военно-политической ситуации: США и Великобритания сохраняли контакты с правительством Петена, но этому политическому курсу противоречила поддержка ими деятельности де Голля. Поэтому процесс признания де Голля «главой всех свободных французов», а возглавляемый им с начала 1943 г. Французский комитет национального освобождения – Временным правительством, проходил сложно, встречая скрытое противодействие западных союзников. Тем не менее, лишь на последних этапах войны – в Южно-Французской операции и в ходе дальнейшего наступления на Европейском театре вооружённые силы Франции (1-я армия) вновь составили самостоятельную силу, но были оперативно подчинены командованию 6-й американской группы армий.

Проблема создания объединенных органов военно-политического о оперативно-стратегического руководства в ходе Второй мировой войны была решена только двумя членами Антигитлеровской коалиции – США и Великобритании. В сфере военного руководства таким органом стал образованный в январе 1942 г. Объединённый комитет начальников штабов (ОКНШ) с дислокацией в Вашингтоне. О создании структуры, которая могла бы стать звеном управления между Генеральным штабом Красной Армии и ОКНШ союзников стали говорить лишь в конце сентября 1944 г. По мнению И. В. Сталина – слишком поздно, поэтому ограничились созданием «комиссии по взаимному осведомлению» [6, с. 172–173].

Основы стратегического взаимодействия трёх держав были заложены лишь в третьем периоде войны, на Тегеранской конференции (28 ноября – 1 декабря 1943 г.), где были приняты принципиальные решения по ведению войны в Европе: о проведении операции «Оверлорд» и открытие фронта в Северной Франции с одновременной высадкой десанта в Южной Франции и об одновременном развертывании наступательных операций Красной Армии с целью предотвратить переброску германских сил с Восточного фронта на запад. На этой же конференции было достигнуто принципиальное решение о вступлении СССР в войну против Японии по завершении разгрома Германии [6, с. 507–508].

Таким образом, создание и функционирование коалиции как временного военно-политического союза двух и более государств, заключенного для ведения войны, предполагает решение ряда вопросов, в числе которых в качестве важнейших задач являются:

1. Согласование национальных интересов каждого из членов коалиции с общей целью, ради достижения которой заключается союз.

2. Установление взаимоотношений членов коалиции, которые могут быть равноправными, но чаще всего таковыми не являются.

3. Проблема лидерства в коалиции, решение которой зависит от экономических и военных возможностей государств-союзников и размеров их вклада в общее дело.

Историко-сравнительный анализ формирования военно-политических союзов позволяет выделить ряд направлений, определивших возможность их создания и в той или иной мере обеспечивающих прочность коалиций. Коалиционная стратегия (реализация политических планов коалиции на военном уровне) составляет специфическую форму военной стратегии и включает теоретическое и практическое решение ряда вопросов:

– создание коалиционных вооружённых сил (заблаговременно, немедленно с началом или в ходе войны);

– при условии формирования военной коалиции в период подготовки к войне – согласование вопросов военного строительства и стратегического развертывания вооружённых сил союзных стран;

– выработку форм и способов коалиционного взаимодействия;

– определение структуры органов коалиционного руководства группировками вооружённых сил на театрах войны (ТВД, стратегических направлений);

– организацию материального обеспечения вооружённых сил союзных стран;

– подготовку ТВД (совместную или осуществляемую порознь по коалиции с учётом интересов её в целом);

– практическое решение задач стратегического или оперативно-стратегического значения силами группировок коалиционных войск;

– выработку принципов и обеспечение выгодного для данной коалиции политического урегулирования по окончании войны [5, с. 836–837].

Несовпадение политических целей и интересов партнёров по коалиции, как правило, обусловливает неравноценность их вклада в общее дело, т. е. военных усилий. Так, подводя итоги коалиционным война XX в. Н. П. Михневич констатировал: «Объединить действия коалиций трудно, даже установив общее командование их армиями. <…> Если несколько государств составляют коалицию, то общая сила их всегда менее суммы их составляющих. <…> Каждый из союзников старается взвалить на плечи другого наиболее трудную работу, а, кроме того, в большинстве случаев и на конечный результат борьбы смотрят различно: одному, например, желателен полный разгром

противника; другой же склонен только ослабить временно противника, чтобы вынудить его на уступки, но вполне заинтересован в сохранении его на будущее» [7, с. 47].

Решающее значение для судеб Второй мировой войны сыграло формирование Антигитлеровской коалиции (1942), в которую на правах союзника западных держав на Европейском континенте вошёл СССР. Военная стратегия англо-американских союзников в 1941–1945 гг. квалифицируется как «стратегия непрямых действий», выражавшаяся в последовательном уклонении от фронтовых столкновений с сильнейшим противником, в стремлении к достижению успехов на периферийных ТВД, в выжидании истощения вражеских ресурсов и накоплении собственных ресурсов, с тем чтобы в решающий час нанести решающий удар на главном ТВД (стратегическом направлении).

Проведение такого курса обеспечивалось их исключительными преимуществами геополитического порядка: сравнительно малой уязвимости островной метрополии Британской империи и полной неуязвимостью ее союзника США, а также наличием огромных экономических и людских ресурсов у обеих держав, включая британских колониальных владений и доминионов. Учитывая неготовность этих государств к войне к концу 1930-х – началу 1940-х гг., проведение курса «непрямых действий» было в целом оправданным.

Таким образом, две мировые войны XX в. в стратегическом смысле ознаменовали переворот в военном деле и составили законченный этап развития военного искусства индустриальной эпохи. Размышляя о коалиционных войнах конца XVIII – начала XIX вв., Клаузевиц писал: «Даже в тех случаях, когда действительно два государства ведут войну с третьим, всё же у них не всегда бывает совершенно одинаковый подход к нему как к врагу, которого они должны уничтожить, дабы он их не уничтожил. <…> Даже при наличии у обоих государств общего крупного интереса дело не обходится без известных дипломатических оговорок и договаривающиеся стороны обычно обязываются в заключаемой конвенции только на незначительное соучастие, чтобы использовать остальные военные силы в соответствии с особыми соображениями, которые могут возникнуть из дальнейшего хода политики» [8, 371 с.]. Опыт обеих мировых войн XX в. полностью соответствовал заключениям немецкого военного теоретика.

Источники и литература

1. Постановление ЦК ВКП(б) О преподавании гражданской истории в школах СССР. // Правда, 1934. – 16 мая ; О преподавании истории в нашей школе : Публикация замечаний И. Сталина, А. Жданова

и С. Кирова о конспектах учебников «История СССР» и «Новая история» (8–9 августа 1934 г.) // Правда. – 1936. – 27 января ; Сталин, И. В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». – Письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 июля 1934 г. / И. В. Сталин // Большевик. – 1941. – № 9. – С. 4–10.

2. Сталин, И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. / И. В. Сталин. – М.: Госполитиздат, 1949. – 208 с.

3. Мартынов, Е. И. Стратегия в эпоху Наполеона I и в наше время. / Е. И. Мартынов. – СПб. : Военная типография, 1894. – 303 с.

4. Дашичев, В. И. Банкротство стратегии германского фашизма / В. И. Дашичев : в 2 т. – М. : Наука, 1973. – Т. 1. – 776 с. С. 221–222 ; 252–254 ;360–369 ; 411–412 ; 464–465 ; 707–708.

5. Михалев, С. Н. Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени / С. Н. Михалев. – М. ; Жуковский : Кучково поле, 2003. – 952 с.

6. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1944. – М. : Политиздат, 1983. – Т. 2. – 542 с.

7. Михневич, Н. П. Стратегия. Кн. 1 / Н. П. Михневич. – СПб. : Николаевская академия Генерального штаба, 1899. – 364 с.

8. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц ; пер. с нем. – М. : Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1937. – Т. 2. – 560 с.

УДК 327.5+94(729.1)“1939/1945

А. А. Челядинский
Институт истории НАН Беларуси

КУБА ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ 1939–1945 ГОДОВ

В статье исследуются место и роль Кубинской республики во Второй мировой войне. Прослеживается эволюция внешней политики Кубы в годы войны. Отмечается, что страна смогла противостоять попыткам фашистской Германии включить её в сферу своего влияния, а после декабря 1941 г. стала членом Антигитлеровской коалиции.

Вторая мировая война затронуло Кубу, как и другие страны Латинской Америки в гораздо большей степени, чем Первая. Это было связано с резким усилением в 30-е годы гитлеровской Германии (политическим, экономическим, военным, идеологическим). Во всех странах

континента насчитывалось более чем 2-млн. немецкая диаспора, были местные финансово-промышленные группы, ориентирующиеся на фашистские Германию и Италию. Очень быстро создавались политические партии, стремящиеся к власти. Германия рассчитывала быстро сокрушить СССР, ставила задачу ударить по США с юга, т. е. с территории Латинской Америки [1, p. 95]. Нацистов прежде всего интересовала Куба, как ближайшая соседка Мексики и США. К 1938 г. именно Германия стала крупнейшим импортёром кубинского сахара. В знак благодарности правительство Кубы наградило орденом «Карлос Мануэль де Сеспедес» германского рейхсминистра иностранных дел И. Риббентропа и позволила немецкому боевому кораблю «Шлезвиг-Гольштейн» нанести визит в порт Сантьяго-де-Куба. В сентябре 1939 г. именно «Шлезвиг-Гольштейн» нанёс первый удар по польским береговым укреплениям на Балтике. Но чем немцы «отсалютовали» ещё на Кубе? В октябре 1938 г. кубинские власти получили запрос от группы своих влиятельных граждан с просьбой зарегистрировать «Кубинскую нацистскую партию» [2, с. 75]. Запрос был удовлетворён.

Быстрый разгром вермахтом Франции, Нидерландов, последующая оккупация почти всей Европы шокировали правящие круги Латинской Америки. Все они по примеру США заявили о своём нейтралитете в войне, но опасались за судьбу английских, французских и голландских колоний в Карибском бассейне. Ф. Батиста, ставший президентов Кубы в 1940 г. предложил Ф. Рузвельту провести в Гаване срочную консультативную встречу глав МИД Западного полушария. Желая продемонстрировать дружбу с США, он подчёркивал, что «не потерпит фашизма на Кубе, что в случае войны Куба будет на стороне США [3, с. 265].

На совещании министров был принят «Гаванский акт», который предполагал возможность установления режима временного управления территориями европейских государств в Западном полушарии. Другим важным решением пакта было принятие Декларации о взаимопомощи и сотрудничестве американских государств по принципу «Один за всех, все за одного».

Кубе в этой системе отводилась значительная роль. «Эта страна, – писала газета «Вашингтон пост», – имеет для нас жизненно важное значение по нескольким причинам. Во-первых, она очень близко расположена от Флориды и стратегически удобна для охраны Панамского канала со стороны Атлантического океана, во-вторых, туда мы вложили инвестиций больше, чем в любую другую страну Латинской Америки, наконец, в мирное время Куба является нашим лучшим торговым партнером среди всех латиноамериканских стран» [4, с. 79–80]. Если обратиться к цифрам, то в 1940 г. прямые инвестиции США на Кубе

составляли 21 % от всех их капвложений в страны Латинской Америки [5, с. 21]. Последнее обстоятельство имело для США определяющее значение, поскольку кубинский сахар не только был пищевым продуктом для воюющих стран, но и составной частью производства спирта, синтетического каучука, взрывчатых веществ. Оборонная промышленность США целиком зависела от кубинского сахара. Кроме того, кубинский марганец использовался при изготовлении танковой брони, прикрывавшей и американских и советских танкистов. СССР покрывал 53 % своих потребностей именно кубинским марганцем [2, с. 80].

Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. вызвало резкое усиление движения солидарности кубинцев с советским народом, поскольку жители острова отдавали себе отчет, что в случае победы Германии под угрозу будет поставлена даже их «зависимая независимость». 23 июня руководство партии Революционный коммунистический союз Кубы приняло резолюцию, осуждающую агрессию Германии против СССР. В ней содержалось требование к правительству Ф. Батисты принять меры против фашистской партии на Кубе. 29 июня 1941 г. в Гаване прошла многотысячная демонстрация солидарности с Советским Союзом [6, с. 178]. 24 июня 1941 г. состоялась Конференция демократических сил Кубы, постановившая создать комитеты солидарности с СССР. Через 3 дня в кубинских городах прошли массовые демонстрации под лозунгами поддержки СССР. В них участвовало более 40 тыс. человек. Особое внимание демонстрантов было обращено к группе молодежи, которая несла клетку с собакой, украшенной свастикой. На клетке надпись «Уничтожим фашистских собак» [7, с. 36]. Организаторами всех этих мероприятий были коммунисты Кубы.

Август 1941 г. стал своего рода определяющим для внутри и внешнеполитической ситуации на Кубе, которая, как было подчеркнуто выше, сохраняла нейтралитет в ходе начала войны. 12–13 августа Национальная Ассамблея молодых кубинцев, по инициативе Северо Агирре дель Кристо, члена коммунистического союза приняла два документа: 1) оказание помощи СССР, 2) запрета фашистской испанской фаланги и закрытия ее газет – «Диарио де марина», «Алерта» и «Авансе» [4, с. 88]. Проходившая в том же месяце сессия Конфедерации трудящихся Кубы потребовала от правительства прекращения торговли с Германией и ее союзниками, конфискации имущества фалангистов и германских нацистов, находящихся на Кубе. Тогда же было решено, что в один из з рабочих дней дневной заработок будет передан в фонд помощи Красной Армии. За счёт этих денег было отправлено в СССР 1 млн. сигарет и 40 тыс. мешков сахара [8, с. 142].

Ситуация кардинально изменилась в начале декабря 1941 г. Нападение Японии на военно-морскую базу США Перл-Харбор на Гавайских островах 7 декабря привело к вступлению США во Вторую мировую войну против Германии и ее союзников. В соответствии с положениями Гаванского пакта 9 декабря 1941 г. Куба находилась в состоянии войны с Японией, а с 11 декабря с Италией и Германией. Но компартия Кубы считала, что простого объявления войны странам «Оси», мало. Необходимо установить дипломатические отношения с СССР и оказать ему материальную помощь [9, с. 14–16]. 12 декабря 1944 г. Ф. Батиста подписал декрет №3343, по которому проживающие на Кубе 341 японец, 114 немцев, 13 итальянцев подлежали интернированию. Сначала их держали в лагере близ Гаваны, а с апреля 1942 г. перевели в тюрьму на острове Пинос [2, с. 36].

Куба сыграла большую геостратегическую роль в Карибском бассейне. Она «запирала» вход в Мексиканский залив и зону Панамского канала, затруднив, таким образом, Германии вовлечь Мексику в войну с США. В соответствии с соглашением о ленд-лизе на верфях Галвестона (США) были отремонтированы и укомплектованы крейсер «Куба» и учебный корабль «Патрия». Кубинские ВМС получили 12 «морских охотников» (малых противолодочных кораблей). На одном из них плавал знаменитый американский писатель Э. Хеменгуэй. Корабли были укомплектованы, экипажами, прошедшими трехмесячную подготовку в противолодочном учебном центре в Майами. Они в составе нескольких групп несли совместную дозорную службу и сопровождали морские конвои в районе входа в Мексиканский залив. Патрульный катер под командованием капитана Дельгадо потопил немецкую подводную лодку, намеревавшуюся уничтожить транспортное судно, ведшее в СССР сахар [10, с. 89]. Точное расположение этой лодки установил талантливый акустик – кубинец Норберто Колья-де Абреу, который тринадцатью годами позже, в 1956 г. станет рулевым на яхте «Гранма» [2, с. 106]. «Морские котики» внесли значительный вклад в борьбу с подлодками Германии, что позволило существенно снизить потери торгового флота. В общей сложности, за период боевых действий кубинские военные корабли сопровождали 528 судов (общий тоннаж 768 тыс. тонн) и оказали помощь 195 кораблям, терпевшим бедствие [11, с. 182–183]. Что касается торгового флота самой Кубы, то его потери были куда более существеннее: 17,5 % от всего тоннажа. При торпедных атаках немцев погибли 80 кубинских моряков [2, с. 105].

В борьбу с общим врагом свой вклад внесли и кубинские военные летчики. Они сопровождали 114 судов, ни одно из которых не

было потеряно. Самым знаменитым летчиком Кубы в годы войны, кавалером британских, канадских и французских орденов был Мигель Энсисо. В апреле 1945 г. именно он на Балтике потопил немецкий тяжелый крейсер «Адмирал Шеер», который в годы войны бесчинствовал в советском Заполярье [2, с. 112].

На Кубе развернулась кампания неограниченной материальной помощи СССР, выдвигалось требование к правительству Батисты поддержать англо-советский пакт от 26 мая 1942 г. и все акции, направленных на объединение Латинской Америки против фашизма. Это сделать было непросто, особенно в первой половине Второй мировой войны, поскольку на Кубе, как и других странах континента, имелись влиятельные профашистские силы, требующие «изгнания оттуда» США. Этот постулат опровергает позднейшие выводы западных историков о том, что страны региона, включая Кубу, в целом «играли второстепенную роль в национал-социалистской внешней политике» [12, с. 62].

За годы войны США получили в свое распоряжение еще две кубинские базы в Сан-Хулиане, Сан-Антонио-де-лос Банос, Нуэвитасе. Последняя была использована США уже 29 августа 1942 г. Нанося бомбовые удары по мелким нежилым островам вокруг Кубы, летчики отрабатывали навыки боевых действий на островах Тихого океана, где находились японские войска. Активы фашистских государств на Кубе были экспроприированы. В 1942 г. Куба заключила соглашение с США о размещении частей американских войск в стратегических районах страны. Как отмечал кубинский историк Р. Санчес-Пароди, с целью борьбы со шпионажем на Кубе была организована Служба расследования враждебной деятельности (SIAE), занимавшаяся наблюдением за прибытием и убытием самолетов и морских судов, предотвращением диверсий на предприятиях сахарной промышленности, а также выполнением задач военного характера. Поэтому то и удалось обезвредить сотни немецких, итальянских и японских граждан, поддерживающих тесные связи с фашистами, среди которых оказалось несколько дипломатических работников [13, p. 61].

Куба была единственной страной Латинской Америки, где в годы войны был выявлен, пойман и казнен агент немецкого абвера, въехавший по паспорту из Гондураса в сентябре 1941 г. под именем Энрике Аугусто Лунин. Но настоящая фамилия немца была Хайнц Август Кюннинг. В его задачу входило следить за работой гаванского порта и через своего агента в Испании передавать эти сведения в Берлин. В частности он передал информацию о маршрутах следования кубинских судов и виновного в гибели двух из них «Мансанильо» и «Сантьяго-де Куба», потопленных 12 августа 1942 г. Там же, у мыса Сан-Антонио

в 1942 г. был потоплен советский танкер «Туапсе». Интересный факт: Лунина-Кюннинга вычислил сотрудник SIAE Педро Луис Гутьеррес Фернандес, который был членом компартии Кубы [2, с. 33–34].

Стоит отметить, что Куба была **первой** латиноамериканской страной, которая по собственной инициативе установила дипломатические отношения с СССР. Это произошло в дни Сталинградской битвы на волне митингов и собраний, когда усилилась кампания по сбору средств для СССР. Внутренним положительным фактором явилось то, что депутатами и сенаторами парламента страны были члены компартии, два из которых входили в состав правительства, в том числе будущий соратник Ф. Кастро Карлос Рафаэль Родригес.

5 октября 1942 г. министр иностранных дел Республики Куба Хосе Аугустин Мартинес пишет советскому наркому иностранных дел В. Молотову: «Россия борется на передовых позициях в этой кровопролитной войне... русскому народу выпала эта тяжелая, но почетная миссия: его героизм и самопожертвенность спасли мир от всеобщей катастрофы. Поэтому вполне понятно, что Куба, решение которой единодушно... устанавливает с Россией отношения в духе мира и сердечности» [14, с. 80–81].

17 октября 1942 г. в результате переговоров между М. Литвиновым и послом Кубы в США А. Кончесо было достигнуто соглашение об установлении дипломатических и консульских отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Куба [15, p. 33]. Таким образом, по меркам войны, дипломатические отношения означали и союзные. С октября 1942 г. Куба стала союзницей не только США, но и СССР. Послом на Кубе по совместительству стал А. А. Громыко.

В стране продолжалась кампания поддержки СССР материальными средствами. Например, «Ротари клуб» отправил бойцам Красной Армии бесчисленное количество ящиков с ромом и сигаретами. В числе подарков для РККА от Еврейского антинацистского комитета Кубы фигурировали три сотни наручных часов. Этот же комитет переправил в Советский Союз два рентгеновских аппарата. Наконец, в адрес Киевского университета ушли микроскопы, собранные Ассоциацией кубинских украинцев и белорусов. Докеры Кубы в Гаване и Матансасе обслуживали торговые суда бесплатно [16, с. 96].

21 мая 1943 г. и «Правда», и «Известия» сообщили, что А. Кончесо принял В. Молотов. А на следующий день, 22 мая, «Правда» и «Известия» написали, что посол Кубы вручил верительные грамоты «всесоюзному старосте» М. Калинину. Кубинец добился разрешения на посещение Сталинграда. Вот как он описал свои впечатления от

увиденного в интервью гаванскому журналу «Боэмия»: «В этот исторический час Россия смогла сконцентрировать... всю свою энергию. И никто не сможет разубедить их в уверенности в победе, никакая неудача не сможет сломить эту веру русского народа в его окончательном триумфе. Там жертвуют для этого всем, чем только можно» [2, с. 92].

Хотя кубинская армия, в отличие от бразильской и мексиканской, не принимала непосредственного участия в боевых действиях, 250 тыс. юношей пошли в нее служить добровольно. Некоторые из них были и в составе Советской армии. Например, сын профсоюзного лидера Кубы С. Вилара – Энрике попал по линии Коминтерна в СССР и с момента нападения Германии на СССР пошел в Красную Армию. Дослужился до командира взвода. Погиб 30 января 1945 г. в Восточной Пруссии и похоронен на кладбище в польском г. Бранив [17, с. 454].

Сыновья бывшего генерального секретаря компартии Кубы Хорхе Виво-де Эското, который сменил убитого Хулио Антонио Мелью в 1929 г. – Хорхе и Альдо добровольцами вступили в Красную Армию. Младший – Альдо был разведчиком морской пехоты на Невском пяточке, ходил в тыл немцев для захвата «языков». По одной из версий, в конце 1941 г. группа, куда входил кубинец, возвращаясь из задания, была атакована самолетом противника. Альдо погиб и был похоронен на братском кладбище в Невской Дубровке. Старший – Хорхе был включен в отряд особого назначения капитана И. Бородулина, воевал на ближних подступах к Ленинграду, был тяжело ранен и эвакуирован. В связи с 40-й годовщиной Победы братья Виво и Э. Вилар были награждены советскими орденами (Хорхе – орденом Отечественной войны II степени, Альдо и Энрике (посмертно) – орденом Отечественной войны I степени). После победы Революции Государственный совет Кубы посмертно наградил Альдо и Энрике орденами Эрнесто Че Гевары первой степени [11, с. 181].

Ситуация на международной арене, связанная с войной, принуждала кубинскую правящую элиту, возможно, под давлением США, укреплять советский вектор своей внешней политики. В конце мая 1943 г. А. Кончесо принял И. Сталин. Кубинцы посчитали это великой честью, поскольку, по словам посла, руководитель Советского государства за годы войны принял только послов США, Великобритании и Мексики. Куба стала четвертой страной, удостоенной такой чести [7, с. 53].

Много позже, оправдывая установление дипломатических отношений с СССР, Ф. Батиста, изображал себя жертвой обстоятельств: «Международные осложнения позволяли коммунизму легально действовать под эмблемой Народно-социалистической партии (в 1944 г.

Революционно-коммунистический союз был преобразован в эту партию – Автор). Если тогда на полях сражений рядом развевались знамя серпа и молота и знамя полос и звезд, если были приостановлены идеологические споры... то как же должно было поступить наше правительство» [4, с. 90]. Этой тирадой будущий диктатор Кубы еще раз продемонстрировал полную зависимость внешней политики своего государства от позиций Вашингтона, который в свою очередь в условиях борьбы с фашистской Германией был вынужден считаться с позицией СССР и его лидером. Тем не менее, рост демократических настроений на острове, многочисленные мероприятия, проводимые левыми силами в поддержку СССР, способствовали политическому воспитанию кубинцев, зарождению будущей дружбы народов Кубы и СССР.

Таким образом, подводя итог данному периоду кубинской истории, можно сделать вывод, что страна и ее народ внесли свою лепту в победу над фашистской Германией и милитаристской Японией. Государство сделало ряд серьезных шагов на международной арене, что позволяло говорить о тенденциях к самостоятельности и независимости.

Источники и литература

1. Hitler sobre America Latina. El Facsismo aleman en Latinoamerica / 1933–1943. – Mexico : Editorial Fondo de Cutura Popular, 1968. – 128 p.

2. Брилев, С. Б. Забытые союзники во Второй мировой войне / С. Б. Брилев – М. : «Просвещение» – «ОЛМА», 2013. – 916 с.

3. Очерки истории Кубы. Отв. ред. Н. М. Лавров. – М. : Наука, 1978. – 603 с.

4. Ларин, Е. А. Политическая история Кубы XX века / Е. А. Ларин. – М. : Высшая шк., 2007. – 182 с.

5. Тарасов, К. С. США и Латинская Америка. Военно-политические и военно-экономические отношения. / К. С. Тарасов. – М. : Политиздат, 1972. – 359 с.

6. Давыденко, А. И. Союзники / А. И. Давыденко // Международная жизнь, 2015. – № 6. – С. 176–186.

7. Россия – Куба. 1902–2002. Документы и материалы. / Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Республики Куба. – М. : Международные отношения. 2004. – 736 с.

8. Сизоненко, А. И. СССР и Латинская Америка во время Великой Отечественной войны / А. И. Сизоненко // Латиноамериканский исторический альманах. – М. : ИВИ РАН, 2016. – № 16. – 375 с.

9. Советский Союз и Латинская Америка в годы Второй мировой войны. – М. : ИЛА АН СССР, 1975. – 95 с.

10. Лавров, Н. М. Солидарность Кубы с Советским Союзом / Н. М. Лавров // Латинская Америка, 1981. – № 7. – С. 89–97.

11. Советско-Латиноамериканское сотрудничество во время Второй мировой войны и современность. Гавана, 5-6 мая 2015 г. / Международная научная конференция. // Международная жизнь, 8 июня 2015. – С. 176–186.

12. Михайлов, В. М. Латинская Америка в стратегических планах третьего рейха. / В. М. Михайлов // Латинская Америка, 1984. – №7. – С. 62–72.

13. Sanchez-Parodi, R. Cuba – USA. Diez tiempos de una relacion. / R. Sanchez-Parodi //. La Habana, 2012. – 100 p.

14. Сизоненко, А. И. Очерки истории советско-латиноамериканских отношений (1924–1970 гг.) / А. И. Сизоненко. – М. : «Наука». – 1971. – 204 с.

15. Carlos Muniz Ortega. La URSS y America Latina / Muniz Ortega. – Lima : Moncloa Editores S. A., 1968. – 130 p.

16. Торшин, М. П. Юбилей Российского общества дружбы с Кубой / М. П. Торшин //. Латинская Америка. – 2015. – № 2. – С. 78–96.

17. Василькова, И. А. Они защищали Ленинград / И. А. Василькова // Латинская Америка. – 1985. – № 5. – С. 54–60.

УДК 94(430).087

И. И. Ковяко
Белорусский государственный университет

ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ ГЕРМАНИСТОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США: PER ASPERA AD ASTRA

Статья посвящена выявлению и анализу особенностей изучения германского вопроса в работах первого послевоенного поколения германистов Великобритании и США. Определена высокая актуальность и востребованность германских исследований в общественно-политической и академической среде. Проанализировано состояние источниковой и институциональной базы германских исследований. Рассмотрены основные подходы авторов к анализу наиболее актуальных аспектов германского вопроса во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. Сделан вывод о существенном влиянии холодной войны и внешнеполитических приоритетов Великобритании и США на формирование авторских оценок и позиций.

Изучение германского вопроса после окончания войны оказалось востребованным со стороны академического сообщества четверки великих держав, которые взяли на себя ответственность за судьбу побежденного врага. Важная роль послевоенной Германии во внешней политике союзников обусловила разнообразие тематики и оценочных суждений авторов. Отличительными чертами англо-американской историографии являлся ее прикладной характер, ориентация на решение практических задач внешней политики, а также влияние немецких эмигрантов 1930-х–1940-х гг. на формирование общественного мнения и авторских оценок.

В англо-американской историографии германского вопроса 1945–1990 гг. можно выделить три основных поколения авторов: первое из них формировало научную повестку до середины 1960-х гг., второе поколение творило со второй половины 1960-х гг. до конца 1980-х гг., третье поколение авторов пришло на этапе распада биполярной системы и объединения Германии. Целью данной статьи является выявление особенностей организации и проведения исследований первым поколением историков-германистов Великобритании и США. Источниковую базу исследования составили публикации американских и британских авторов, посвященные германской проблематике и опубликованные в 1945–середине 1960-х гг. Работа подготовлена с учетом принципов историзма и объективности, с привлечением общенаучных и конкретных исторических методов исследования.

Первой особенностью организации исследований первого поколения германистов являлась *ограниченность источниковой базы*. Авторам приходилось иметь дело с недавними или даже современными событиями, такими как оккупация Германии союзниками, денацификация, решение вопроса репараций, обсуждение перспектив объединения, перевооружение ФРГ и т. д. Исследователи из Великобритании и США использовали, главным образом, текущие архивы и периодические издания военных администраций в Германии, материалы обсуждения германского вопроса в Конгрессе США и британском Парламенте, отчеты международных организаций (например, Красного Креста), интервью с участниками событий, данные прессы. Привлекались также текущие публикации в авторитетных изданиях исследовательских институтов и фабрик мысли: «Форин Аферс», «Уорлд Тудей», «Интернэшнл Аферс» и т. п. Вместе с тем указанные источники имели преимущественно односторонний характер и позволяли исследовать положение дел лишь в отдельных оккупационных зонах. Проведение комплексных исследований было затруднено отсутствием широкого доступа к документам и материалам советской стороны [1].

Узость источниковой базы оказывала влияние на формирование авторских суждений и итоговых оценок, многие из которых были пересмотрены последующими поколениями историков-германистов Великобритании и США.

Первому поколению авторов приходилось работать в условиях *отсутствия профильных институтов и центров исследования*. Исключением являлся Центр германских исследований в Лондонском университете, который был создан еще в 1828 г. В основном же авторы концентрировались вокруг институтов и фабрик мыслей более широкого профиля, которые занимались вопросами внешней политики и международных отношений. Примерами могут служить Совет по международным отношениям в США и Королевский институт международных отношений в Великобритании. Постепенно вокруг отдельных авторитетных историков-германистов начинали формироваться центры тематических исследований на базе Принстонского, Чикагского, Гарвардского, Колумбийского и некоторых других университетов. Эти процессы привели к ощутимым результатам к началу 1960-х гг., подготовив выход на историографическую арену второго поколения авторов. Высокая актуальность германского вопроса в эпоху холодной войны способствовала дальнейшей институционализации исследований. Исторические общества, институты, ассоциации германистов появились в Великобритании и США в конце 1960-х – 1980-е гг. во многом благодаря финансовой поддержке правительства и промышленных концернов ФРГ, таких как «БМВ» и «Фольксваген» [2].

Ощутимое влияние на первое поколение историков-германистов оказал *личный опыт и воспоминания*, связанные со Второй мировой войной. Среди американских авторов можно обнаружить немало немецких фамилий – это выходцы из Германии и их потомки, некоторые из них переехали в США в 1930-е гг. Отдельные исследователи имели непосредственный опыт участия во Второй мировой войне, посещали Германию в первые послевоенные годы, тесно общались с очевидцами событий. Немаловажное значение имело негативное общественное восприятие Германии в данный период, особенно в Великобритании, которая оказалась напрямую затронута боевыми действиями. Эти обстоятельства обусловили довольно широкое распространение негативных оценок германской политики союзников и призывов к более жестким мерам в отношении побежденного врага. Преимущественно это отражалось в работах, посвященных анализу денацификации и ремилитаризации Германии.

В 1948 г. западные союзники заявили о завершении программ денацификации в своих зонах, что вызвало неоднозначную реакцию

американской и британской общественности. В историографии поднялась волна критики оккупационной политики, в первую очередь, из-за формальной, непродуманной и наспех свернутой программы. В исторической литературе появилось понятие «ренацификация», которое обозначало постепенное возвращение бывших членов НСДАП на руководящие должности в новой Германии. Авторы видели причины «ренацификации» в нарастающих противоречиях между США и СССР как в области германского вопроса, так и в глобальном масштабе, а также в самой системе военного управления Германией, которая изначально была далека от демократических идеалов и на практике оказалась более лояльна к консервативным элементам [3; 4]. Отмечалось, что с развитием холодной войны в общественном сознании под влиянием правительственных сил стал постепенно меняться образ врага: место Германии занимал СССР. В такой ситуации дальнейшая денацификация теряла смысл, напротив, укрепление государственного аппарата правыми консервативными деятелями стало предпочтительным. В итоге это привело к вхождению в систему управления тех, кто еще вчера был мишенью денацификации. По оценкам авторов, возвращение неонацистов к власти в ФРГ выглядело более вероятным, чем формирование коммунистического правительства [5; 6].

Много критики со стороны первого поколения германистов можно обнаружить в публикациях, посвященных вопросу перевооружения ФРГ. Категорически против ремилитаризации Германии и ее вступления в блоки или союзы высказывались в своих публикациях такие видные политические деятели США, как директор ЦРУ Аллен Даллес, глава Казначейства Генри Моргентау, экономический советник Ф. Д. Рузвельта Джеймс Уорберг. Они выражали опасения в связи с возможным возвращением ФРГ к традиционной внешнеполитической практике лавирования между двумя центрами силы, что в итоге могло привести к прямому столкновению между США и СССР [7; 8]. Отмечалось, что советская угроза носит не военный, а идеологический характер, поэтому использование вооруженной ФРГ в холодной войне не имеет смысла. Более того, она могла перейти на сторону СССР в обмен на создание единой Германии [5; 9]. После вступления ФРГ в НАТО подобные оценки сошли на нет, авторы сосредоточились на анализе причин ремилитаризации и ее возможных последствий отношений стран Запада с ФРГ и СССР. Диссертационные исследования молодых авторов, представленные к защите в это время, отличались более мягкими и позитивными оценками в отношении германской политики западных стран. В целом, несмотря на начало холодной войны, в первое послевоенное десятилетие главной угрозой большинство авторов

считали Германию, а не Советский Союз [1]. Острая критика программ денацификации и ремилитаризации Германии на страницах публикаций постепенно утихла во второй половине 1950-х гг., что во многом было обусловлено изменениями во внешней политике Лондона и Вашингтона. Новообразованная ФРГ, принятая в НАТО, должна была сменить имидж вчерашнего противника на будущего союзника не только в области практической политики, но и в общественном восприятии.

Одновременно в конце 1940-х–начале 1960-х гг. на работе германистов не могло не сказаться *влияние холодной войны*. Изучение перевооружения Германии в англо-американской историографии пересекалось с анализом советских инициатив по германскому вопросу в начале 1950-х гг. Предложения советской стороны создать единую нейтральную Германию и разработать дополнительные гарантии безопасности в Европе не встретило понимания и поддержки на Западе. Многие авторы первого поколения поддержали позицию правительств, выражая недоверие к СССР. Главной угрозой интересам стран Запада они считали вовлечение единой нейтральной Германии в сферу влияния противника. Таким образом, сохранение раскола и отказ от детального обсуждения ноты Сталина 1952 г. рассматривался как страховочный механизм или выбор наименьшего из двух зол [10; 11; 12]. Впоследствии представители второго и третьего поколения германистов произвели переоценку данного вопроса и пришли к выводу о том, что формальный подход Лондона и Вашингтона не позволил оперативно урегулировать германский вопрос.

Среди первого поколения германистов не наблюдалось единства при анализе репарационной политики союзников. Представители консервативного направления в историографии, получившего образное название школа «сдерживания», были склонны рассматривать репарационные ожидания Москвы как часть долгосрочного плана по дестабилизации Германии и формирования единого социалистического правительства [7]. После 1949 г. подобные оценки использовались для обоснования политики западных союзников, направленной на раскол Германии и создание ФРГ [13]. Представители школы «сдерживания» следовали основным тенденциям холодной войны, рассматривая в качестве главной угрозы безопасности уже не Германию, в мировой коммунизм. Другие авторы – рационалисты – считали репарационные требования СССР ожидаемыми и оправданными, поскольку советское государство понесло огромные потери в годы войны и нуждалось в восстановлении экономики и хозяйственной жизни. Отказ Вашингтона предоставить Москве кредит в 1946 г. оказал негативное влияние на

советско-американский диалог и во многом содействовал нарастанию атмосферы подозрительности и враждебности в отношениях вчерашних союзников. Рационалисты по-прежнему рассматривали в качестве главной угрозы Германию и прямо либо косвенно поддерживали идею нормализации, улучшения отношений между США и СССР [14; 15].

Первому поколению авторов приходилось работать в условиях стремительно меняющейся обстановки и пересмотра внешнеполитических приоритетов правительств. Если в первые послевоенные годы большинство представителей англо-американской историографии в целом поддерживали идею сохранения единой Германии, то после начала холодной войны и образования ФРГ в авторских оценках произошел стремительный разворот. Наибольшую популярность приобрела точка зрения, что раскол был неизбежен и представлял единственное возможное из всех решений с учетом интересов безопасности и экономического развития США и Великобритании [16]. Линия на аргументацию и оправдание германской политики стран Запада сохранялась в публикациях вплоть до объединения Германии и распада биполярного мироустройства. В 1990-е гг. третье поколение германистов приступило к пересмотру политики союзников в первое послевоенное десятилетие и предложило альтернативные оценки ее целей и результатов. Только после исчезновения СССР с политической карты мира в англо-американской историографии все отчетливее стали звучать свидетельства, возлагавшие ответственность за раскол Германии на страны Запада.

Первое поколение германистов в Великобритании и США формировало повестку исследований во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. Им приходилось работать в довольно сложных условиях ограниченности источниковой базы и практически полного отсутствия устоявшихся тематических институтов и центров. Помимо организационных трудностей существенное влияние на работу первого поколения авторов оказывали морально-психологический и идеологический факторы. Личный опыт переживания Второй мировой войны, общение с очевидцами и участниками событий, высокий уровень антигерманских настроений в обществе накладывали отпечаток на авторские оценки и суждения. С другой стороны, стремительные изменения в состоянии германского вопроса в конце 1940-х – середине 1950-х гг., нарастание напряженности и конфронтации в отношениях сверхдержав актуализировали пересмотр внешнеполитических приоритетов и повлекли за собой переоценку роли Германии и СССР в политике западных государств. Принимая во внимание прикладной характер англо-саксонской

научной традиции, германисты первого поколения были вынуждены учитывать все эти изменения при проведении исследований и выработке авторских рекомендаций. Несмотря на многочисленные сложности, первое послевоенное поколение германистов проделало огромную работу по сбору и анализу данных и определению актуальных направлений исследований. Представители данного поколения заложили научную основу для последующего развития и институционализации исторической германистики в Великобритании и США.

Источники и литература

1. Ковяко, И. И. Германский вопрос в диссертационных исследованиях Великобритании и США второй половины XX века / И. И. Ковяко // Новая и новейшая история. – 2025. – № 1. – С. 35–48.

2. Ковяко, И. И. Формирование и деятельность центров изучения послевоенной истории Германии в Великобритании и США / И. И. Ковяко // Весці БДПУ. Сер. 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2022. – № 2(112). – С. 6–10.

3. Herz, J.H. The fiasco of denazification in Germany / J. Herz // Political Science Quarterly. – 1948. – Vol. 63. – № 4. – P. 569–594.

4. Griffith, W. Denazification in the United States zone of Germany / W. Griffith // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1950. –Vol. 267. – P. 68–76.

5. Warburg, J. Germany: key to peace / J. Warburg. – Cambridge, Mass. : Harvard University, 1953. – 344 p.

6. Tetens, T. H. The new Germany and the old Nazis / T. H. Tetens. – New York : Random House, 1961. – 286 p.

7. Dulles, A. W. Alternatives for Germany / A. W. Dulles // Foreign Affairs. – 1947. – Vol. 25. – № 3. – P. 421–432.

8. Morgenthau, H. Jr. Germany is our problem / H. Jr. Morgenthau. – New York; London : Harper&Brothers, 1945. – 239 p.

9. Tetens, T. H. Germany plots with the Kremlin / T. H. Tetens. – New York : H. Schuman, 1953. – 294 p.

10. Richardson, J. L. Germany and the Atlantic Alliance : The interaction of strategy and politics / J. L. Richardson. – Cambridge (Mass.): Harvard University, 1966. – 403 p.

11. Cohen, E. Soviet foreign policy and West Germany / E. Cohen // Social Science. – 1957. – Vol. 32. – №2. – P. 90–95.

12. Hanrieder, W. F. West German Foreign policy, 1949–1963. International pressure and domestic response / W. F. Hanrieder. – Stanford : Stanford University Press, 1967. – 275 p.

13. Woodhouse, C. M. British foreign policy since the Second World War / C. M. Woodhouse. – New York : Praeger, 1962. – 255 p.

14. Mosely, P. The occupation of Germany. New light on how the zones were drawn / P. Mosely // Foreign Affairs. – 1950. – Vol. 28. – № 4. – P. 580–604.

15. Nettl, P. German reparations in the Soviet zone / Peter Nettl // Foreign Affairs – 1951. – Vol. 29. – № 2. – P. 300–307.

16. Kaviaka, I. I. German Unification in the Works of British and American Researchers in 1945–1949: Pro et Contra / I. I. Kaviaka // History and Politics. – 2020. – No 34(41). – P. 9–18.

УДК 94(73).092

Е. В. Кодин
Смоленский государственный
университет

АКАДЕМИЧЕСКИЕ КОРНИ АМЕРИКАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РУСОФОБИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Современная русофобия явление не новое. Самая «молодая» ветвь русофобии – американская. Вплоть до революций 1917 г. Россия вообще была для американского общества – «терра инкогнита». Союзническая победа над фашизмом довольно быстро переросла в идеологическую конфронтацию, а затем и в холодную войну. Русофобия в США рождалась в условиях международного противостояния и внутренней «охоты на ведьм» эпохи маккартизма. Она изначально обрела статус государственной политики. Значительный вклад в русофобский американский контент привнесет и академическая наука, особенно в рамках тоталитарной концепции. Такое сотрудничество, утвердившееся в 1950-е годы, продолжается и в настоящее время.

В 2016 г. на русском языке была издана книга швейцарского журналиста Ги Меттана с необычно пространным названием: «Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. Почему мы так любим ненавидеть Россию?» [1]. Отдельная глава книги посвящена американской русофобии, которая, в оценке автора, ведет свое начало с 1945 г. и вобрала в себя «динамический синтез либерально-демократической французской,

империалистической английской и немецкой русофобии» [1, с. 312]. Главным отличием американской русофобии от всех европейских стало изначальное ее формирование как государственной политики.

В ее основу был положен принцип сдерживания Советского Союза, сформулированный сразу после Второй мировой войны главой отдела политического планирования государственного департамента США Джорджем Кеннаном, работавшим некоторое время в дипломатической миссии в Москве*. А далее уже последовала обязательная к исполнению директива президента Гарри Трумэна № 9835 от 21 марта 1947 г. с многочисленными составляющими программы лояльности (The Loyalty-Security Program) и известные события, связанные с деятельностью сенатора Джозефа Маккарти и официальной политикой маккартизма.

Сегодня Америка хотела бы забыть ту скрытную оборотную сторону политики маккартизма, которая вылилась почти в 130 «ядерных грибов» в штате Невада, в многолетние испытания на детях, которым в школах давали радиоактивные кукурузные хлопья с добавлением железа и радиоактивное молоко, чтобы выяснить воздействие облучения на систему пищеварения. Радиоактивные препараты давали больным, беременным женщинам. Опыты ставились на заключенных [2]. Психоз холодной войны и кошмар «красного фашизма» [3] сформирует мировоззрение целого поколения американцев. Сама же общая атмосфера толкала Конгресс на антисоветские действия, которые вылились в череду расследований и слушаний в Конгрессе по разного рода «преступлениям» Советского Союза.

Как, например, в 1951–1952 гг. слушанья по Катынскому делу. Расстрел поляков квалифицировался не иначе, как одно из наиболее варварских международных преступлений в мировой истории. Комиссия нисколько не сомневалась, что это было делом рук советского НКВД. Но главным заключением было даже не это, а вывод о том, что Катынское убийство являлось «очередным шагом Советов на пути полной коммунизации Европы, а затем и всего мира, включая Соединенные Штаты» [4].

Далее в декабре 1954 г. последовали отдельные слушанья по Беларуси. Доклад назывался «Коммунистический захват и оккупация Белоруссии». И в нем следовал вполне ожидаемый вывод о неизбежной коммунистической оккупации Беларуси после ее освобождения от германской колониальной политики [5]. Аналогичные «доказательства»

* У Кеннана это подразумевало сдерживание советского экспансионизма вне рамок военной доктрины, тем более холодной войны

экспансионизма Советского Союза обсуждались в Конгрессе и в отношении Прибалтийских республик. Выражение «красная опасность» (red scare) прочно вошло в политический лексикон того времени.

В 1951 г. создается Американский комитет освобождения от большевизма*. Формально Комитет представлял собой общественную организацию. Но основной своей задачей он определял оказание помощи антикоммунистической эмиграции из Советского Союза в ее борьбе за свержение большевистского режима [6]. Самым плотным союзником Комитета в его антикоммунистической работе стало Центральное разведывательное управление США, координировавшее и финансировавшее радиостанцию «Освобождение» (позже – «Радио Свобода») и Мюнхенский институт по изучению СССР [7]. Знаковыми были и фигуры президентов Комитета: в апреле 1952 г. его руководителем стал адмирал Алан Кирк, только что оставивший пост американского посла в Москве; в сентябре 1952 г. его сменит вице-адмирал Лесли Стивенс, бывший военно-морской атташе в Москве; а в сентябре 1954 г. президентом Американского комитета станет еще более весомая фигура – недавний помощник госсекретаря США Хаулэнд Сарджент.

В целом к началу 1950-х годов американский политический истеблишмент был уже полностью настроен на антисоветский/антироссийский лад, и есть все основания говорить о сформировавшейся в это время государственной русофобии в США.

Заметную роль в этом сыграло и академическое сообщество, активно включившееся в общую русофобскую политику.

Среди академических структур на первый план здесь сразу вышел только что созданный в 1948 г. Русский исследовательский центр Гарвардского университета. В аналитической записке по вопросам создания Центра, хранящейся в архиве Гарвардского университета, отмечается, что перед ним ставилась задача изучения российских институтов власти и советского поведения с тем, чтобы предсказывать советскую политику, давать новые знания о Советском Союзе, а также свежие объяснения уже имеющимся и новым знаниям, особенно в сфере общественных наук, доносить эти интерпретации до правительства и общественности [8, с. 16].

---

* Изначально комитет назывался «Американский комитет за свободу народов СССР», в мае 1951 г. название поменялось на «Американский комитет освобождения народов России». С марта 1953 г. Комитет получил новое название – «Американский комитет освобождения от большевизма». Последнее название комитета будет – «Комитет Радио Свобода» (с 1964 г.).

Декларированная же объективность планируемых исследований окажется в значительной степени не более, чем пожеланием. В реальности гарвардские ученые, находившиеся под тем же жестким прессом маккартизма, были поставлены в условия, которые требовали изучения Советского Союза как врага. Именно этот аспект американской русофобии довольно полновесно и убедительно показал в своей работе 2009 г. Дэвид Энгерман, дав ей соответствующее той эпохе название – «Знай своего врага» [9].

Одной из самых первых научных дискуссий в Русском исследовательском центре Гарварда стала тема идентичности подходов в изучении Советского Союза, нацистской Германии и фашистской Италии. Здесь определяющей оказалась позиция Ричарда Пайпса, который возмущался тому обстоятельству, что в имевшейся литературе по фашизму и тоталитаризму игнорировался «советский опыт». В последующем он восполнит этот «пробел» целой главой в книге «Россия под большевистским режимом» с характерным названием «Коммунизм, фашизм и национал-социализм» [10, p. 241–242]. Хотя Пайпс в принципе не видел никакой разницы ни в этих трех идеологиях, ни в практике их политических режимом. В части же новейшей российской истории главное в понимании Пайпса сводилось к тезису об изначальной пагубности марксизма, воплощенного Лениным в революции 1917 г., которая отбросила Россию назад к далеким истокам дозападного развития, к патриархату, беззаконию, рабству, чувству уникальности и изоляции. Другими словами, Пайпс не приемлет не только советскую, но и всю российскую историю, считая россиян неспособными в их раболепстве и покорности создать демократическое государство.

Об этой малообъяснимой ненависти Пайпса к россиянам и всему российскому, а не только советскому, писал в 1990-е годы его американский коллега Питер Кенез, отмечая, что именно она застилала ему глаза для объективного подхода к российской истории [11]. Называя книгу «Русская революция» злой и мрачной, Питер Кенез лишь выражает сожаление, что «ослепленный узкой, непривлекательной идеологией, вопреки его очевидной эрудиции, интеллигентности и таланту», Ричард Пайпс преподносит читателю российскую историю в односторонне негативном виде [12].

Вполне возможно, что причины этому следует искать в польских корнях Ричарда Пайпса и многовекового противостояния Польши и России. В 1939 г. семья из оккупированной нацистами Польши бежала в США. С 1950 г. после защиты докторской диссертации, посвященной становлению Советского Союза, Пайпс стал работать в Гарвардском университете, пять лет был директором Русского исследовательского центра.

Как политик Ричард Пайпс «родился с разрядкой» международных отношений, но не как ее сторонник, а как непримиримый противник. Во введении к книге «Советско-американские отношения в эпоху разрядки» (1981 г.) он так описывает данные обстоятельства: «Мое более активное вмешательство в политику совпало с рождением разрядки. С самого начала меня беспокоило, что люди, которые в 1969 году отвечали за американскую внешнюю политику, казалось, были абсолютно не сведущими в вопросах природы советского режима, с которым они собирались войти в большее согласие» [13, p. XIV]. И с такими убеждениями и внутренними установками Пайпс начал сотрудничать с Комитетом по существующей опасности (Committee on the Present Danger), а в 1981–1982 годах был главным специалистом по Советскому Союзу в Совете по национальной безопасности администрации президента Рональда Рейгана. В своих воспоминаниях Пайпс вставляет такой интересный пассаж о его приходе на высокую административную должность: академик Г. А. Арбатов в беседе с одним европейским дипломатом расценил это назначение как «трагедию», поскольку Пайпс «был гораздо хуже Бжезинского» [14, p. 149].

Правда, надолго в политике Пайпс не задержался, вернувшись в более близкую и понятную ему академическую сферу. При этом, нисколько не поменяв своего негативного русофобского отношения к России.

Гораздо больше на поприще практической американской русофобии сделал, конечно, Збигнев Бжезинский, который многому научился у Пайпса еще в Гарварде. По сути, все наиболее радикальные русофобские планы США будут связаны с именем Бжезинского.

Родом из Варшавы, Бжезинский с 1938 г. жил и учился в Канаде. Закончил Гарвардский университет по политологии, здесь же защитил докторскую диссертацию по советской тоталитарной системе. Преподавал в Гарварде, потом в Колумбийском университете. В 1960-е годы ушел в большую политику, в администрации президента Джимми Картера занимал должность советника по национальной безопасности. Именно он и притом лично «создавал» для СССР Афганистан. За его же авторством было и формирование концепция расширения НАТО на восток.

В 1986 г. в книге «План игры» Бжезинский представил свое виденье развала Советского Союза, сделав ставку на всемерное содействие разрастанию внутренних раздоров в СССР и развалу его изнутри через поддержку националистических структур в Прибалтике, на Украине, в Грузии и других регионах [15]. Следует признать, что план Бжезинского в значительной мере оказался реализованным. И даже «досрочно».

Хотя наряду с такими глубокими аналитическими наработками как у Бжезинского, в 1980-е годы в США популярными оставались и своего рода «страшилки» из прошлого, как, например, книга Роберта Конквеста «Что делать, когда придут русские: путеводитель по выживанию» [16]. В 1984 г. автор совершенно серьезно пугал американцев неизбежностью прихода к власти коммунистов и советской оккупацией. Что будет в результате «тотальной советизации Америки»? В перечень включены: расстрелы, экзекуции, насилие, грабежи, создание нового лояльного СССР американского правительства, формирование нового Конгресса, смерть президента и вице-президента, господство во всех сферах американской компартии, чистки учреждений, цензура в средствах массовой информации, миллионы арестованных, четверть взрослого населения окажется в концентрационных лагерях и т. д. [16]. Поразительно, но эта и такая русофобия действовала и находила свою читательскую аудиторию даже в середине 1980-х годов.

Бжезинского же волновали глобальные геополитические процессы. В 1997 г. выходит его книга «Великая шахматная доска» [17]. Это был тоже своего рода план игры, но на большом геополитическом пространстве – в Евразии. Центральным пунктом, по Бжезинскому, здесь должна была стать Украина, которой отводилось членство и в Евросоюзе, и в НАТО. Реализация и этого большого плана шла довольно успешно. За двадцать лет Украина по сути была «сдвинута» на проамериканскую и проевропейскую орбиты. Но воплощению планов Бжезинского в полной мере помешала «незапланированная» пророссийская позиция Крыма и Донбасса.

При этом Бжезинскому было недостаточно простого противостояния с Россией. Ему надо было еще и «разорвать ее на куски». Причем сделать это в книге предлагалось как бы исключительно с заботой о будущем процветании разделенной России, которую автор стратегии видел уже в формате конфедерации: Европейская Россия, Сибирская республика и Дальневосточная республика [17, с. 258–259]. Параллельно должна была осуществляться и вторая задача – расширение влияния на российское общество появившихся к тому времени многочисленных инструментариев «мягкой силы», в первую очередь неправительственных организаций, финансируемых Западом (по примеру пресловутого Фонда Сороса).

В 2017 г. Збигнева Бжезинского не стало. Последователем и продолжателем «дела Бжезинского» в современных Соединенных Штатах стал также американец польского происхождения Януш Бугайский, автор вышедшей в 2022 г. книги «Несостоявшееся государство: Путеводитель по распаду России» [18].

Бугайский вначале жил в Англии, где получил образование, в том числе в Лондонской школе экономики и политических наук. Перебравшись в Америку, он создает там и многие годы руководит восточноевропейским направлением в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне. Работает старшим научным сотрудником Джеймстаунского фонда в Вашингтоне, округ Колумбия.

Конечно, политический вес, энциклопедизм, аналитика и академизм Бжезинского и Бугайского несравнимы. Тем не менее, в продолжение дела своего польского предшественника, разрабатывавшего и претворявшего в жизнь план по развалу Советского Союза, Бугайский ставит перед собой задачу гораздо меньшего масштаба: «всего лишь» распад современной России.

Как это видится автору?

Отталкиваясь от опубликованной в декабре 2017 г. Стратегии национальной безопасности США, в которой Россия определяется основным соперником и конкурентом, стремящимся ослабить международное влияние Вашингтона и отделить Соединенные Штаты от его союзников и партнеров, Бугайский считает необходимым выстроить геополитические планы и политику так, чтобы обратить вспять наступление Москвы, используя ее слабости [18, p. 419]. И он дает прямые установки Вашингтону «начать стратегическое геополитическое наступление, чтобы «деимпериализировать» Россию», помочь ей «либо федерализоваться, либо раздробиться, децентрализоваться или распасться» [18, p. 431]. И не надо бояться будущего, призывает он американских политиков. Наоборот, они как никогда должны быть «воодушевлены перспективой исторических вызовов, которые возвестят о новой эре геополитики» [18, p. 432].

Автор с соответствующими обоснованиями по отдельным российским регионам показывает, как и почему из состава современной России неизбежно выделятся Уральская республика, Сибирская республика, Дальневосточная республика, Татарстан, Чечня, Дагестан и другие территории. И после этого оставшийся «обрубок московитского государства» уже будет иметь значительно меньшие возможностей для милитаристской и ревизионистской политики в отношении соседей.

Такое развитие событий может быть вызвано «спиральным хаосом» конфликта государства с обществом, выливающегося в массовые протесты и сопротивление в регионах, что в итоге приведет к «революционной ситуации» с растущим числом людей, не желающих жить «при провалившемся диктаторском режиме» [18, p. 294].

Что же предлагается в части конкретных шагов по развалу России? Осуществление раскола России Бугайский видит по двум направлениям: на региональном и международном уровнях.

С учетом имевших место проблем преобразования советских республик в независимые государства 30-летней давности, на первое место автор выдвигает НАТО и Украину. НАТО следует предоставлять Киеву все необходимые военные средств для освобождения своих территорий, «сколько бы времени это ни заняло» [18, p. 422]. После войны Украина должна значительно повысить свою оперативную совместимость с силами НАТО, построить совместимую с НАТО военную инфраструктуру и участвовать в совместных технологических проектах с оборонной промышленностью блока.

Создать в Вашингтоне группу по опережающему «планированию политики разрыва России» [18, p. 423], которая разработает варианты действий для ряда сценариев внутри и вдоль границ Российской Федерации.

Поддержка внутри России политиков, партий, республик и регионов, стремящихся к улучшению связей с Западом. А также соседних с Россией государств, которые стремятся отойти от Москвы. И дает перечень государств: Беларусь, Армения, Азербайджан, Казахстан и другие государства Центральной Азии.

Поддерживать политический плюрализм, демократические реформы, права меньшинств, административную децентрализацию, этнонациональную автономию и самоопределение среди разрозненных регионов России, этнорегиональных активистов в Интернете и в изгнании [18, p. 425].

Если же программа федерализации и политического плюрализма не пройдет из-за сопротивления Кремля, тогда «наберет обороты сепаратистский вариант», который выльется в создание новых государств. А до этого следует не признавать «мошеннические национальные, региональные и местные выборы в России законными» [18, p. 427], а также подчеркивать экономическую эксплуатацию Москвой богатые и самодостаточные регионы.

Новым государствам, созданным на обломках имперской России, должна быть обеспечена международная безопасность посредством признания их национальной независимости.

Таков в целом антироссийский план Бугайского. Конечно, достичь высот Бжезинского или Пайпса Бугайскому, явно, не дано, но свою лепту в американскую государственную русофобию он вносит вполне ощутимо.

При этом с нашей точки зрения более «опасным» современным американским русофобом является профессор истории Йельского университета Тимоти Снайдер, автор двух известных, переведенных на русский язык книг: «Реконструкция наций» [19] и «Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным» [20]. И, если в «Реконструкции

наций» Снайдер больше переживает за Польшу, которая была разделена (Речь Посполитая) исключительно по вине России, в итоге потеряла свою государственную самостоятельность и оказалась аннексированной [20, с. 17–18], то в «Кровавых землях» речь идет уже о разделе самой Европы. Изданная на русском языке при содействии посольства США в Украине и, как утверждается, сразу же ставшая «мировым бестселлером», пережившим «мгновенно» 29 изданий на 26 языках мира, книга Снайдера вытягивает на свет вроде уже и подзабытую за десятилетия формулу идентичности фашизма Гитлера и фашизма Сталина. В оценке Снайдера, это фактически одно и тоже, разницы нет никакой. Два тоталитарных режима имели схожие характерные черты: экспансионизм и расизм. Поэтому две эти системы и «совершали одинаковые преступления в одно и то же время, в одних и тех же местах, содействуя друг другу и подстрекая друг друга» [20, с. 2].

А в 2018 г. Снайдер пошел еще дальше в своем неприкрытом неприятии современной России. В книге «Дорога в несвободу» [21] слово «фашизм», как это и ни покажется парадоксальным на первый взгляд, вновь становится центральным в аргументации автора. Но теперь уже без гитлеровской Германии. Снайдер в полной мере переносит это понятие на нынешнюю Россию. Логика его заключается в следующем. Современный российский фашизм заявляет о себе в такой же, как и в прежней истории России, захватнической, имперской внешней политике. Примеры? Это и «аннексия» Крыма и «захват» Донбасса, как свидетельство очевидного и показного «разрастания фашистского государства» [21, p. 145].

И точно так же, как пугал американцев в середине 1980-х годов своим «Путеводителем по выживанию» Роберт Конквест, Тимоти Снайдер рисует плачевное будущее для Европы: Россия вскоре подчинит ее себе и заставит действовать по своему сценарию.

Заключение. В отличие от европейской русофобии американская русофобия изначально формировалась как государственная политика по противодействию России/СССР. В борьбе с «красной опасностью» эпохи маккартизма и холодной войны активно участвовали все государственные структуры. Свой, притом существенный, вклад в формирование образа врага внесла и американская академическая наука. И такое плотное сотрудничество продолжается и в настоящее время.

Источники и литература

1. Меттан, Г. Запад – Россия: тысячелетняя война / Г. Меттан. – М. : Паулсен, 2016. – 464 с.

2. The Boston Globe. –1994, – January 2, 8.

3. Adler, Les «Red Fascism» / L. Adler, T. Paterson. – American Historical Review. – Vol. LXXV. – № 4 (April 1970). – P. 1046–1064.

4. Hearings before the Select Committee to conduct an investigation of the facts, evidence and circumstances of the Katyn Forest Massacre. Eighty-second Congress on investigation of the murder of thousands of Polish officers in the Katyn Forest near Smolensk, Russia. – Washington : United States Government Printing Office, 1952. – 2362 p.

5. Communist Takeover and Occupation of Byelorussia. Special Report #9 of the Select Committee of Communist Aggression. December 31, 1954. – Washington : United States Government printing office, 1955. – 11 p.

6. Кодин, Е. В. Американский комитет освобождения от большевизма и советская эмиграция в Европе / Е. В. Кодин // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2019. – Том 64. Выпуск 3. – С. 1061–1073.

7. Кодин, Е. В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? / Е. В. Кодин. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2016. – 270 с.

8. Кодин Е. В. «Гарвардский проект» / Е. В. Кодин. – Москва : РОССПЭН, 2003. – 207 с.

9. Engerman, David C. Know your enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts / D. C. Engerman. – Oxford University Press, 2009. – 459 p.

10. Pipes, Richard. Russia under the Bolshevik regime / R. Pipes. – New York : A.A. Knopf, 1995. – 587 p.

11. Kenez, Peter, «The Prosecution of Soviet History» / P. Kenez. – Russian Review. – 1995. – № 54, 2. – P. 265–269.

12. Kenez, Peter. «The prosecution of Soviet History: a critique of Richard Pipes' The Russian Revolution» / P. Kenez. – Russian Review. – 1991. № 50, 3. – P. 345–351.

13. Pipes, Richard. U. S.-Soviet relations in the era of détente / R. Pipes. – Boulder : Westview Press, 1981. – 227 p.

14. Pipes, Richard. Vixi. Memoirs of a non-belonger / R. Pipes. – New Haven : Yale University Press, 2003. – 264 p.

15. Brzezinski, Zbigniew. Game plan: a geostrategic framework for the conduct of the U.S.--Soviet contest / Z. Brzezinski. – Boston : Atlantic Monthly Press, 1986. – 288 p.

16. Conquest, Robert. What to do when the Russians come: a survivor's guid / R. Conquest. – New York : Stein and Day. 1985. – 177 p.

17. Бжезинский, Збигнев. Великая шахматная доска: господство Америки и его геополитические императивы / З. Бжезинский. – М. : Международные отношения, 1998. – 702 с.

18. Bugajski, Janusz. Failed State: A Guide to Russia’s Rupture. The Jamestown Foundation / J. Bugajski. – Washingto : DC , 2022. – 450 p.
19. Снайдер, Тимоти. Реконструкция наций / Т. Снайдер. Пер. с англ. – Москва–Вроцлав : Летний сад; Коллегия Восточной Европы им. Яна Новака-Езераньского во Вроцлаве, 2013. – 412 с.
20. Снайдер, Тимоти. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным / Т. Снайдер. Пер. с англ. Л. Зурнаджи. – К. : Дуліби, 2015. – 584 с.
21. Snyder, T. The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America / T. Snyder. – New York : Tim Duggan Books, 2018. – 360 p.

УДК 94(438:430)"1949/1955"

Л. В. Гавриловец
Мозырский государственный педагогический
университет имени И. П. Шамякина

ОБРАЗОВАНИЕ ФРГ И ГДР И ПОЗИЦИЯ ПОЛЬШИ. НАЧАЛО ГЕРМАНО-ПОЛЬСКОГО ДИАЛОГА

Анализируется позиция правительства Польши по вопросу образования двух германских государств и установления с ними дипломатических отношений. Определен круг основных проблем в германо-польских отношениях, которые длительное время польская сторона не могла урегулировать особенно с ФРГ. Среди этих спорных вопросов необходимо отметить признание польско-германской границы по Одеру-Нейсе, решение проблемы немецкого меньшинства в Польше и выплаты компенсаций польским гражданам со стороны федерального правительства.

В послевоенной истории польско-германских отношений можно выделить несколько периодов, связанных с установлением и развитием официальных контактов между польским и германскими государствами. Так, первый из них, 1949–1955 гг., период, связанный с образованием двух германских государств с разной общественно-политической системой развития, ФРГ и ГДР. Именно в этот период были установлены наиболее тесные и близкие контакты между Варшавой и Восточным Берлином, заключен Згожелецкий договор с ГДР о признании границы по линии Одер-Нейсе. Что касается взаимоотношений Польши с ФРГ, то именно вопрос о границе стал предметом длительного спора между Варшавой и Бонном.

Для Польши раздел Германии являлся ничем иным, как одним из элементов сохранения своей безопасности в условиях, когда Бонн отказывался признать границу по линии Одер-Нейсе в соответствии с международным правом. Решение данной проблемы являлось первостепенной задачей для польского правительства, поэтому все остальные вопросы, связанные с развитием польско-западногерманских отношений, имели в этот период второстепенное значение.

18 октября 1949 г. Польша признала де-юре суверенитет ГДР. В свою очередь 20 февраля 1950 г. со стороны ГДР последовало предложение об установлении дипломатических отношений между странами. Однако ответ с польской стороны был предоставлен только через восемь дней, т.к. Варшава желала вначале признания со стороны ГДР границы по Одеру-Нейсе. Необходимо отметить, что руководство СЕПГ вплоть до 1948 г. считало возможным осуществить ревизию польской западной границы, однако Берлинский кризис и наступившее «похолодание» в отношениях Восток – Запад вынудили руководство ГДР расстаться с этой мыслью. Этому также способствовал уход В. Гомулки из партийного руководства. Так, делегация руководства СЕПГ, находившаяся на переговорах с руководством ПОРП в 1948–1949 гг. в Варшаве вынуждена была согласиться, что без признания польской западной границы не может быть и речи об установлении дипломатических отношений между государствами. Кроме того, руководство ГДР было заинтересовано в тот период в развитии торгово-экономических связей с Польшей. Во время визита в Варшаву вице-премьера В. Ульбрихта 5–6 декабря 1950 г. было подписано несколько договоров, соглашений и протоколов, касающихся различных направлений торгово-экономического, научного, культурного и финансового сотрудничества двух государств [1, s. 83].

Однако наибольшее политическое значение имела Варшавская декларация об установленной и существующей межгосударственной границе по Одеру-Нейсе, после заключения которой через месяц последовало подписание договора, регулирующего также пограничное движение между государствами и судоходство в пограничных водах. 6 июля 1950 г. премьер-министр Польши Ю. Циранкевич и премьер-министр ГДР О. Гротеволь подписали Згожелецкий договор о демаркации польско-германской границы. Договор включал преамбулу и восемь статей. Преамбула ссылается на Потсдамское соглашение как на соглашение, установившее границу по Одеру-Нейсе, а также на Варшавскую декларацию, подчеркивая, что по отношению к ней Згожелецкий договор носит исполнительный характер. Целью Договора являлось «создание нерушимых основ мирного и добрососедского

сосуществования двух народов». А граница по Одеру-Нейсе – это граница мира, дружбы и сотрудничества между польским и немецким народами [2]. Договор также предусматривал создание смешанной германо-польской комиссии, которая должна была осуществить работу по демаркации польско-германской границы. 9 августа 1950 г. Згожелецкий договор был ратифицирован Народной палатой ГДР, а вступил в силу после обмена ратификационными грамотами в ноябре того же года [3, s. 80].

Признание ГДР западной границы Польши в июле 1950 г. стало началом официального сотрудничества двух народов. Однако отношения между ПОРП и СЕПГ были очень напряженными, и обе стороны постоянно подозревали друг друга в том, что под покровительством Советского Союза их взаимоотношения будут использованы в первую очередь для решения своих собственных интересов. Необходимо отметить, что В. Пик и О. Гротеволь выступали против сдвига польской границы на запад за счет Германии, но под давлением Москвы быстро изменили свое мнение в пользу Польши [4, s. 94].

В результате признания восточногерманским правительством польской западной границы между Польшей и ГДР были заключены три соглашения: Декларация Правительства Польской Республики и Правительства ГДР о демаркации установленной и существующей польско-германской границы на Одере-Нейсе, соглашение и акт о демаркации, подписанный 27 января 1951 г. в Франкфурте-на-Одере [5, с. 191–192]. 22 января 1952 г. состоялся обмен ратификационными грамотами. Особое внимание следует обратить на формулировку, содержащуюся в статье 1 Згожелецкого договора, в которой идет речь о границе по Одеру-Нейсе как о «государственной границе между Польшей и Германией», а не о государственной границе между Польшей и ГДР. Такая формулировка означала, что в случае объединения обоих германских государств, граница по Одеру-Нейсе не подлежит изменению – она будет основываться на решениях Потсдамской конференции [6, с. 46].

20 сентября 1955 г. руководство ПНР окончательно признало суверенитет ГДР в связи с её вхождением в состав ОВД. Основной долгосрочной целью внешней политики ПНР было поддержание политического и территориального статус-кво в Центральной и Восточной Европе, т.е. Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Идея заключалась в том, чтобы западная граница Польши была признана не только Востоком, но и Западом, т.е. Западной Германией. Польша официально признала ГДР путем установления дипломатических отношений. С другой стороны, Федеративная Республика

неизменно не признавала ни Восточную Германию, ни границу по Одеру-Нейсе, которую ГДР признала в акте международного права от имени всей немецкой нации.

Позиция правительства ФРГ в отношении границы с самого начала была резко враждебной. Надо отметить, что правительство ФРГ допускало разнообразие в формулировках своей позиции в отношении границы. Так, вначале правительство ФРГ заявляло, что никакое германское правительство никогда не сможет признать границу по Одеру-Нейсе, что следует подумать о создании польско-германского кондоминиума на возвращенных землях. По мнению Бонна, ни правительство ФРГ, ни правительство ГДР не правомочны решать вопрос о границе. Этот вопрос относится к компетенции будущего общегерманского правительства. В свою очередь правительство ФРГ было готово дать гарантии, что не будет стремиться к изменению нынешнего статус-кво с помощью силы. Позиция ФРГ по вопросу о западной границе Польши была связана с отказом признать обязательную силу Потсдамского соглашения в отношении Германии [7, с. 154].

В отношении ФРГ польские власти проводили совершенно иной внешнеполитический курс, который отличался от их взаимоотношений с восточногерманским государством. Изначально руководство Польши высказало официальный протест против образования ФРГ в ноте от 5 октября 1949 г., представленной европейским государствам. В своей ноте польское правительство отметило, что образование ФРГ – это есть нарушение Потсдамских соглашений. В польской прессе утверждалось, что образование ФРГ и правительства в Бонне ни что иное, как нарушение Парижских соглашений, согласно которым западные государства брали на себя обязательства обеспечить объединение Германии [1, s. 120].

Правительство Польши было также заинтересовано в возвращении государственной собственности и получении компенсации от правительства ФРГ, общая сумма которой составляла от 70 млрд. до 220 млрд. немецких марок. 23 августа 1953 г. польское правительство по согласованию с руководством СССР официально отказалось от выплаты германских репараций со стороны ГДР, начиная с 1 января 1954 г. Однако стоит отметить, что в 1953 г. Польша считала ГДР единственным германским государством и не поддерживала дипломатических отношений с ФРГ, поэтому заявление польского правительства от 23 августа 1953 г. касалось только ГДР, так как отказ Польши от возмещения ущерба восточногерманской стороной был тесно связан с содержанием соглашения, заключенного 22 августа 1953 г. между правительствами СССР и ГДР. Таким образом, соглашение 1953 г. касалось только ГДР, а не всей Германии. Политические намерения

польских властей заключались в том, чтобы в конечном итоге получить от ФРГ значительные средства в виде компенсации за последствия военных действий на территории польского государства в годы Второй мировой войны [8, s. 225].

Что касается возвращения польской государственной и частной собственности или выплаты соответствующей компенсации, то еще 1 января 1948 г. Польша потребовала возвратить утраченную собственность, которая находилась на территории всех оккупационных зон Германии, а также из Австрии и Чехословакии польское имущество на сумму 124 млн злотых. Однако английские власти отклонили 1606 предложений из 3377 о возвращении польской собственности, американские власти – 985 из 1786, а французские власти и вовсе не вернули Польше её собственность. Таким образом, Польше не было возвращено промышленное имущество на сумму 9,8 млрд. немецких марок, частная собственность – 1,3 млрд. марок, произведения искусства и культуры, исторические и археологические ценные предметы на сумму 11–18 млрд. немецких марок [9, ł. 92].

Правительство Польши вынесло тогда на рассмотрение вопрос компенсаций за утраченное здоровье вследствие «научных» экспериментов в концлагерях. Согласно постановлению правительства ФРГ от 26 июля 1951 г. и федеральному закону от 5 мая 1960 г. федеральное правительство должно было оказать помощь лицам, пострадавшим в ходе т.н. «научных» экспериментов, проживающих за границей в форме пособия, предоставляемого через органы опеки. На основании данного постановления с просьбой к правительству в Кёльне оказать денежную помощь за нанесенный здоровью вред обратились три ксёндза – граждане Польши, но их просьба была отклонена. Политические и экономические круги ФРГ в ответ на попытки польской стороны добиться выплаты материальной компенсации за потерянное здоровье польскими гражданами утверждали, что согласно статье 5 постановления 2 лондонского договора от 27 февраля 1953 г. удовлетворение в таком роде претензий относится к последнему сроку урегулирования репарационного вопроса [9, ł. 92]. Следовательно, вопрос компенсаций трактовался правительством ФРГ как решение репарационной проблемы, а соответствующие выплаты уже произведены, поэтому претензии и требования польского правительства, по его мнению, были ничем не обоснованы.

Одним из основных вопросов в польско-германских отношениях, которая обсуждалась на протяжении достаточно длительного промежутка времени, являлась проблема немецкого меньшинства в Польше. 22 марта 1949 г. представители Советской военной администрации и Польской военной миссии заключили соглашение о переселении

немецкого населения из Польши в советскую оккупационную зону. По условиям соглашения, первыми были переселены немцы из ликвидируемых трудовых лагерей. Поскольку обычным транспортом были переселены только немецкие семьи, члены которых до момента переселения были заняты на промышленных предприятиях или в сельском хозяйстве, а таких семей было немного, в Польше оставалась большая группа немцев, нетрудоспособных или не имеющих определенной профессии, таких как домохозяйки, монахини, торговцы и т. д. Поэтому местные власти, в случае возникающих трудностей с отбором необходимого количества людей, отвечающих условиям контракта, пытались включить в списки перевозок лиц, имеющих право на санитарную транспортировку – престарелых, больных, женщин и детей. В 1948–1950 гг. 3 155 600 мирных жителей и 35 300 военнопленных покинули Польшу. Всего из Польши было переселено 3 190 900 немцев, что на 300 000 чел. меньше, чем предполагалось в плане, одобренном 20 ноября 1945 г. Контрольным советом союзников Германии [10, s. 162].

В результате переселения немецкого населения из Польши приобретенная польскими властями немецкая собственность включала, в частности, земельная собственность – около 25 % сельскохозяйственных угодий третьего Рейха, в том числе 528 800 ферм площадью 7,14 млн гектаров, лесная собственность площадью около 2,84 млн гектаров, промышленная – всего около 70 000 предприятий. Общее состояние приобретенной собственности оценивалось в 37 073,7 млн немецких марок по данным 1945 г. По подсчетам германской стороны, а учитывались только физические потери, которые составили 16 400, 1 млн марок – земельные активы, 8407,2 млн – земля, 37,7 млн – предметы, используемые в профессиональной деятельности или для научных исследований, 338 млн – право на акции корпораций, 5,524 млн марок – бытовая техника и другое движимое имущество [10, s. 163].

Таким образом, вся немецкая собственность на «возвращенных землях» в соответствии с реформами ПКНО, законом о национализации лесов, законом о национализации промышленности была передана в собственность Государственного казначейства. Следствием переселения немецкого населения из Польши стала не только потеря имущества, но и потеря польского гражданства на основании неопубликованного постановления Госсовета № 37/56 от 16 мая 1956 г. Согласно его содержанию, Государственный совет разрешил изменение польского гражданства на немецкое для тех польских граждан, которые покинули или покинут территорию ПНР и отправились в качестве репатриантов в ГДР или ФРГ. Эти лица сразу же потеряли польское гражданство после пересечения польской границы.

Польша и ГДР решительно поддерживали различные культурные и экономические инициативы, например, в торговом договоре от марта 1948 г. о поставках угля, кокса и стали, а также сельскохозяйственной продукции в ГДР говорилось об оказании «братской помощи» с польской стороны. В августе 1948 г. в Восточном Берлине было создано Общество Гельмута фон Герлаха, целью деятельности которого являлось наладить и развивать культурные, экономические и политические связи с Польшей. В марте 1950 г. товарищество было переименовано в германо-польское объединение по вопросам мира и добрососедства. В организованных объединением мероприятиях принимали участие представители СЕПГ, а начиная с июня 1952 г. руководство объединения стало проводить совместные культурные мероприятия с польской стороной, войдя в состав Товарищества по культурным связям с заграницей. В Польше в свою очередь были предприняты усилия, направленные на улучшение положения немецких военнопленных по сравнению с 1944–1945 гг., и таким образом была создана инициативная группа активистов в Польше и ГДР, выступавшая за налаживание польско-германских контактов. Кроме того, в обоих государствах велась активная антизападногерманская пропаганда, направленная в первую очередь против ФРГ и США. СЕПГ всю ответственность за национал-социализм переложила на Западную Германию [4, s. 97].

Однако межправительственные отношения в то время можно охарактеризовать как показательные, скрывающие на самом деле политический конфликт на самом высоком уровне. Кроме того, несмотря на установившиеся связи между государствами, все социальные и межличностные контакты между гражданами ГДР и ПНР были невозможны из-за закрытой границы. В дальнейшем польско-восточногерманские отношения развивались на уровне межпартийных и межгосударственных контактов. Так, в 1950 г. визит в Польшу совершил президент ГДР В. Пик, а в 1951 г. с ответным визитом в ГДР побывал Б. Берут. 6 октября 1953 г. состоялся обмен дипломатическими представителями в ранге послов. В июле 1950 г. было заключено и первое торговое соглашение о товарообороте и платежах. В 1953 г. страны достигли уровня производства равного довоенному в товарообмене между Польшей и всей Германией. Торговый оборот Польши с ГДР составил около 10% всего торгового оборота Польши с зарубежными странами, ставя ГДР на второе место после СССР.

Следует отметить и тот факт, что в 1950-х гг. все наиболее важные польские законы, направленные против немцев, проживающих на территории Польши были отменены. Лица немецкого происхождения

могли на основе нового Закона о гражданстве от 8 января 1951 г. получить польское гражданство [11, s. 362]. Кроме того, было заключено правительственное соглашение, согласно которого польская сторона согласилась на репатриацию 40 000 военнопленных немцев из Нижнесилезского угольного бассейна в ГДР.

Таким образом, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. польскую позицию по германскому вопросу следует рассматривать через призму установления более тесных взаимоотношений Польши с ГДР, признания границы по линии Одер-Нейсе в первую очередь Восточной Германией с заключением Згожелецкого договора, решения проблемы выплаты материальной компенсации правительством ФРГ польским гражданам, пострадавшим в годы Второй мировой войны, решения вопроса о немецком меньшинстве в Польше, в том числе вопроса, связанного с переселением немецкого населения с территории польского государства в ГДР или ФРГ и развитие политических, торгово-экономических и культурных связей Польши с ГДР, несмотря на определенные трудности, которые наблюдались во взаимоотношениях Варшавы и Восточного Берлина в первые послевоенные годы.

Источники и литература

1. Niemcy i Polacy, 1945–1995 / oprac. red. K. Kanecka. – Warszawa : W-wo RYTM, 1996. – 199 s.
2. Układ między Rzecząnpospolitą Polską a Niemiecką Republiką Demokratyczną o wytyczeniu ustalonej i istniejącej polsko-niemieckiej granicy państwowej, Zgorzelec, 6 lipca 1950 r. // Polska w stosunkach międzynarodowych, 1945–1989 / Wybór dokumentów J. Zając. – Warszawa : Uniwersytet Warszawski, 2005. – S. 68–69.
3. Kamiński, A.J. Układ Zgorzelecki / A.J. Kamiński // Przegląd Zachodni. – 1956. – Nr. 5–6. – S. 80–91.
4. Zariczny, P. PRL i NRD – czy tylko związki wymuszone politycznie? / P. Zariczny // Po obu stronach Odry Polska, Niemcy i ich wzajemne relacje w XX i XXI wieku – wybrane problemy ; pod redakcją K. Kąckiej. – Toruń : UVK, 2011. – S. 83–115.
5. Ватлин, А. Ю. Германия в XX веке / А. Ю. Ватлин. – М. : РОССПЭН, 2002. – 336 с.
6. Станков, Н. Н. ГДР и ее восточные соседи. Становление отношений с Польшей и Чехословакией 1949–1955 / Н. Н. Станков. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1991. – 132 с.
7. Вевюра, Б. Польско-германская граница и международное право / Б. Вевюра, под ред. Ю. Г. Барсегова. – М. : Иностр. лит., 1959. – 239 с.

8. Sobański, P. Roszczenia Polski wobec RFN w świetle doktryny niemieckiej / P. Sobański. – Poznań : Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogiki i Administracji im. Mieszka I w Poznaniu, 2019. – 422 s.

9. Notatka dotycząca niektórych roszczeń niereparacyjnych w stosunku do NRF// AMSZ. – Z. 26. – W. 16. – T. 100. – L. 89–94.

10. Bielawska, A. Normalizacja stosunków polsko-niemieckich – proces wciąż trwający? / A. Bielawska // Studia Podlaskie. – 2009. – Nr. 3. – S. 159–200.

11. Broszat, M. 200 lat niemieckiej polityki wobec Polski / M. Broszat. – Warszawa : Volumen, 1999. – 417 s.

УДК 94(430)"1945/1948":378.4:327.8

Н. В. Величко
Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ДЕНАЦИФИКАЦИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В СОВЕТСКОЙ ЗОНЕ ОККУПАЦИИ ГЕРМАНИИ В 1945–1948 ГОДАХ

В данной статье прослеживаются основные мероприятия Советской военной администрации в Германии, Отдела народного образования советской военной администрации, Центрального немецкого управления народного образования советской зоны оккупации послевоенной Германии по демократизации и денацификации высшей школы и науки в 1945–1948 гг. на основании документов Государственного архива Российской Федерации. Делаются выводы об успехах и недостатках деятельности данных органов по реорганизации высшей школы.

9 июня 1945 г. была создана Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Приказом № 05 Главноначальствующего СВАГ от 10 июля 1945 г. был образован Отдел народного образования советской военной администрации (ОНО СВАГ). 4 сентября 1945 г. СВАГ издала приказ № 50 о подготовке к началу учебного процесса в вузах и об установлении контроля за их деятельностью (оглашён 15 сентября). Согласно приказу СВАГ № 17 от 27 июля 1945 г., 12 сентября 1945 г. было создано Центральное немецкое управление народного образования (ЦНУНО) как вспомогательный орган СВАГ во всех

областях пропаганды, воспитания, молодёжной политики, образования, науки и искусства. С 30 сентября 1945 г. ЦНУНО учреждало порядок приёма в университеты.

15 октября 1945 г. возобновил учебный процесс университет имени Ф. Шиллера в Йене, в январе-феврале 1946 г. – университеты Берлина, Галле-Виттенберга, Лейпцига, Грейфсвальда, Ростока, а также Горная академия во Фрейберге. 25 мая 1946 г. в Веймаре был открыт государственный институт музыкального искусства. 1 сентября 1946 г. возобновил работу Веймарский институт архитектуры и изобразительного искусства, 1 октября того же года – Дрезденский технический институт и Лейпцигский институт музыки, 17 апреля 1947 г. – институты искусств, Академия изобразительного искусства и Институт ремёсел в Дрездене. 14 июня 1947 г. был основан Институт прикладного искусства в Берлине-Вейсензее, а 28 ноября – Германская академия управления в СОЗ.

С 20 января 1946 г. по ходатайству Немецкого управления по народному образованию в целях подготовки немецких кадров высшей квалификации возобновились занятия в университете г. Берлина на естественно-математическом, философском, медицинском, ветеринарном, сельскохозяйственном, юридическом и теологическом факультетах. К 15 января 1946 г. директор Немецкого управления по народному образованию подготовил и представил на утверждение начальнику Отдела народного образования СВАГ П. В. Золотухину списки кандидатур на руководящие должности в университете, профессорско-преподавательского состава и студентов в соответствии с принципом денацификации послевоенной Германии: «не допускать к руководству университетом, факультетами, институтами, кафедрами, а также к чтению лекций и руководству семинарами лиц, которые были членами нацистской партии; запретить приём в число студентов университета бывших членов нацистской партии, а также руководителей и активных деятелей Союза гитлеровской молодёжи» [1, л. 62].

Уже весной 1946 г. ОНО СВАГ провел проверку деятельности Берлинского университета, в результате которой был вскрыт ряд недостатков:

– неудовлетворительная работа приёмной комиссии университета (превышение установленного контингента, принятие в число студентов бывших членов нацистской партии, небрежное обращение со студенческими документами и др.);

– недостаточное использование учебного процесса в целях демократического воспитания студенчества (в некоторые курсы не включена научная критика нацистских и других реакционных теорий);

– отсутствие работы с профессорами, курсы которых будут возобновлены в следующем учебном году (историки, философы, специалисты по педагогике, психологии не разрабатывают программы и материалы новых курсов);

– медленная разработка систематического курса лекций для студентов, в связи с чем лекции и доклады на политические темы были организованы неудовлетворительно и, в конечном итоге, прекратились;

– плохо поставленная работа по подготовке к поступлению в университет лиц из наиболее демократических слоёв трудящихся [2, л. 47–48].

По результатам проверки начальнику Немецкого управления по народному образованию П. Ванделю было объявлено строгое замечание и вынесен ряд рекомендаций с учётом вышеуказанных недостатков и принципов денацификации («обеспечить включение в соответствующие университетские курсы квалифицированной критики лженаучных нацистских теорий, привлекая к этой работе в первую очередь профессоров – активных антифашистов») и демократизации («привести количество студентов <…> в соответствие с установленными контингентами, не допуская при этом отчисления из университета передовых, демократически настроенных студентов») оккупированной Германии [2, л. 48].

Ряд недостатков в деятельности Галльского университета был отражён в «Докладной записке начальника отдела пропаганды УСВА провинции Саксония В. М. Демидова начальнику Управления пропаганды СВАГ С. И. Тюльпанову и начальнику УСВА провинции Саксония В. И. Кузнецову о настроениях интеллигенции» от 12 апреля 1946 г. [3, л. 305–311]. В данном документе подверглись критике и студенчество, и профессорско-преподавательский состав.

На апрель 1946 г. в Галльском университете насчитывалось около 800 студентов, которых, по мнению В. М. Демидова, можно было разбить на четыре группы по политическим мировоззрениям и отношению к строительству новой Германии. Первая группа (10–15 %) – это лучшая часть студенчества, активисты, борющиеся за демократизацию университета. Вторая (около 50 %) – это студенты, которые хотят освободиться от своего прошлого, от идеологического груза нацизма, и принять участие в строительстве демократической Германии. Третья группа (примерно 25 %) – это индивидуалисты, крепко сросшиеся со старым укладом и тоскующие по утраченным привилегиям. Они не образуют никакой злостной оппозиции, но отрицательно относятся ко всему новому. И наконец, четвёртая (приблизительно 5–10 %) – это сознательная и злостная оппозиция, которая «мутит воду». В докладной записке приводятся примеры деятельности антидемократических элементов среди студенческой молодёжи [3, л. 309–310].

На тот момент в Галльском университете начитывалось 51 профессор и 17 доцентов. В. М. Демидов перечислил лишь некоторых из них, которые стоят на демократической основе и указал, что громадное большинство профессоров во главе с ректором настроено реакционно и сопротивляются нововведениям. Он также привёл примеры реакционных умонастроений профессорско-преподавательского состава [3, л. 311].

В рамках денацификации и демократизации послевоенной Германии и с учётом выявленных недостатков в работе Берлинского и Галльского университетов Союзный Контрольный Совет (СКС) издал директиву № 32 от 26 июня 1946 г., а СВАГ приказ № 208 от 17 июля 1946 г. о мерах дисциплинарной ответственности руководящих и административных кадров учебных заведений, преподавателей и студентов, запятнавших себя участием в милитаристской, национал-социалистической или антидемократической пропаганде [4, л. 160–161].

На основании приказа СВАГ № 205 от 12 июля 1946 г. в университетах советской оккупационной зоны (СОЗ) начали работу педагогические факультеты. В первую очередь, они руководствовались приказом СВАГ № 48 от 26 февраля 1947 г. о мерах по подготовке учителей для начальной, средней и профессиональной школы и о переподготовке учителей и работников народного образования в СОЗ.

В рамках демократизации высшего академического образования и с целью подготовки квалифицированных кадров для работы в государственных, хозяйственных и общественно-демократических учреждениях и организациях СОЗ приказом СВАГ № 333 от 2 декабря 1946 г. в университетах Лейпцига, Йены и Ростока были образованы факультеты общественных наук. Они предполагали бесплатное стипендиальное двухгодичное обучение [5, л. 72]. Факультеты общественных наук были упразднены после введения обязательного курса марксизма-ленинизма в первом семестре 1949–1950 учебного года. Однако первые курсы по марксизму-ленинизму в университетах были прочитаны для активистов Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) ещё 4–13 августа 1947 г. и организованы ЦНУНО совместно с Центральным Правлением (ЦП) СЕПГ. 13–14 сентября 1947 г. ЦП СЕПГ провело первое заседание для доцентов и профессоров институтов и университетов по вопросам преподавания марксизма-ленинизма. 22 марта 1948 г. Центральный секретариат СЕПГ принял решение о введении ЦНУНО обязательных курсов марксизма-ленинизма в университетах, однако на следующий день решение отклонили на том основании, что такие курсы целесообразно вводить снизу и только там, где есть соответствующие преподаватели. Одновременно в партийной школе СЕПГ были открыты курсы для преподавателей марксизма-ленинизма.

15 июня 1948 г. при партийной школе СЕПГ под руководством А. Аккермана начали работу четырёхмесячные курсы для преподавателей исторического и диалектического материализма. Преподавание этих дисциплин в вузах планировалось с нового учебного года. И действительно, 14 и 16 сентября 1948 г. последовали указания СВАГ о введении исторического и диалектического материализма и политэкономии в качестве обязательных предметов в университетах и институтах СОЗ.

12–13 марта 1947 г. был издан приказ СВАГ № 56 об улучшении материального положения профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений. Приложение № 1 к приказу касалось оплаты преподавателей вузов СОЗ с 1 января 1947 г., и интересно тем, что оно отражает иерархию профессорско-преподавательского состава: ординарный профессор (профессор, избранный на должность заведующего кафедрой и получивший пожизненно статус чиновника), экстраординарный профессор, профессор, доцент, лектор, старший научный ассистент, научный ассистент. В приложении № 2 отражалась оплата ректоров, проректоров, деканов, продеканов и директоров институтов и семинаров вузов. Приложение № 3 касалось оплаты эмеритированных профессоров (профессоров на пенсии) [6].

9 апреля 1947 г. был издан приказ СВАГ № 79 о контроле над научно-исследовательской работой. В нём чётко прослеживается принцип демилитаризации в отношении научных исследований. В документе обозначены две задачи контроля над научно-исследовательскими работами в СОЗ Германии: 1) запрещение проведения исследований военного характера и их практического применения; 2) наблюдение за проведением работ мирного характера и их применением в целях недопущения возникновения военного потенциала. К запрещённым научным исследованиям относились следующие. Во-первых, теоретические и прикладные научные работы полностью военного или преимущественно военного характера. Во-вторых, все прикладные научные исследования из перечня «А» закона № 25 Контрольного совета по Германии. К ним относились работы по следующим направлениям:

1) прикладная физика атомного ядра;

2) прикладная аэродинамика, инженерно-конструкторская работа по самолётостроению и авиамоторам;

3) ракетные двигатели, струйные двигатели и газовые турбины;

4) прикладная гидродинамика, в особенности, подводная акустика и морские двигатели;

5) судостроение и теория корабля;

6) электромагнитная, инфракрасная и акустическая радиация;

7) все электронные методы кодирования и обеспечения тайны переговоров;

8) некоторые химические продукты и методы их производства.

В-третьих, все научные работы, не носящие военного характера, но требующие для их проведения установок, которые по своим размерам или особенностям сооружения могли бы быть использованы для прикладных изысканий, имеющих военный характер. Кроме того, в документе перечислены ограниченные научные исследования, проведение которых требовало предварительного разрешения СВАГ [7, л. 173].

К лету 1948 г. в СОЗ насчитывалось 18 высших школ: 6 университетов, 2 высших технических школы, 5 высших архитектурно-художественных учебных заведений, 5 высших театрально-музыкальных учебных заведений. По землям СОЗ высшие школы распределялись следующим образом: г. Берлин (советский сектор) – Берлинский университет имени Гумбольдта и Высшая школа прикладных искусств; земля Саксония-Ангальт – Университет имени Мартина Лютера в Галле и Театрально-музыкальная высшая школа в Галле; земля Саксония – Университет в Лейпциге, Высшая музыкальная школа в Лейпциге, Высшая техническая школа в Дрездене, Академия графики и оформления книги в Лейпциге, Академия изобразительных искусств в Дрездене и Горная академия в г. Фрейберге; земля Тюрингия – Университет имени Ф. Шиллера в Йене, Высшая архитектурно-художественная школа в Веймаре, Высшая музыкальная школа в Веймаре и Театральный институт в Веймаре; земля Мекленбург – Университет в Ростоке, Университет в Грейфсвальде и Высшая музыкальная школа в Ростоке [8, л. 50].

В зимнем семестре 1947–1948 гг. в высших учебных заведениях советской зоны оккупации Германии обучалось около 21 тыс. студентов, из них 65 % мужчин и 35 % женщин. По социальному происхождению состав студенчества характеризовался следующими данными: рабочие – 4923, крестьяне – 840, служащие и чиновники – 8687, лица свободны профессий и интеллигенция – 2328, самостоятельные владельцы частных предприятий, мастерских, магазинов и т. п. – 3383, прочие – 739. Студенты – выходцы из трудящихся слоёв населения составили 27 %. Самый низкий процент рабочих и крестьян наблюдался в Берлинском университете (16,8 %). Например, в Лейпцигском университете рабочих и крестьян насчитывалось около 32 %, в Йенском университете – около 33 %, Галльском университете – около 30 %, в Высшей архитектурно-художественной школе в Веймаре – около 60 %, в Высшей технической школе в Дрездене – 42 %. Большинство студентов из рабочих и крестьян училось на младших семестрах (набора 1946 г. и 1947 г.). В 1947 г., согласно отчётным сводкам ЦНУНО и СЕПГ, 39 % студентов были рабоче-крестьянского происхождения [8, л. 51].

Состав студенчества по партийной принадлежности выглядел следующим образом: членов СЕПГ – около 6 тыс., членов ЛДП – около 2 тыс., членов ХДС – около 1500, беспартийных – свыше 11500. К лету 1948 г. в университетах СОЗ были созданы профсоюзные организации, однако они охватывали ещё сравнительно небольшую часть студенчества. Среди студентов вузов советской зоны насчитывалось 485 бывших офицеров немецкой армии и 348 бывших номинальных членов нацистской партии или других нацистских организаций.

Профессорско-преподавательский состав по состоянию на 1 мая 1948 г. характеризовался следующими данными (по шести университетам и трём крупным высшим школам: Дрезденская техническая школа, Веймарская архитектурная школа и Горная академия в г. Фрайберг): из 1303 профессоров, доцентов и преподавателей членов СЕПГ – 265, членов ХДС – 79, членов ЛДП – 55, беспартийных – 895, социал-демократов (Берлинский университет) – 9, бывших номинальных членов НСДАП и других нацистских организаций – 292 [8, л. 52].

Документы Государственного архива Российской Федерации 1945–1948 гг. подчёркивают, с одной стороны, огромную работу органов народного образования по денацификации и демократизации высшей школы в СОЗ, однако, с другой стороны, в отчётах, докладных записках и справках о состоянии дел в вузах указываются ряд недостатков и выдвигаются предложения по улучшению учебного процесса, по организации политико-воспитательной работы со студенчеством, по усилению советского влияния в вузах. С учётом данных рекомендаций велась дальнейшая работа по денацификации и демократизации высшей школы в СОЗ.

Таким образом, за три года оккупации в СОЗ была проведена большая работа по денацификации и демократизации вузов. Все бывшие активные нацисты были удалены из высшей школы, часть реакционно настроенных профессоров уехала в западные зоны Германии. В вузы советской зоны вернулись на работу многие прогрессивные преподаватели, находившиеся в нацистское время в эмиграции или изгнанные гитлеровцами из высших школ. В немецких органах народного образования руководящие позиции заняли члены СЕПГ. В вузах выросли организации СЕПГ.

Органами народного образования была проведена большая работа по пересмотру учебных планов, учебных программ и лекционных курсов, были изъяты все нацистские учебные пособия, библиотеки вузов были очищены от нацистских книг и систематически пополнялись марксистской и другой литературой, издаваемой в советской зоне.

Во всех университетах были созданы педагогические и социально-экономические факультеты (факультеты общественных наук).

Органами народного образования СВАГ были созданы курсы по подготовке в вуз, комплектуемые в основном из рабочих и крестьян. В 1947 г. часть курсов была включена в состав университетов на правах подготовительных факультетов. Для увеличения количества студентов из трудящихся слоёв населения для рабочих и крестьян были установлены преимущества при поступлении в вуз, при получении государственной стипендии и освобождении от платы за обучение.

Однако процесс денацификации и демократизации высшей школы в СОЗ к лету 1948 г. завершён не был. Выявленные недостатки в его осуществлении и сжатые сроки требовали дальнейших мер по улучшению политической и учебной работы в вузах. Утвердившись с помощью СВАГ в качестве руководящей силы Восточной Германии, СЕПГ не сумела обрести сколько-нибудь значимые позиции в вузах вплоть до начала 1948–1949 учебного года. Слабость позиции СЕПГ делала высшую школу СОЗ оплотом идейного противостояния коммунистической программе обновления Германии.

Источники и литература

1. Приказ СВАГ № 4 о возобновлении занятий в университете г. Берлина от 8 января 1946 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 3. Л. 62–63.

2. Указание начальника ОНО СВАГ П.В. Золотухина начальнику Немецкого управления народного образования П. Ванделю о недостатках в работе Берлинского университета и мерах по их устранению от 11 апреля 1946 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. Р-7317. Оп. 55. Д. 2. Л. 47–48.

3. Докладная записка начальника отдела пропаганды УСВА провинции Саксония В. М. Демидова начальнику Управления пропаганды СВАГ С.И. Тюльпанову и начальнику УСВА провинции Саксония В. И. Кузнецову о настроениях интеллигенции от 12 апреля 1946 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 273. Л. 305–311.

4. Приказ СВАГ № 208 о дисциплинарных мерах в отношении руководящего административного персонала учебных заведений, преподавателей и студентов, ведущих милитаристскую, нацистскую, антидемократическую пропаганду // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 6. Л. 160–161.

5. Приказ СВАГ № 333 об учреждении факультетов общественных наук при Лейпцигском, Йенском и Ростокском университетах // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 8. Л. 72–74.

6. Приказ СВАГ № 56 об улучшении материального положения профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 10. Л. 10–14.

7. Приказ СВАГ № 79 о контроле над научно-исследовательской работой // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 10. Л. 171–176.

8. Справка Управления информации СВАГ о положении в высших школах // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. Р-7317. Оп. 54. Д. 12. Л. 50–63.

УДК 101.1:316.42(341.01)

Сюй Цзявэнь, В. В. Анохина
Белорусский государственный университет

СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙ В БОРЬБЕ ЗА МИР И ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО: КИТАЙСКОЕ ВИДЕНИЕ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

В фокусе внимания авторов статьи находятся ценностные постулаты концепции «Пяти принципов мирного сосуществования», которая определяет подход китайского государства к вопросам внешней политики и международного сотрудничества. В статье анализируются глобальные инициативы современного Китая, направленные на укрепление мира, установление взаимовыгодного глобального партнерства и достижение экологически устойчивого социального и экономического развития, приносящего пользу всем государствам. Рассматриваются ключевые характеристики модернизации Китая и выделяются особенности китайского видения перспектив реформирования глобального миропорядка в направлении достижения большего равноправия, инклюзивности, экологической устойчивости и процветания для всех.

Китай XXI века позиционирует себя в системе международных отношений не только как крупную державу, обладающую второй по объему ВВП экономикой мира, но и как ключевого субъекта современной геополитики, признанного лидера стран Глобального Юга, выступающего за справедливый многополярный мировой порядок, мирное сосуществование государств и глобальное партнерство в интересах устойчивого развития.

Одной из наиболее значимых послевоенных инициатив Китая, определяющих лидерский статус китайской дипломатии в глобальном движении за мир, является знаменитая концепция «*Пять принципов мирного сосуществования*», которая определяет подход китайского государства к вопросам международного сотрудничества со второй половины XX века по настоящее время. Концепция «*Пяти принципов*» сложилась благодаря совместной инициативе Китая, Индии и Бирмы (сегодня Мьянмы), когда в апреле 1954 г. в преамбуле соглашения между Китаем и Индией о торговле и связях Тибетского района КНР с Индией, заключённого по завершении индо-китайского конфликта 1949–1954 годов, были провозглашены следующие принципы межгосударственных отношений развивающихся стран постколониального мира: 1) уважение суверенитета и территориальной целостности друг друга; 2) ненападение; 3) невмешательство во внутренние дела друг друга; 4) равенство и взаимная выгода; 5) мирное сосуществование. В этом же году концепция «Пяти принципов» была широко принята в международном сообществе и получила дальнейшее развитие в совместном заявлении премьер-министра Индии Дж. Неру и премьера госсовета КНР Чжоу Эньлая (28 июня 1954 г.); в совместном заявлении Чжоу Эньлая и премьер-министра Бирмы У Ну (29 июня 1954 г.); в совместной декларации правительства СССР и правительства КНР от 12 октября 1954 года [1].

Как отмечает глава китайской дипломатии, министр иностранных дел КНР г-н Ван И, после того, как в 1954 году «*Пять принципов*» были впервые провозглашены в Азии, они «вскоре вышли на мировую арену, сформировав основу десяти принципов, изложенных на Бандунгской конференции 1955 года, и стали руководящими принципами Движения неприсоединения, возникшего в 1960-х годах. Декларация о принципах международного права, принятая на сессии ГА ООН в 1970 году, и Декларация об установлении нового международного экономического порядка, принятая на Шестой специальной сессии ГА ООН в 1974 году, одобрили *Пять принципов*» [1], благодаря чему был заложен фундамент универсальных норм и основополагающих принципов международного права.

В 2024 году исполнилось семьдесят лет со дня подписания индо-китайского мирного договора и первого провозглашения «*Пяти принципов*». Подчёркивая исключительную важность данного события, г-н Ван И отмечает: «Зародившиеся в то время, когда национальные движения за независимость и освобождение охватили Азию, Африку и Латинскую Америку, *Пять принципов* воплотили законное стремление новых независимых стран защитить свой суверенитет и развивать

свою национальную экономику, обеспечили объединяющую мощь для усилий развивающихся стран по достижению сотрудничества и укрепления себя через единство… <…> Сегодня человечество живет в глобальной деревне, и страны более взаимосвязаны и взаимозависимы, чем когда-либо прежде. Мир вступил в новый период турбулентности и перемен, когда факторы нестабильности и неопределенности заметно усиливаются. <…> Будучи первой систематической теорией международных отношений, предложенной развивающимися странами, *Пять принципов* подчеркивают важность взаимности и равенства в отношениях между государствами и выделяют суть международного верховенства права, т. е. взаимосвязь прав, обязательств и ответственности, заменив политику силы, запугивание и закон джунглей на уважение суверенитета, равенства и взаимной выгоды» [2]. Характеризуя многоплановость концепции «*Пять принципов*», Ван И выделяет *четыре основных значения* этой инициативы для современного миропорядка: *историческое*, *реалистическое*, *теоретическое* и *практическое*. 1) С исторической точки зрения инициатива «Пяти принципов» выражает неизбежность стремления стран постколониального мира к многополярности и большей демократии в международных отношениях. 2) С реалистической точки зрения она являет собой призыв к объединению всех прогрессивных сил во всем мире и совместному решению глобальных проблем. 3) С теоретической точки зрения концепция «Пяти принципов» – это важный краеугольный камень для построения нового типа международных отношений. 4) Наконец, с практической точки зрения она предлагает путь к соблюдению Устава ООН и международного верховенства права [2].

Продолжая развивать данную концепцию, современное китайское государство стремится продвигать комплексные программы сотрудничества, в числе которых самая широкая по охвату инициатива «*Один пояс, один путь*», превратившаяся сегодня в самую крупную платформу международного сотрудничества. В настоящее время экономическое сотрудничество в рамках этой инициативы объединяет 155 стран мира. Объемы международной торговли, формируемые программой, выросли в 2024 г. на 6,4%, несмотря на геополитическую турбулентность, продолжающиеся военные столкновения, высокие климатические (экологические), социальные и технологические риски.

В развитие идеи генерального секретаря КПК, Президента КНР Си Цзиньпина – «*Создание сообщества с единой судьбой для человечества*», направленное на укрепление партнерских отношений по всему миру, дружбы, взаимного уважения, справедливости, правосудия и выгодного для всех сторон сотрудничества, – Китай выдвинул

еще три глобальные инициативы: *Глобальную инициативу развития* (GDI), *Глобальную инициативу безопасности* (GSI) и *Глобальную цивилизационную инициативу* (GCI). Как отмечает Ван И, «восемьдесят две страны присоединились к Группе друзей GDI, 119 стран и международных организаций выразили поддержку GSI, а 78-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН единогласно приняла резолюцию об учреждении *Международного дня диалога между цивилизациями*» [3].

Выдающиеся результаты модернизация современного Китая, позволившие стране достичь состояния *общества «среднего достатка»* (сяокан), во многом были следствием *политики «реформ и открытости»* Дэн Сяопина, провозгласившего в 1978 г. курс на осуществление рыночных реформ внутри страны и ее открытости внешнему миру. Стратегия «социалистической модернизации с китайской спецификой» (ю чжунго тэсэ дэ шэхуй чжуи сяньдайхуа) [4, с. 328] предполагала в качестве важного средства поднятия экономики, наряду с отказом от догматического противопоставления плана и рынка, международную политику открытости, которая опиралась на широкое привлечение иностранных инвестиций, создание благоприятного инвестиционного климата за счет особых экономических районов (ОЭР), ориентированных на внешние рынки, открытых экономических зон в приморских районах, зон беспошлинной торговли, открытых приморских городов [5, с. 192]. Политика открытости позволила Китаю быстро включиться в процесс экономической глобализации, активно использовать передовые технологии и последние достижения НТР, привлекать зарубежные капиталы, профессиональные кадры, опираться на передовой опыт управления корпорациями. Получая значительные выгоды от своего места в геоэкономике, Китай во внешней политике критикует любые формы изоляционизма и «черного» протекционизма, препятствующие свободному перемещению товаров, капиталов, услуг и рабочей силы. Сохраняя с дружественными развивающимися странами Глобального Юга режим торговли с нулевыми тарифами, Китай стремится к активному внедрению Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (RCEP) и активизации процесса Зоны свободной торговли Азиатско-Тихоокеанского региона (FTAAP). Будучи приверженным политике либерализации торговли и инвестиций, Китай активно создает новые импульсы для глобального роста.

В то же время, сохраняя баланс политических и экономических рычагов управления в руках государства, китайская модель модернизации ориентирована на предотвращение негативных последствий

рынка. «Социализм с китайской спецификой» подразумевает достижение всеобщего благосостояния посредством поддержания социальной гармонии и избавления общества от крайностей эксплуатации и имущественной поляризации, которые часто сопровождают рыночные реформы либерального типа. Продолжая политику «реформ и открытости» в современных условиях, лидер Китая Си Цзиньпин на Пекинском саммите FOCAC указал на следующие приоритеты и принципы продолжающейся модернизации китайского общества: люди прежде всего; справедливость и равноправие; разнообразие и инклюзивность; экологическая устойчивость, мир и безопасность.

Исходя из логики китайской стратегии модернизации страна ориентирована на глобальное партнерство, всесторонние и многоуровневые, широкомасштабные и интенсивные внешние обмены со всеми странами для построения мирной, счастливой и полноценной жизни для всех. Отмечая важность глобального партнерства для высвобождения дивидендов китайской модернизации, Ван И цитирует Генерального секретаря КПК Си Цзиньпина, указавшего на то, что «*развитие Китая требует открытости миру, а процветание мира требует вклада со стороны Китая*» [3]. Поэтому объединение усилий с международным сообществом в рамках предлагаемых Китаем разносторонних инициатив нацелено на достижение прочного мира, взаимовыгодного сотрудничества и общего процветания.

Обобщая современное видение перспектив глобального партнерства и направлений реформирования сложившейся после Второй мировой войны системы международных отношений, присущее китайской внешней политике, можно выделить следующие его приоритеты.

Во-первых, согласно предлагаемой Си Цзиньпином модели реформирования глобального управления, совместные усилия мирового сообщества на базе институтов ООН и принципов международного права, должны быть направлены на построение общего будущего, в котором страны с различными социальными системами и уровнями экономического развития, политическими идеологиями, культурными традициями и цивилизационными основаниями смогут мирно сотрудничать, преследовать общие интересы, отстаивать общие права и выполнять общие обязанности во имя создания лучшего мира для всех.

Во-вторых, Китай выступает за такую форму глобального управления, в которой судьбы человечества будут решаться сообща всеми странами в рамках справедливого и многополярного мира на основе всесторонних консультаций и паритетного вклада для достижения общей выгоды. Китайское видение нового миропорядка фокусируется на

стабильности, конструктивности, равноправности и демократичности международных отношений, отвергая любые формы гегемонии и политику силы.

В-третьих, Китай выступает против изоляционизма за выгодную всем, инклюзивную экономическую глобализацию, предпринимая активные шаги по преодолению региональных дисбалансов, особенно в плане совместного использования возможностей роста развитыми и развивающимися странам с целью достижения общего процветания. КНР способствует продвижению либерализации и упрощению торговли и инвестиций, чтобы создать новые импульсы глобального развития.

В-четвертых, создание нового мирового порядка предполагает достижение Целей развития тысячелетия (ЦРТ) и реализацию принципов устойчивого развития. Встав на путь созидания «экологической цивилизации» будущего, Китай стремится содействовать модернизации международной системы охраны природы и системы управления экологической средой; обеспечить строительство «зеленой» экономики, основанной на углеродной нейтральности и «зеленых» циклах производства для «нового» «прекрасного» Китая [6, с. 240], вывода страны на качественно более высокий уровень инновационного социально-экономического и устойчивого экологического развития; создать эффективную международную систему глобальной экологической защиты и восстановления разрушенных экосистем Земли.

Источники и литература

1. Пять при́нципов ми́рного сосуществова́ния // Большая российская энциклопедия 2004–2017 [Электронный ресурс] / Мин-во культуры Российской Федерации; гл. ред. С. Л. Кравец. – Режим доступа: https://old.bigenc.ru/world_history/text/3487021. – Дата доступа: 10.03.2025.

2. Wang Yi. The Historic Step from Peaceful Coexistence To a Shared Future for Humanity [Electronic resource] / Wang Yi // Official website of the Ministry of Foreign Affairs the People's Republic of China. July 17, 2024. – Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/zyxw/202407/t20240717_11455444.html. – Date of access: 18.03.2025.

3. Wang Yi. Holding High the Banner of Building a Community with a Shared Future For Mankind and Striving for Greater Achievements In Major-Country Diplomacy with Chinese Characteristics [Electronic resource] / Wang Yi // Qiushi Journal. – No. 02. – 2025. – Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjbzhd/202501/t20250127_11546599.html. – Date of access: 04.03.2025.

4. Сизикова, В. А. Политика социалистической модернизации в Китае после 1978 года: шансы и вызовы / В. А. Сизикова // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 1. – С. 328–341.

5. Регзенова, Д. Б. О. Основные принципы и сущность реформ Дэн Сяопина / Д. Б. О. Регзенова // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – Вып. 6, 2010. – С. 189–193.

6. Jun Yan. Knowledge and Understanding of Ecological Civilization: A Chinese Perspective / Jun Yan, Vladimir Bocharnikov // BRICS. Journal of Economics. – Vol.3(4), 2022. – Pp. 231–247. URL: https://doi.org/10.3897/brics-econ.3.94450.

Научное издание

ВТОРАЯ МИРОВАЯ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНЫ КАК ФАКТОР ПЕРЕХОДА ОТ МНОГОПОЛЯРНОГО К БИПОЛЯРНОМУ МИРУ

Сборник научных статей

Подписано в печать 02.06.2025. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 12,56. Уч.-изд. л. 13,73.
Тираж 25 экз. Заказ 330.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:
издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.